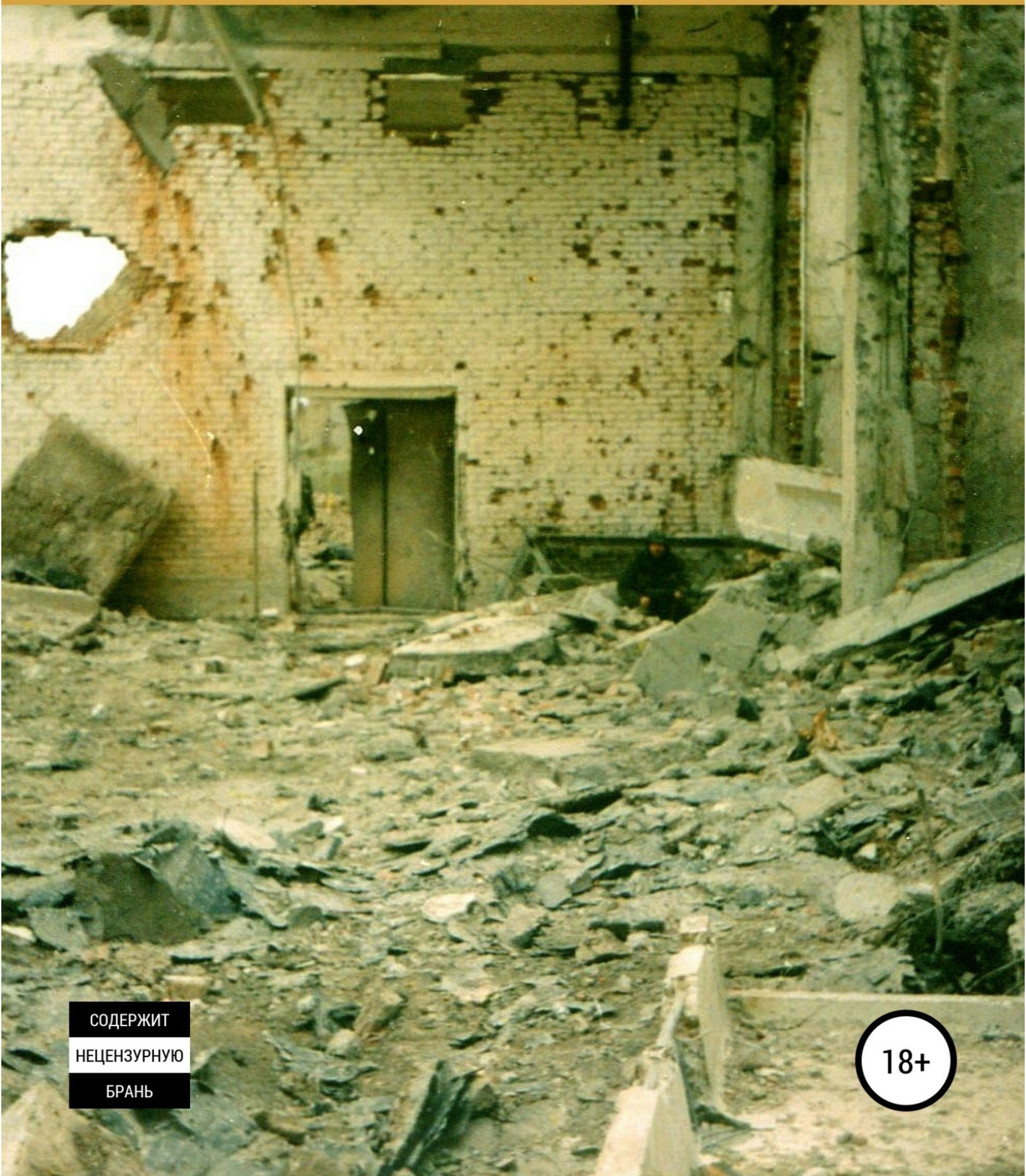

Борис Цеханович

Дневник артиллерийского офицера

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Цеханович

**Дневник артиллерийского
офицера**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Дневник артиллерийского офицера / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Война - это не только батальные сцены. Это и жизнь со своими маленькими радостями и неудачами. Война - это когда ты вынужден принимать жёсткие решения, о которых после войны будешь вспоминать с горечью. Но сейчас ты должен это решение принять, иначе погибнут солдаты и офицеры твоей части. А когда ты ещё и начальник - то вынужден постоянно навязывать свою волю и свою командирскую правду своим подчинённым. Иначе грош цена тебе как командиру. На обложке книги фото из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Сентябрь	5
Октябрь	31
Ноябрь	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сентябрь

Командира срочно вызвали к Командующему округа, поэтому развод полка проводил начальник штаба подполковник Минабудинов. Ещё раз, уточнив о том, чтобы командиры подразделений были в готовности собраться на совещание, он распустил подразделения

Я несколько дней тому назад вступил в должность начальника артиллерии полка, поэтому шёл несколько в сторонку от офицеров штаба и с интересом прислушивался к обсуждению внезапного вызова командира. В основном все сходились в том, что всё это связано с событиями на границе Чечни и Дагестана. И хотя с другой стороны боевые действия уже заканчиваются и делать нам там как бы нечего, но сам факт внезапного вызова полковника Никитина настораживал. Командиров дивизионов я дёргать не стал, решив подождать командира полка, чтобы разобраться: действуем по новому плану или всё же работаем по старому. Придя в кабинет, отдал распоряжение офицерам своего штаба, а сам погрузился в размышления. А размышлять было о чём.

В мае месяце, когда начальник артиллерии полка Олег Ермаков сдал экзамены в академию, начались активные поиски нового начальника артиллерии. Предложили эту должность и мне – я дал согласие, но предложили её как-то мимоходом и поэтому серьёзно моя кандидатура не рассматривалась. Да и не верил – до предельного возраста оставалось меньше года: хотя, я и не собирался увольняться, решив служить и после достижения предельного возраста. А так как 276 полк был проблемным и тяжёлым, то кандидата на должность начальника артиллерии долго не могли найти: кто-то отказывался сразу, узнав куда его сватают. Кто-то по своим личным и профессиональным качествам не тянул артиллерию полка, было много и других причин, по которым не могли подобрать достойную кандидатуру. В конце июля меня срочно вызвали в кабинет командира артиллерийского полка, где уже находились начальник ракетных войск и артиллерии округа генерал-майор Шпангель, командир 276 полка полковник Никитин, Олег Ермаков и командир арт. полка полковник Кривов.

– Копытов, с какого ты года и когда тебе на пенсию? – Сходу налетел на меня генерал, как будто он этого не знал. Но я неторопливо и обстоятельно ответил на его вопрос.

– На должность начальника артиллерии 276 полка пойдёшь? – Задал следующий вопрос генерал и впери́л в меня тяжёлый взгляд. Я посмотрел на Ермакова, затем на Никитина. Олег сидел, уставившись на стол перед собой, как будто это его не касалось. Полковник Никитин смотрел нейтрально, но чувствовалось, что он не горел особым желанием видеть меня своим начальником артиллерии.

– Товарищ генерал-майор, если это предложение – то я согласен.

Шпангель выскочил из-за стола и нервно забегал по кабинету: – Копытов, ну ты же почти пенсионер. Ну почему твои родители так рано тебя сделали? Хотя бы на три года позже....

Я смотрел на начальника артиллерии округа и внутренне ухмылялся. Столько артиллерии в округе и не найти офицера на эту должность... Да, здорово Шпангеля прижало, что он с таким предложением обратился к «пенсионеру». Закончив метаться по кабинету и возмущаться по поводу моего возраста, Шпангель остановился напротив меня.

– Товарищ подполковник, если мы тебя назначим на эту должность – служить дальше будешь?

– Товарищ генерал-майор, на пенсию уходить не собираюсь, а в моих дальнейших планах служить ещё лет пять.

– Хорошо Копытов, иди.

В конце-концов решение было принято и на эту должность всё-таки поставили другого – командира первого дивизиона 276 полка подполковника Семёнова Константин Ивановича. Он год назад окончил академию, вроде бы неплохо командовал дивизионом, но как артилле-

рист был даже слабее чем я. Много было в нём и других отрицательных моментов. Буйное и безудержное хвастовство. Враньё на каждом шагу. Частенько выпивал. При том, что он был неплохим командиром, он не вникал достаточно глубоко в обстановку и не владел полностью информацией по своему подразделению. А когда его спрашивали о том, чего он не знал – врал, врал – глядя прямо и честно в глаза, при этом лихо щёлкал каблуками и также прикладывал руку к головному убору, как бы подтверждая своё враньё. Но он был сильным администратором: что-нибудь достать, организовать, мог угодить любому начальнику и из него мог бы при случае получиться хороший и сильный заместитель по тылу. Вороватый, но сильный. Вот его и поставили, но пробыл он начальником артиллерии всего пару недель. Как-то генерал Шпангель приехал внезапно среди дня в полк, а Константин Иванович «бухой». На этом его командование артиллерией полка и закончилось. Я же в это время находился в Чебаркуле на сборах артиллерии. Во время одного из занятий в кабинете начальника артиллерии 15 дивизии мы сидели, решая задачки по стрельбе. Зазвонил телефон и трубку поднял полковник Радюк, пару минут слушал, а потом протянул мне трубку: – Тебя, Шпангель.

Взял трубку и приложил к уху: – Здравия желаю, товарищ генерал-майор. Подполковник Копытов.

– Копытов, начальником артиллерии 276 полка ещё хочешь быть? – Зарокотал в трубке барственный голос.

– Так точно.

– Рапорт на продление срока службы на три года напишешь?

– Так точно.

– Всё. Для тебя полевой выход в пятнадцатой дивизии закончен. Завтра в десять часов жду тебя у себя в кабинете. Послезавтра стрельба на Адуйском учебном центре твоей артиллерии, ты её организовываешь и проводишь. Задача ясна?

– Так точно. – Осторожно положил трубку, услышав длинные гудки на противоположном конце, и обалдело посмотрел на товарищей. Все захохотали, а через пару минут, вытирая слёзы, Олег Тетрюмов произнёс сквозь смех: – Жалко видеокamеры не было, ты как попугай только и повторял, – «Так точно. Так точно», «Так точно. Так точно». Что он тебе хоть сказал, что ты так обалдел? – Все опять засмеялись, засмеялся и я.

– Ребята, товарищ полковник, – проговорил, когда прошёл первый приступ смеха, – я начальник артиллерии 276 полка, послезавтра на Адуе провожу стрельбы своей артиллерии, а я не знаю что мне делать и как их проводить. – Тут даже стёкла на окнах задрожали от нового приступа смеха. Когда все насмеялись, полковник Радюк сказал: – Сначала иди и закрывай командировочный, электричка через два часа.

Дальше всё понеслось с калейдоскопической быстротой. Провёл стрельбы на удивление неплохо, даже своего сына, курсанта четвёртого курса, по стрельбе пропустил. Закончил лагерь и только начал вникать в дела, как на тебе – командира вызвали к Командующему. А это чревато...

Вот сейчас и сидел, просчитывая два варианта возможных событий. А других просто не было.

Первый: мы едем на Кавказ, больше некуда. Вопрос, только куда: в Дагестан или на границу с Чечнёй, устраивать «санитарный кордон»?

Второй: вызов командира к Командующему – обычный, и дальше всё пойдёт по накатанной колее. Тогда я за месяц должен не только ознакомиться с артиллерией полка, но и вникнуть во все её проблемы и, в какой-то степени, успеть подготовить артиллерию к осенней проверке. После проверки придётся избавляться от ряда офицеров: такую установку дал мне Шпангель. За эти две недели я уже успел составить своё мнение о многих офицерах-артиллеристах, но хотел побольше к ним приглядеться. Семёнов продолжает пыжиться передо мной, пытаюсь показать, что хоть его и сняли с должности, но он всё равно умнее меня. Щёлкает

каблуками к месту и не к месту, прикладывает руку к черепу и с обиженным видом говорит «Честь имею». Не может мне простить, что я начальник артиллерии, а не он. Придёт время и его ещё поставлю на место. Командир второго дивизиона подполковник Чикин Александр Владимирович, тоже в обиде – только непонятно почему. Раньше, когда я был командиром дивизиона в 324 полку, у нас были хорошие отношения. А сейчас, наверно дует из-за того, что не он, командир развёрнутого дивизиона стал начальником артиллерии, а офицер с другого полка, да ещё с кадрированного подразделения. Ничего, ему тоже с этим придётся смириться. С командирами миномётных батарей всё ясно – каждый на своём месте, а вот с командиром противотанковой батареи капитаном Мелеховым сложнее. Батареей командует вроде бы неплохо и пользуется определённым авторитетом. Хотя у меня есть сведения, что в батарее не всё в порядке. А гонору – море, чуть что – в спор. Но и его поставлю со временем в стойло.

Ну, а если первый вариант, то даже и думать не хочется. Несмотря на то, что артиллерия полка накануне провела полевой выход: подготовка дивизионов, батарей, да и самих офицеров была низкая. Даже сейчас исподлобья наблюдая за своими офицерами, я не был доволен подбором и штаба артиллерии.

Старший помощник начальника артиллерии – капитан Чистяков Алексей Юльевич: 27 лет, наиболее подготовленный из них. Есть опыт, грамотный, может работать и очень помог мне на начальном этапе, но много хвастовства, фанфаронства. Искренне считает, что он умнее всех, как артиллерист, чем о нём думают и надо отдать должное – он грамотный артиллерист. Но он капитан и не пользуется авторитетом у командиров дивизионов-подполковников. А ведь в моё отсутствие он должен рулить артиллерией как я, а не создавать видимость руления и по моему мнению на этой должности должен быть офицер несколько постарше, хотя бы возрастом. Довольно забавный эпизод произошёл при его представлении мне.

– А я вас знаю и довольно давно. Лет пять уже, – с апломбом заявил капитан.

– Вынужден вас разочаровать, товарищ капитан – я вас вообще не знаю, – с вызовом отпарировал я, насторожившись и ожидая некую пакость.

– А это не важно, что вы не знаете меня. Важно для меня, что я из-за вас вынужден был два раза накрывать поляну для сослуживцев, проходя службу в Забайкалье. – Твёрдо и независимо стоял на своём Чистяков.

– Хм..., – хмыкнул я несколько озадаченно, – и причём тут я, ваши «поляны» и Забайкалье? Я в тех краях вообще никогда не был.

– А я там служил в противотанковом дивизионе, командиром батарее и начале первой Чечни пришло распоряжение из штаба нашего округа – Из-за того что в уральском полку, командир противотанковой батарее пенсионер и отказывается ехать с полком воевать, мне срочно рассчитаться и убыть в 324 полк на должность командира противотанковой батарее. Рассчитали меня за пару часов, я даже успел организовать хорошую отвальную для своих сослуживцев и на следующий день прибыл в штаб округа в Хабаровск за предписанием. А там мне говорят – командир батарее согласился и теперь товарищ Чистяков возвращайтесь обратно в свою часть на свою должность. Я вернулся, а мне товарищи говорят – Лёха, ничего не знаем, но ты должен заново влиться в коллектив части. Ох..., тогда я и влился...., – рассказав всё это с серьёзной миной на лице, капитан рассмеялся и я тоже.

– Ха... Забавные подробности всплывают спустя пять лет, но вам, товарищ капитан, повезло. Вам придётся теперь третий раз накрывать поляну, чтоб влиться под уже моё крыло....

Вспомнив этот смешной эпизод я невольно улыбнулся и обратил свой взор на начальника разведки штаба артиллерии. Старший лейтенант Цуприк, вроде бы замечаний за эти две недели от меня нет, но какой-то он безвольный и мягкий. Помощник начальника артиллерии старший лейтенант Волков, тоже вроде бы замечаний к нему нет, но парень себе на уме и пока он мне непонятен. Так что, как-то не хочется с ними куда-либо ехать. Во взводе управления начальника артиллерии всего четыре солдата вместо десяти. Одна из них женщина, которая

в настоящее время находится в декретном отпуске. Командир взвода вообще дезертировал и сколько не пытались его отловить – не получалось....

Мои размышления прервал стук в дверь и в кабинет заглянул посыльный: – Товарищ подполковник, вас вызывают на командный пункт полка. Через пятнадцать минут начало совещания.

– Чистяков, пошли, – я резко встал из-за стола и направился к двери.

– Товарищ подполковник, вас же вызывают. Мне то, что там делать?

Я повернулся к своему помощнику: – Чистяков, я не знаю почему меня вызывают, но думаю, что по важному вопросу и хочется ещё раз тебе напомнить, что у тебя должность – Старший помощник начальника артиллерии полка, – название должности я произнёс чуть ли не по слогам, – а не старший мальчик на побегушках. Для этого у нас есть Волков и Цуприк. В любой момент ты можешь и должен заменить или подменить меня, поэтому ты должен владеть информацией в таком же объёме, что и я.

Чистяков поморщился, так неприятно его задела мои слова, но промолчав, направился за мной. Конечно, не нужно было мне это говорить при младших офицерах, но пора было «щёлкнуть его по носу» и показать, что время вхождения в должность для меня закончилось, когда мне частенько приходилось с ним советываться. И меня также не устраивала его роль – только исполнителя моих приказов.

Первое, что бросилось в глаза в вестибюле штаба полка это табло сигналов степеней готовности, на котором ярким, красным и тревожным светом горела надпись – «**ПОЛНАЯ**».

Я показал пальцем на табло: – Вот так, Алексей Юльевич, а ведь я прав. Совещание для нас, наверно, будет очень важным, а может быть, даже переломным для нашей военной судьбы.

Командный пункт полка встретил нас сдержанным гулом голосов офицеров, ожидавших начала совещания. Через пять минут как мы пришли, появился командир полка и без всякого вступления объявил: – Боевое слаживание – десять дней. 19 сентября погрузка и выдвигаемся в сторону Северного Кавказа. Чем мы там будем заниматься, станет ясным позже.

После командира полка и начальника штаба, начали выступать начальники служб, поднялся и я. Поставил задачу командирам артиллерийских подразделений – подать в течение двух часов уточнённые данные по некомплекту личного состава, офицеров, техники и вооружения. Подать сведения по неисправной технике, чтобы её тут же заменить. У меня в принципе эти сведения есть, но мне нужны более полные.

– Алексей Юльевич, – мы уже вышли после совещания с командного пункта и шли к себе в кабинет, – ты сейчас занимаешься тем, что «выдавливаешь» наиполнейшие данные по некомплекту от командиров подразделений и через два часа подаёшь их в штаб дивизии – это твоя задача. Ну, и второй вопрос – едешь в Чечню?

– Борис Геннадьевич, в вашем вопросе есть и ответ. Конечно еду, в этом у вас даже сомнения

не должно быть.

– Хорошо. А как ты думаешь Волков и Цуприк поедут? Меня, например, Цуприк в должности начальника разведки совершенно не устраивает. Я даже не могу представить, как он пойдёт в разведку, и как он там будет корректировать. Вот..., не вижу я его в этой должности.

Чистяков задумался на несколько секунд: – Волков увольняться хочет, поэтому я сейчас не знаю поедет он или нет? Хотя может и клюнет на то, что нам сейчас пообещали 1000 рублей командировочных в сутки. А вот Цуприк, – старший помощник замолчал, потом продолжил, – он трусливый. Не потянет он начальником разведки. И даже если он поедет, то его нужно поставить или СОБом в какую-нибудь батарею, или даже командиром второго взвода.

В принципе, я думал то же что и Чистяков. В кабинете в нескольких словах сообщил о том, что сказал нам командир полка и какие задачи мы теперь будем выполнять, а после этого прямо задал каждому вопрос – едет он или нет? Волков и Цуприк переглянулись: у начальник

разведки забегали глаза в разные стороны, после чего он опустил взгляд и уставился в грязный пол. Волков же понимающе хмыкнул, потом поднялся и твёрдым голосом заявил: – Товарищ подполковник, я не поеду. Не подумайте, что струсил, я уже давно подумывал об увольнении из армии, но колебался. А сейчас просто не хочу ехать: не хочу бродить по грязи, мёрзнуть, жрать эту опостылевшую пищу и прямо сейчас напишу рапорт на увольнение.

– Ну что ж, Волков, это хотя бы по-честному. Ну а ты Цуприк?

Офицер встал и побледнел: – Можно мне подумать? – Дрогнувшим голосом спросил он.

– Можно, но завтра утром последний срок ответа. Волков, даже если ты напишешь сейчас рапорт на увольнение, ты работаешь и оказываешь помощь, пока мы не уедем. Я думаю, ты это понимаешь.

Поставив задачи офицерам, я пошёл домой покушать. Дома в это время не должно было быть никого: жена на работе, младший сын в школе, а старший – курсант артиллерийского училища, конечно, в училище. Да и захотелось хотя бы последние два часа провести в одиночестве и в спокойной домашней обстановке подумать. Так как я прекрасно понимал, пока мы не погрузимся в эшелон, не будет ни одной спокойной минуты.

– Не понял, – удивился я, пытаюсь открыть дверь ключом, – дома кто-то есть, что ли?

Я позвонил в дверь и к моему удивлению дверь открыл младший сын, но моё удивление стало ещё больше, когда из спальни вышла жена, а из ванной, обмотанный полотенцем старший сын.

– Вы, что стоворились? Чего вы все дома? Вас ведь не должно быть? – Изумлённо, и в какой-то степени разочарованно проговорил я. Жалко, но одному побыть не придётся. Разочарование в моём голосе тут же уловила жена и обиделась: – А ты, чего так разочаровался? Помешали мы тебе что ли? У меня на душе чего-то тревожно, вот я на работу сегодня и не пошла. У Гены учительница заболела, и два последних урока отменили. Денис в самоволке: решил помыться, как будто у них там бани нет. Сам то, чего в двенадцать часов домой припёрся?

Через двадцать минут мы все сели за обеденный стол. Жена продолжала обиженно греметь тарелками, накрывая стол.

Пора, надо сообщить эту неприятную новость. Может и хорошо, что все собрались, всем сразу и скажу.

Я тяжело вздохнул: – Валя, сядь. Мне надо вам сказать не совсем приятную новость, – все удивлённо и настороженно поглядели на меня. Я ещё раз вздохнул, – полк получил приказ в десятидневный срок провести боевое слаживание. 19 сентября погрузка на эшелон и мы убываем на Северный Кавказ. Ну, естественно я еду с полком.

В кухне повисло тягостное молчание, которое нарушила жена. Она со злостью бросила на стол ложку: – Я знала. Я прямо чувствовала какой-то подвох в твоём назначении на должность начальника артиллерии. Я пыталась анализировать, но в чём подвох понять не могла. Теперь мне всё стало ясно. Шпангель давно знал, что полк пойдёт в Чечню, и другие умные мужики, которых сватали на эту должность, давно всё это просчитали и поэтому благоразумно отказались командовать артиллерией. Вот поэтому Шпангель в тебе нашёл козла отпущения и дурака, поставив начальником артиллерии. А ты как дурачок – «Согласен, товарищ генерал. Согласен».

Жена попыталась передразнить меня, но поняв, что этим она меня не проймёт, резко сменила тон: – Значит так: тебе до пенсии осталось чуть больше шести месяцев, пиши рапорт на увольнение. Всё, никуда ты не поедешь. Мне твоей первой Чечни и Абхазии вот так хватило, – жена решительным жестом провела пальцем по горлу. – Будем увольняться – это такое моё решение.

Валя замолчала, уткнувшись глазами в пустую тарелку. Я обвёл взглядом семью: сыновья молчали, лишь старший попытался влезть в разговор: – Папа, на фиг тебе это нужно? – Но осёкся под моим мрачным взглядом.

Я же внутренне сжался и ошетинился: – Валя, конечно, я тебя понимаю. Но это всё эмоции. Я понимаю, что тебе было гораздо тяжелее чем мне, когда я «скакал» по Чечне и в Абхазии. Понятно, что ждать с войны мужа всегда тяжелее, чем ему там быть. Но решение о том, как мне служить, и как буду заканчивать службу, буду принимать сам и только я. Да я его давно принял – ещё в 1973 году, когда был призван в армию. Я выслушал твой ультиматум, но на такое позорное увольнение из армии не пойду. Не для того погоны одевал. – Я слегка пристукнул ладонью. – А теперь хочу внести ясность во всё то, что ты тут наговорила. Я эту ситуацию с моим назначением знаю изнутри, а не со стороны.

– Чтоб ты знала, но поиски начальника артиллерии 276 полка, начались не в августе, а ещё в апреле, когда решился вопрос о поступлении Ермакова в академию. Как ты знаешь, тогда о Чечне или Дагестане даже разговора не было. И артиллерия полка, если так можно выразиться, является головной в округе. Она единственная артиллерия, которая развернута полностью и находится под боком штаба округа, поэтому она всегда на виду. Что создаёт достаточно сложностей для руководства артиллерией начальником. Да и 276 полк сам по себе достаточно «тяжёлый» полк. Это своеобразный трамплин, где офицеры или сгорают, или растут дальше. Поэтому туда, на эту должность, был всегда тщательный отбор. Да, кто-то отказался, но не из-за того что он чересчур умный и дальновидный, а как правило от того что ленивый и работать ему неохота. А многие другие кандидаты не подошли по своим профессиональным качествам и просто не тянули эту должность.

Даже если, как ты тут утверждаешь, Шпангель знал об отправке в Чечню и поставил меня – дурака, на эту должность. То всё совсем наоборот. Шпангель очень дорожит своей репутацией, и не пойдёт на то чтобы дурак возглавил артиллерию полка во время боевых действий и окончательно развалил её там. Если он и знал заранее об отправке и поставил именно меня, то это значит, что он всецело доверяет мне и считает, что я с блеском справлюсь с этой задачей. Вот так.

Жена промолчала и обед прошёл в тягостном молчании, отдохнуть не пришлось и я сразу же пошёл в полк. А там всё завертелось и понеслось с калейдоскопической быстротой. Дни и ночи слились в одну серую полосу событий и постоянного решения бесконечно возникающих вопросов.

Сразу не понравилось то, что генерал Шпангель отстранил меня от комплектования артиллерийских подразделений и боевого слаживания. Он распределил своих офицеров между всеми артиллерийскими подразделениями, которые оперативно собирали информацию о той или иной проблеме, вырабатывали пути её решения и, минуя все промежуточные инстанции, напрямую выходили на те или иные структуры округа. Шпангель стоял над всем этим и своим личным авторитетом и должностью пробивал или продавливал решение проблемы, если не хватало усилий его офицеров. Надо сказать, что начальник ракетных войск и артиллерии округа пользовался очень высоким авторитетом и в силу особенностей своего твёрдого и настырного характера сумел «подмять» под себя подавляющее количество офицеров штаба округа, поэтому многие вопросы решались быстро и чётко. С одной стороны это облегчало решение многих назревших проблем. С другой – задевало моё самолюбие от того, что меня просто отодвинули от решения различных вопросов: в конце-концов, от командования артиллерией полка. В принципе, на данном этапе я не стал спорить и сосредоточился на вопросе комплектования взвода управления начальника артиллерии, штаба артиллерии и других мелких вопросов, от которых меня не отстранили.

Волков сразу отказался и вместо него назначили командира второй миномётной батареи капитана Кравченко. Офицер добросовестный, с выдумкой, но отношение начальства к нему было настороженное. В чём причина, я ещё не успел разобраться. Цуприк ни как не мог решиться: то он заявляет мне что едет, потому что хочет заработать денег и купить себе машину, то размазывая сопли, говорит, что ехать он не может – у него больная жена. С ним

разговаривало всё артиллерийское начальство, но он ревел и всё-таки не мог принять окончательного решения. Через пару дней я его повёл на разборку к генерал-майору Шпанагелю. Цуприк был в подавленном состоянии, приняв наконец-то окончательное решение об увольнении из армии. Я был только рад – такая размазня на войне никому не нужна. Разговор состоялся быстрый, Шпанагель с презрением выслушал лепет Цуприка о причинах отказа, который договорился до того, что жена у него оказалась на тринадцатом месяце беременности и при смерти. А потом он заплакал и признался, что просто боится ехать на войну. Генерал злобно сплюнул и выгнал его из кабинета.

– Копытов, ты видишь: мои слова о гнилости многих офицеров полка подтверждаются. Внимательней присматривайся к командирам дивизионов. Они такие же гнилые, а офицера, вместо этого гавнюка, я тебе дам с Чебаркуля.

На следующий день с Чебаркуля на должность начальника разведки артиллерии приехал капитан Гутник. Один из офицеров, хорошо знавший Володю Гутника, посоветовал вести с ним жёстко: ставить ему задачу и спрашивать за её выполнение по полной программе. Меньше с ним выпивать, а то он «поскальзывается на пробке» и потом не может самостоятельно остановиться. А так парень добросовестный.

Помимо решения задач по укомплектованию штаба артиллерии, пришлось вплотную заняться и техникой взвода. Хотя я и знал в каком состоянии находится техника взвода начальника артиллерии, но при первой же возможности снова ринулся в парк. Если ПРП-4 (Подвижный Разведывательный Пункт на базе БМП-1) была новенькая и не вызывало опасений, да и сержант Абакумов был опытным механиком-водителем. То БРДМ-2 был в ужасном состоянии. 1974 года выпуска, он не только сгнил, но и ещё был жестоко разграблен и разукомплектован. Я подозвал к себе водителя БРДМа Степана Вершинина, надо сказать тоже достаточно опытного водителя.

– Вершинин, ну что, сумеем его до погрузки восстановить?

Стёпа задумчиво обошёл вокруг машины, залез на броню, заглянул в люк боевого отделения, потом переместился к двигательному отсеку, лёг на его край и долго что-то там рассматривал. Я его не торопил. Исходя из опыта первой войны, я уже знал, как эта машина будет использоваться. И наоборот, хотел использовать любую зацепку для того, чтобы отказаться от него, а вместо БРДМа попытаться взять во взвод дизельный УРАЛ, чтобы в его кузове построить кунг для проживания меня и моих офицеров.

Вершинин прыгнул с машины и подошёл: – Нет, товарищ подполковник, даже если на двигатель нам дадут все детали и мы заведём его, он нам в Чечне даст просрать. Гнилой он. Его надо на капитальный ремонт сдавать, тогда он нам полезен будет.

Я ещё раз глянул на БРДМ, а ответ солдата окончательно решил его судьбу: – Вершинин, даже если бы он был в хорошем состоянии, всё сделал бы чтобы отказаться от него. В Чечне ты бы на БРДМе постоянно летал на сопровождение колонн. На фиг это нужно? Помимо тебя, выдёргивали бы и пулемётчика, да ещё и командира машины, а у нас только десять человек во взводе. Так что вместо «бардака» теперь буду всеми способами просить автомобиль УРАЛ, вот его водителем ты и будешь.

Уже на первом же совещании, где присутствовали офицеры округа, я поднял вопрос о замене БРДМа на Урал, обосновывая это тем, что во взводе управления начальника артиллерии вместе с командиром взвода одиннадцать человек, плюс четыре офицера штаба артиллерии. Имущества, приборов полно, а возить не на чем. Сколько было жарких споров, сколько было убито нервов, пока вопрос со скрипом сдвинулся с места и начал решаться положительно. Но в последний момент, или что-то наговорили про меня, или со стороны вылезла какая-то неверная информация, но меня вызвал к себе командир дивизии, обозвал обманщиком и не дал мне сказать ни слова в своё оправдание: – Товарищ подполковник, прекратите на совещаниях

требовать себе автомобиль. У вас есть своя техника – вот её и используйте на полную катушку. Это мой приказ. Идите, занимайтесь своими делами, их у вас помимо автомобиля полно.

Придя в свой кабинет, поделился неприятным известием с офицерами. Было крайне обидно, так как я, да и офицеры уже освоились с мыслью, что у нас будет УРАЛ. В кабинете повисло

тягостное молчание.

– Товарищ подполковник, – нарушил тишину Чистяков, – я в боксе у Семёнова видел ЗИЛ-131, с хорошим кунгом и он нигде не числится и стоит там с первой чеченской войны. Но автомобиль на ходу. Может быть, вам для размышления, эта информация будет полезна? – Закинул удочку старпом.

Я решительно встал: – Алексей Юльевич, пошли, покажи этот ЗИЛ-131.

В боксе находился техник второй батареи прапорщик Павлов. Я с ним служил в артиллерийском полку в начале восьмидесятых годов. Оба были прапорщиками и вызывали друг друга на социалистические соревнования. Я стал подполковником и его начальником, а Миша остался прапорщиком, но пользовался очень большим авторитетом среди своих подчинённых и офицеров.

– Степаныч, ЗИЛ-131 за тобой закреплён? – Кивнул я на автомобиль.

– Борис Геннадьевич, он нигде не числится, но отвечаю за него я. Храню там запчасти и ЗИП батареи, а так автомобиль на ходу. Командир дивизиона себе его хочет забрать.

– Миша, давай, заводи, а я посмотрю.

Павлов завёл машину и, немного погазовав, выехал из бокса. Вылез из кабины и подошёл к нам, выжидательно глядя на меня.

– Миша, выгружай оттуда всё, что там у тебя есть, потому что эту машину забираю себе под штаб артиллерии. Чистяков после разгрузки угонит к моему боксу.

Павлов озадаченно почесал затылок: – Товарищ подполковник, мне конечно всё равно у кого ЗИЛок будет, но надо бы сначала решить этот вопрос с командиром дивизиона.

– Степаныч, ты выполняй мой приказ, а с командиром дивизиона я сам разберусь. Если командир на тебя всё-таки наезжать будет: ссылайся на меня. Мол, приказал начальник артиллерии, – жёстко и решительно произнёс я и вышел из бокса. Скорым шагом направился в казарму первого дивизиона, настраиваясь на трудный разговор с Семёновым, понимая; что разговор на эту щекотливую тему, когда я замахнулся на личный быт командира дивизиона, будет тяжёлым и расставит многие точки в наших последующих взаимоотношениях. Про себя решил: если Константин Иванович «упрётся рогом», тогда придётся показать кто в артиллерии истинный хозяин.

– Константин Иванович, что у тебя за ЗИЛ-131 с кунгом в боксе стоит? – Прямо с порога задал вопрос Семёнову, который стоял у шкафа с документацией, разбираясь с бумагами.

– Ну, он за штатом полка числится, но отвечает за него мой дивизион и я его хочу использовать в своих целях, – осторожно и дипломатично ответил командир дивизиона.

Я решительно прошёл к столу командира дивизиона, намеренно с шумом и по хозяйски отодвинул кресло Семёнова и сел в него за стол.

– Семёнов, у тебя в дивизионе полно автомобилей и под себя любой заберёшь, а у меня ничего нет. Поэтому ЗИЛ уже забрал к себе под штаб артиллерии, – произнёс всё это тоном, не предполагающим каких либо возражений. Я сидел, ожидая бурных эмоций и нелицеприятных высказываний. Но был удивлён, когда Семёнов спокойно отреагировал на моё сообщение: – Ну что ж, конечно, вам он нужней – забирайте. Я без жилья не останусь. – Через десять минут я вернулся в парк. Чистяков уже перегнал машину к нашим боксам и с солдатами разглядывал салон. Я тоже заглянул вовнутрь и увидел то, что и ожидал: внутри, вдоль стен шли столы, где когда то крепились приспособления для ремонта техники.

– Так, Алексей Юльевич, давайте убирайте столы и другое оборудование. Должны остаться только стены. Тогда будем смотреть, как располагать койки, столы и печь. Вершинин принимай машину, проверь её. Вечером доложишь, что на неё надо.

Когда уходил из парка, работа уже кипела: из салона вылетали деревянные части столов, выдвижные ящики под инструмент, а солдаты так яростно вырывали из стен разноцветные пучки проводов, что я даже стал опасаться за целостность салона.

Как-то само собой решился вопрос и с комплектованием взвода: из батареи управления и артиллерийской разведки дивизии к нам во взвод были переданы младшие сержанты Шароборин Александр, Попов тоже Александр, Комаров Андрей. Ребята пришли хорошие, но я переживал, что начнутся трения между пришедшими солдатами и старыми, но как оказалось впоследствии, опасался напрасно. Пришёл с Елани и новый командир взвода лейтенант Коротких, вроде парень неплохой. Теперь главной задачей было, чтобы начальство не узнало об этой машине и не забрало её. Втайне загружу на платформу, а там я её уже никому не отдам.

Можно было подумать, что я только и занимался взводом управления и штабом артиллерии, но это были лишь частные моменты. По мере того как мы укомплектовывались и приступили к боевому слаживанию, количество проблем с каждым часом увеличивалось и мы только успевали их решать. Если в первом дивизионе Семёнов, несмотря на свои недостатки, сумел сплотить офицеров и прапорщиков на выполнение поставленных задач, то там проблемы решались быстро и без нервотрёпки. Но во втором дивизионе возникли трения между командованием дивизиона, а конкретно между подполковником Чикиным и командирами взводов – двухгодичниками. Непонятно по какой причине, но они начали саботировать приказы командира дивизиона, а потом вообще отказались работать. Чикин ничего умнее не смог придумать, как выгнать их из дивизиона. А это семь-восемь командиров взводов. В этот момент я и появился в парке.

– Борис Геннадьевич, – остановил меня около боксов Чикин. Был он какой-то встрёпанный и взвинченный, – у меня командиры взводов отказались работать и я их выгнал. Что мне теперь делать? – Чикин показал на удалявшихся младших офицеров.

– Александр Владимирович, ну ты и даёшь, – возмутился я, – где тебе возьму столько командиров взводов, и где гарантия, что новые будут лучше, чем эти? Этих ты хоть знаешь.

– Товарищи офицеры, – заорал я. – Ко мне!

Офицеры остановились и обернулись. Увидев, что их зовёт к себе начальник артиллерии, вернулись обратно. Я их выстроил перед собой и медленно прошёлся вдоль строя, потом позвал Александра Владимировича и поставил его напротив командиров взводов.

– Обиделись.... Пошли домой.... Командир дивизиона, видите ли, вас обидел.... А вы не задумывались, что у него проблем больше чем у каждого из вас. Да его дерут больше, чем вас, вместе взятых. Ставят по стойке «Смирно» и дерут, в выражениях не церемонясь. И я в том числе. А ругают его за то, что кто-то из вас чего-нибудь не сделал. И нервы у него тоже не стальные. Ну, в сердцах что-то не то сказал, да ещё не в тех выражениях, да не в том тоне. Ну и что? Пошли, обиженные, из парка.... Командир дивизиона выгнал....

– Товарищ подполковник, мы решили не ехать в Чечню, устали от этого бардака, – выпалил один из офицеров, воспользовавшись тем, что я сделал паузу.

Я подошёл к командиру взвода и ткнул его пальцем в грудь: – Товарищ лейтенант, покажи мне того, кто тут не устал. Покажи. Даже если вы решили не ехать, то пишите официально рапорт. А пока решения по рапорту нет, работайте, а не сбегайте. – Отошёл на несколько шагов от строя и ещё раз оглядел офицеров.

– Значит так. Всё это эмоции, и я считаю, что они от общей усталости. Сейчас возвращаетесь в свои взводы и работаете до вечера. Подумайте, а вечером своё решение доведёте до командира дивизиона. Потому что, если отказываетесь, то мне нужно будет срочно искать вам

замену. Всё, вперёд, в войска. – Командиры взводов нехотя развернулись и пошли в хранилища с техникой. Я же остался с Чикиным.

– Ты чего, Александр Владимирович? Эти командиры взводов, хоть и двухгодичники, но людей своих знают, солдаты их тоже знают. Ты знаешь, что от них можно ожидать и на что они способны. А пришлют, кого попало и будешь потом мучиться. В таком состоянии усталости и озлобленности проще всего ошибочное решение принять.... – Чикин стоял, молча слушая, то что я ему говорил и выводил носком ботинка непонятные узоры на земле. Чувствовалось, что он не согласен с моими доводами и я сам тоже ожесточился. Чего я его уговариваю? Он не намного меньше прослужил, чем я. Подполковник. Если хочет трахаться с чужими офицерами – пусть трахается.

– Чувствую, что ты не хочешь понять, о чём тут говорю. Тогда слушай мой приказ. Сейчас спокойно обдумай, что я тебе здесь сказал. Пусть твой замполит, Петрович, подойдёт к каждому командиру взвода, побеседует с ним. Пусть хоть танцует лезгинку перед ними. И ты слова подготовь такие, чтобы вечером, когда они к тебе придут с принятым решением, поговорить с ними нормально – по-человечески, душевно. – Чикин вроде бы согласно мотнул головой, молча повернулся и пошёл в сторону боксов.

Тут ситуация немного разрядилась, к вечеру все успокоятся и примут решение остаться: в этом я почему то не сомневался. Меня сейчас больше тревожила ситуация в противотанковой батарее. Там командир батареи и все командиры взводов отказались ехать в Чечню. Честно говоря, я ожидал от них подобное решение. Командиры взводов, хоть и кадровые, но прослужили всего четыре месяца. Ребята сами по себе неплохие, но безвольные. Всё в батарее решал командир батареи, даже в своих взводах они ничего не решали без комбата. Капитан Мелехов, лет пять тому назад, попал в автомобильную катастрофу и стал инвалидом – тяжёлый перелом обеих ног. После лечения, несмотря на то, что он сильно хромотал, его оставили служить в армии. И сейчас, явно было видно, что ему совсем не хочется ехать в Чечню. И, сославшись на инвалидность, отказался. Командиры взводов в свою очередь заявили – если поедет командир батареи, то и мы поедем. Но это была чистой воды отмазка. И я ждал, буквально каждый момент, прибытие нового командира батареи. Так оно и случилось, только пришёл в канцелярию, как мне доложили: из Чебаркуля прибыл капитан Кунашев на должность командира ПТБ. Сейчас он находится в парке.

Довольный от такого известия я пошёл в боксы противотанковой батареи, чтобы познакомиться с офицером и сразу ввести его в курс всех задач. Но то, что увидел в боксе, мне совсем не понравилось. Солдаты и сержанты бродили по хранилищу взбудораженные и о чём-то кучками шептались по углам, бросая опасливые взгляды на ворота бокса. Я подозвал к себе командира первого взвода, который меланхолично наблюдал из угла за блужданием солдат.

– Что тут у вас, товарищ лейтенант, происходит? И был ли здесь новый командир батареи?

– Товарищ подполковник, – несколько оживился командир взвода, – пришёл в бокс какой-то капитан. Был он немного не совсем в себе и явно не в адеквате. Прошёлся по боксу, потом построил личный состав и объявил, что он новый командир батареи. Что он всех здесь застроит и заставит работать как положено. Минуты две в таком духе выступал, а потом ушёл искать капитана Мелехова. Вот бойцы сейчас ходят по боксу нездорово возбуждённые и говорят, что с этим офицером в Чечню не поедут.

– Так он, что пьяный был? – Выразил в вопросе удивление.

– Да, нет... Но что-то ненормальное в нём было. Взвинченный какой-то.

– Хорошо, построй батарею.

Когда противотанкисты построились, я задал вопрос: – В чём дело, товарищи солдаты?

Строй молчал, потом один из солдат решился и выкрикнул: – Товарищ подполковник, мы с этим офицером в Чечню не поедem. А с капитаном Мелеховым поедem. – Солдаты одобрительно зашумели, поддерживая слова товарища.

– Что за детство? – Возмутился я, поморщившись лицом в досаде, – с этим поедem, а с этим нет. В конце концов мы в армии находимся, а не в колхозе. Меня вот никто не спрашивал, а хочу ли я с вами ехать или нет? Если вы вопрос так ставите, то я тоже хочу сказать. Я с половиной военнослужащих нашей артиллерии не хочу ехать туда – просто не доверяю им. Но я так почему то вопрос не ставлю – этого убрать, а вместо него другого дайте. Не хочет ваш командир батареи и командиры взводов ехать. Понимаете – НЕ ХОТЯТ. Командир батареи инвалид, взводные просто не хотят. Поэтому придут новые офицеры и будут вами командовать. А теперь всё – помитинговали и хватит. Я разберусь с офицером, почему он так поступил. Сейчас Мелехов с ним придёт и я уже официально представлю его вам. И ждите новых командиров взводов: какие они придут – я тоже не знаю. Будете в процессе службы притираться друг к другу. Вопросы есть?

– Товарищ подполковник, – опять выкрикнул из строя тот же солдат, – Вы, наверно, не поняли. Мы с этим офицером в Чечню не поедem. – Строй угрюмо молчал, тем самым как бы подтверждая, что они действительно так и поступят.

– Товарищ солдат, идите сюда, – я показал пальцем место рядом с собой. Солдат решительно вышел из строя и гордо встал рядом со мной.

– Солдат, ты отвечай только за себя. Не надо тут говорить за всю батарею. Не хочешь ехать в Чечню – ну и не надо. Я тебя уговаривать не буду, да и не хочу. Мне вот кажется, может быть я и ошибаюсь, но ты просто боишься ехать воевать вот и мутишь батарею. Поэтому, ложи сюда свой противогаз, – я ткнул пальцем на бетонный пол рядом с собой, – и иди к замполиту полка. Доложи, что ты не хочешь ехать воевать и пусть он с тобой работает.

Солдат выслушал меня, секунд двадцать стоял молчал, о чём-то усиленно размышляя, а потом одним движением снял противогаз и с вызовом бросил его к моим ногам. Затем ещё на секунду задумался, отстегнул ремень и бросил его туда же. Солдатский строй заволновался, загудел, потом сломался: солдаты стали выходить ко мне, снимать с себя противогазы, ремни и кидать в общую кучу. Такого развития событий я совсем не ожидал. Через минуту они стояли в строю без противогазов и ремней, а солдат – зачинщик с торжествующей улыбкой смотрел на меня.

– Солдат, что ты тут так победно улыбаешься? – С досадой я оглядел противотанкистов, – ты хоть понимаешь, что сейчас произошло и какова твоя роль в этом?

Я был спокоен и мой голос не выдавал того внутреннего напряжения, которое было внутри меня, – ты улыбочку с лица сотри то. Ты лучше посмотри на строй и скажи мне, что ты видишь перед собой? – Я пальцем показал на замерших военнослужащих и солдат уже с лёгким недоумением вновь обежал глазами строй и опять повернул голову ко мне.

– Что, ничего не понимаешь и ничего не видишь? А зря. Вот, я сейчас обязан о случившемся доложить командиру полка, а тот в дивизию, ну а дивизия дальше в округ. В лучшем случае, это уже не противотанковая батарея, а одно из подразделений дисциплинарного батальона. Да, солдат: то что сейчас произошло, называется бунтом и ты его зачинщик. И сейчас, вот здесь, произошло воинское преступление, которое жестоко карается. Тем более что мы сейчас не просто находимся в состоянии готовности «Полная», а выполняем БОЕВОЙ ПРИКАЗ, отданный Верховным главнокомандующим и который направлен на сохранение государственной целостности нашей страны. И наша дивизия это уже проходила: только в первую Чечню. В 324 полку, вот также ночью восстал третий батальон, захватил оружие и занял оборону в той казарме, где вы сейчас живёте и когда они сдались утром, то сразу же было арестовано 250 человек. Но надо было грузиться: и Командующий округом приказал их выпустить, а 8 человек зачинщиков судить. Так вот, третий батальон в Чечне кровью смывал свой позор. Их кидали в

самые трудные и кровопролитные бои. Погибло ровно половина бунтарей. А зачинщикам дали до десяти лет тюрьмы: они живые, а остальные погибли. Так что в худшем случае, что может произойти: тебя посадят, а батареей начнут затыкать в боевых действиях дыры...

– Вот смотри солдат, – я подтолкнул его к строю, – какая половина погибших тебя устраивает? Правая или левая – выбирай. – Я решительно рассёк строй батареи на половинки, а потом начал выдёргивать, через одного, упирающихся солдат из строя. – А может, каждый второй тебя устроит?

Солдат уже не улыбался, растерянно кривил губы и испуганно следил за моими действиями.

– Это трупы стоят. Понимаешь – трупы. Они ещё живые, но благодаря тебе уже трупы. Как тебе это нравится? – Я с силой дёрнул его за рукав и увидел приближающихся к нам полковника Насонкина, капитана Мелехова и незнакомого офицера. – Вот, как раз и офицер-окружник идёт и я обязан доложить ему о происшедшем. А он может уже напрямую доложить Командующему округа. И через тридцать минут вы все будете сидеть под следствием. Так что пока я докладываю, подумайте своей башкой.

Я направился к Насонкину и доложил о происшедшем. Пока докладывал, солдат сорвался с места и подбежал к строю, а остальные сгрудились вокруг него и что-то стали активно обсуждать, искоса кидая в нашу сторону взгляды.

Полковник молча выслушал мой доклад, с досады плюнул и задумался. Я же повернулся к капитану.

– Вы, Кунашев? – Получив утвердительный ответ, продолжил, – Вы, что капитан никогда не командовали личным составом? С цепи сорвались что ли?

Офицер попытался ответить, но я уже завёлся и не дал ему говорить, тем более увидев, что он в нетрезвом состоянии, – Товарищ капитан, идите-ка отсюда. Мне такой командир батареи не нужен. Если вы с первых минут так возбудили личный состав, то что накуролесите в боевой обстановке?

– Да, что такого сделал, товарищ подполковник? – Возмущённо спросил Кунашев, воспользовавшись тем, что я замолчал.

– Да, ничего вы не сделали. Только результатом первых минут знакомства с батареей получилось вон что, – я кивнул на кучу имущества и уже более спокойно добавил, – они даже ремни сняли и готовы в дисбат идти строем, только не с вами ехать. Так, что идите отсюда, товарищ капитан.

Насонкин раздражённо прервал наши дебаты и направился к строю военнослужащих батареи. Подошёл куче противогазов, ремней, пошевелил её задумчиво ногой. Потом прошёл в бокс, через минуту вышел из него и остановился против строя.

– Товарищи солдаты, вашей батареей командует капитан Мелехов. Я ничего не знаю и ничего не видел. И чтобы я этого мусора через двадцать секунд не видел, – полковник ткнул ногой в противогазы, а затем развернулся и пошёл к нам. Солдаты несколько секунд стояли в растерянности, а затем, не сговариваясь, толкая друг друга, ринулись к куче, стали выхватывать из неё своё имущество и лихорадочно надевать на себя. Через полминуты, они уже экипированные, стояли в строю, как ни в чём не бывало. Насонкин, подойдя к нам, оглянулся, поглядел на строй и повернулся к Мелехову: – Командуйте батареей, товарищ капитан. А вы, Кунашев, пойдёте со мной.

Дождавшись, когда полковник Насонкин и Кунашев отошли на приличное расстояние, я повернулся к командиру батареи: – Мелехов, кончай ерундой заниматься. Поехали в Чечню, батарея тебе верит и готова с тобой ехать. В конце концов, не бегать же ты, там, в атаке будешь. Решайся, батарея ждёт тебя.

Капитан растерянно топтался на месте, на мои слова и доводы не отвечал, только с досадой хмыкал и отводил взгляд в сторону. Видно было, что он был настроен сдавать сейчас батарею и здорово раздосадован таким поворотом событий.

– Давай, иди, команду батарею. Вечером придёшь ко мне и доложишь о своём решении. – Теперь уже я с досадой подтолкнул его в сторону батареи. Было ясно – не поедет он в Чечню.

Так оно и получилось. Вечером капитан пришёл в кабинет ко мне и, пряча глаза, заявил о том, что он не может ехать. Причина – семейные обстоятельства.

На следующий день в кабинет ввалился капитан Кунашев и представился мне помощником командира третьего батальона по артиллерии. А на следующий день на должность командира противотанковой батареи прибыл капитан Плеханов из Шадринского гарнизона. По первым впечатлениям не глянулся он мне; показался вяловатым, но личный состав батареи сразу же принял его. Вместе с ним прибыли и командиры противотанковых взводов – неплохие лейтенанты. Так что батарея была укомплектована.

Помимо решения этих частных вопросов, приходилось участвовать в бесконечных совещаниях на различных уровнях, которые выматывали и выбивали из графиков комплектования подразделений. Но на данном этапе без этого мы не могли обойтись. Шпангель со своим штабом, также развили кипучую деятельность и ещё уплотнили график, навязав ряд занятий для командиров подразделений. Конечно, богатый боевой опыт, неординарность мышления, высокий методический уровень изложения материала генералом, делали эти занятия интересными и познавательными. Но... занятия давали минимальный эффект, так как у командиров подразделений в этот момент головы были забиты другими, более близкими проблемами. Особенно увлёкся генерал вопросом организации круговой обороны полка, роли и места артиллерии в ней. Его штаб нарисовал большой и красочный плакат одного из вариантов круговой обороны, где за центр брались огневые позиции полковой артиллерийской группы. Через каждые пять километров от центра рисовались круги. Их было три, разных цветов: пять километров – зелёный, десять – синий, пятнадцать – красный круг. Это максимальная дальность стрельбы наших 122 миллиметровых самоходных гаубиц «Гвоздика». Через центр огневых позиций проходили вертикальная и горизонтальная линия ориентированные по сторонам света: север, восток, юг и запад. Соответственно они кодировались: север – Москва, восток – Уфа, юг – Баку, запад – Минск. Если срочно нужен был огонь на каком-то участке обороны полка. То для ускорения наведения дивизионов подавалась команда, например: – «Самара»! Москва, навести! Все крутили механизмы горизонтальной наводки в сторону севера, тем самым сокращая время подготовки к открытию огня. Он прямо пытался вбить нам эту схему в головы. Но, забегая вперёд, хочется отметить, что по ряду разных причин эту схему мы ни разу не применяли. Неприятно и то было, что во время занятий генерал просто нас оскорблял, к месту и не к месту обзывая дураками и нецензурно выражался в наш адрес. Ладно бы он только нас оскорблял, оскорблениям подвергались и офицеры штаба артиллерии округа: убелённые сединами полковники, которые безропотно сносили эти оскорбления. А ведь многих из них мы уважали за деловые и личные качества. Справедливости ради, надо сказать, что Шпангель не трогал только меня, наверно, помнил наши прежние стычки по поводу его нетактичного поведения по отношению ко мне. Но всё это создавало на занятиях нервную обстановку.

На пятый день проведения боевого слаживания дивизионы и противотанковая батарея выдвинулись на практические занятия на Свердловский учебный центр. Марш совершили нормально. Как вышли одной колонной из полка, так и пришли на учебный центр. В ходе марша проверили связь между подразделениями и мной. Правда проверка связи прошла на минимальных расстояниях и этот недостаток потом нам «вылез боком» уже в Чечне. А пока в ходе выхода я опять почувствовал себя лишним. Никто не интересовался моим мнением, никто не спрашивал меня: какие вопросы хочу отработать в ходе выхода, что проверить и вообще как его

провести. Весь план выхода и проведения занятий был разработан в штабе артиллерии дивизии и офицерами генерала Шпанегеля, начальника ракетных войск и артиллерии округа помимо меня. Прибыв на учебный центр, дивизионы сразу же умчались с окружниками в сторону автодрома. Я же поставил задачу ПТБ развернуться на учебной точке гранатомётчиков и провести выверку пусковых установок. Приказав Гутнику развернуть Командно-Наблюдательный Пункт начальника артиллерии полка и провести занятие по разведке, сам отправился в первую миномётную батарею. Командир батареи, лейтенант Ибраев, занимался с батареей и особых замечаний у меня к нему не было. От Ибраева я направился на винтовочно-артиллерийский полигон, где был развёрнут КНП третьей миномётной батареей старшего лейтенанта Курова. И здесь батарея занималась своим делом. В одном окопе с Куровым был развёрнут командно-наблюдательный пункт командира третьего батальона, который проводил боевое слаживание мотострелковых взводов. Когда взвод подымался в учебную атаку, третья миномётная батарея командами имитировала поддержку атаки. Мне тут тоже нечего было делать. Я вернулся на свой КНП, бегло осмотрел его и дал команду – Отбой. Пока сворачивались приборы, в бинокль наблюдал, как Плеханов проводил выверку пусковых установок.

– Товарищ подполковник, готовы к движению, – прокричал с ПРП Чистяков. В отвратительном настроении, чувствуя свою никчёмность, я забрался на машину и мы помчались в дивизионы.

Здесь застал безрадостную картину. Все машины были грязные от низу до самого верха. Умники, из вышестоящих штабов, один из участков марша спланировали по танковой трассе, где после прошедших дождей стояла непролазная грязь. Потому грязная техника не добавила мне настроения. Первым кого увидел, слезая с ПРП, был полковник Макушенко, которого я очень уважал: он отвечал перед Шпанегелем за подготовку первого дивизиона.

– Товарищ полковник, давайте отойдём в сторонку и поговорим. У меня много есть что вам сказать или высказать, это как вам понравится, – напористо предложил я, а когда мы отошли к берёзкам достаточно далёко, чтобы не было слышно о чём мы разговариваем, меня понесло: – Товарищ полковник, что это за ерунда? Вообще, сразу хочу сказать, то что сейчас выскажу, может быть и сумбурно, я не готовился к этому разговору: вы можете довести до генерала, до своего коллектива штаба, до начальника артиллерии дивизии. Конечно, большое спасибо за ту помощь, которую вы все оказываете артиллерии полка. Я подчёркиваю: не мне, а именно артиллерии. Без этой помощи полку было бы трудно решать возникшие проблемы артиллеристов, особенно на уровне округа. Но, честно говоря, я не пойму своей роли, которую мне определили. Если я начальник артиллерии полка, то почему никто не спрашивает моего мнения? Почему меня игнорируют и все решения принимаются без меня? Без моего видения возникшей проблемы.

– Погоди, погоди Копытов, я не пойму о чём ты говоришь, – попытался остановить меня Макушенко. – Объясни, в чём это выражается.

– Товарищ полковник, вот вы курируете первый дивизион, а Половинкин второй. Как только у вас возникают какие-либо вопросы или проблемы, то вы сразу летите или в штаб дивизии, или в штаб округа. Меня никто из вас об этих проблемах в известность, как начальника артиллерии полка, не ставит. И когда меня на совещании начальство любого уровня подымает, то я даже не знаю об этих проблемах. А значит не владею обстановкой и информацией в артиллерийских подразделениях; то есть, как начальник артиллерии я проявляю на своей должности некомпетентность. Ладно вы, артиллеристы округа знаете, что я на этой должности всего пару недель и не успел вникнуть во всё. А они то не знают об этом и искренне считают, что я не на своём месте.... И знаете...., мне как-то не уютно в эти моменты. Когда я не могу ответить по сути заданных вопросов. Это первое.

Второе: Вот вы спланировали и организовали выход на учебный центр – на целый день. Я это подчёркиваю – на целый день. Меня только в известность поставили: – Завтра выезжаете

со своей артиллерией на полигон. А кто спросил моего мнения – Что мне надо от этого выхода? Или какие цели я ставлю на этот выход? Никто не спросил. А я официально заявляю вам, и это же заявлю, чуть позже, генералу. Вот этот, сегодняшний выход, проводится без учёта тех задач, которые стоят в данный момент перед артиллерией. И остальные два запланированных выхода, совершенно лишние, – Макушенко, до этого стоявший молча, вертя в руках веточку, удивлённо вскинул голову и ветка в его руках с треском сломалась.

– Не понял? Объясни.

– Да, да... Без учёта задач. Я это вам сейчас докажу в течение одной минуты. Если бы я планировал этот выход, то он выглядел бы следующим образом. Сегодня совершаем марш, по маршруту: полк, учебный центр, второй караул и обратно. Всего 25 километров. Техника: все 100%, не только самоходки, управленческие машины, но и вся автомобильная техника. И марш только по асфальту. Маршем проверяем готовность техники. Я считаю; если машина пройдёт сразу двадцать пять километров, то она пройдёт и двести двадцать пять километров. Если она не может пройти 25 км, то её надо срочно менять или ремонтировать. А вы выгнали только самоходки и КШМки на марш. На хрен мне нужны самоходки с их сорока снарядами в боеукладке, если автомобили с боеприпасами сломаются. Дальше. В ходе марша проверить радиосвязь с подразделениями, управляемость подразделений на марше. Дать пару простых вводных в ходе марша. При совершении марша обратно остановиться на учебном центре на пару часов, чтобы провести выверку прицельных приспособлений и убыть в полк.

Управление огнём батареи и дивизиона проводить считаю не целесообразным. Мы две недели тому назад закончили полевой выход, где пусть и в минимальном объёме, но эти задачи отработали. А верчение башен на «Москву», «Уфу» или «Баку» мне сейчас совсем не нужно. Там, в Чечне, для этого будет достаточно времени. На этом бы я и закончил выход, да и остальные выходы тоже. А вы что сделали? В ходе только одного марша так измазали всю технику, что сейчас нужно из луж часа четыре отмывать машины, а мне сейчас важнее всего укомплектовать подразделения личным составом, техникой, имуществом и боеприпасами. Подготовить технику к погрузке и совершению марша железнодорожным транспортом. Вот вы и помогите, убедить генерала, чтобы он больше не дёргал нас с выходами артиллерии. Я убедил вас?

Макушенко молчал. Ковырял носком сапога бугорочек, но молчал. Молчал и я. Весь запал вышел. Всё что думал – сказал. Я остановил пробежавшего мимо солдата и приказал пригласить ко мне командиров дивизионов.

– Копытов, – наконец нарушил молчание Макушенко, – всё, что ты сказал правильно. Тут я с тобой согласен. Но погоду здесь заказывает Шпангель, а не мы. Единственно, что могу тебе однозначно сказать, если он запланировал ещё два выхода, то хрен что ему докажешь. Я или кто-то другой даже подходить с этим вопросом не будет – бесполезно. Если ты такой смелый, то иди и сам доказывай.

Подожли Семёнов и Чикин.

– Константин Иванович, Александр Владимирович, слушайте задачу. – Я уже не обращал внимания на полковника Макушенко, – сейчас всех командиров взводов бросить на выверку прицельных приспособлений. Поставить всех людей и отмыть от грязи технику, заодно навести порядок внутри машин. Как только выполните эти задачи убыть в полк. Но не по тому маршруту, по которому шли сюда, а по асфальту. Как прибудете, доложите мне. Там я поставлю задачу на завтра.

– Так мы и так знаем, что завтра опять выход на полигон, – Семёнов вальяжно и с вызовом смотрел на меня, – чего мы к вам бегать будем, и так задач полно.

Я поморщился, – Константин Иванович, только вот не надо так, самонадеянно пальцы веером разводите. Завтра выезда на полигон не будет, это я вам как начальник артиллерии полка заявляю. – Семёнов и Чикин скептически усмехнулись, но спорить не стали.

Не стал я им ничего доказывать – важен был сам результат. В полку меня вновь захлестнул поток проблем и время пролетело незаметно. Дивизионы прибыли в 17 часов, сразу же заявили командиры дивизионов, доложили о прибытии и не без ехидства спросили: будет ли завтра выход на полигон или нет? Ответить им не успел: зазвонил телефон – это был Шпангель, который вызывал меня к себе.

– Вот сейчас и решу вопрос о выходе на завтра, – увидев улыбки на лицах своих подчинённых, я не стал с ними спорить, а достал рабочую карту, на которую была перенесена насаждаемая генералом схема. В кабинете начальника артиллерии дивизии я развернул карту на столе, а генерал, мельком глянув на неё, сразу же сделал замечание.

– А почему у тебя не теми цветами круги нарисованы? – Действительно, круги были нарисованы другими цветами, чем на его плакате. В тот момент, когда рисовались круги на карте, не нашлись под руками фломастеры нужного цвета, но я с апломбом ответил.

– Товарищ генерал-майор, я определил своим решением, что в полку круги будут именно этого цвета.

Шпангель обиженно засопел, что было хреновым признаком: – Это я определяю, каким цветом, товарищ подполковник, вы круги будете рисовать. Инициативу в другом месте будете проявлять, а ваша задача в точности выполнить то, что требует начальник. Карту переделать и вечером её мне представить снова.

Я сцепил зубы. Только бы не наговорить дерзостей начальнику, ведь впереди ещё предстоял тяжёлый разговор по поводу отмены завтрашнего выхода на полигон. Шпангель в это время повернулся к начальнику артиллерии дивизии и сорвал на нём своё раздражение. Причём, сделал это в оскорбительной и грубой форме. Мне стало очень неудобно и стыдно перед полковником Алабиным, так как прекрасно понимал, что эти грубости должен был выслушивать я, а не он. Неудобно мне было и от того, что все эти оскорбительные слова, самым мягким из которых было слово – дурак, полковник Алабин выслушивал от Шпангеля в моём присутствии – своего подчинённого. Начальник артиллерии дивизии был человеком не глупым и порядочным, достаточно уверенно руководил артиллерией и пользовался уважением среди офицеров. И вот сейчас его унижали. Унижали при подчинённом. Алабин пытался защищаться, но это ему плохо удавалось. Наконец он собрался с духом, встал из-за стола и прервал генерала.

– Товарищ генерал-майор, почему вы ругаете меня при подчинённом? Пусть он выйдет отсюда и мы разберёмся, что дальше делать.

Шпангель раздражённо махнул рукой: – Сядьте, товарищ полковник, ваш подчинённый и так знает, что вы – дурак. – Алабин в возмущение всплеснул руками, опустил обратно за стол, молча и обиженно стал перебирать какие-то бумаги на столе.

Всё, больше я терпеть всё это не собирался. Решительно встал и начал складывать карту: – Товарищ генерал-майор, я больше к вам ходить не хочу: и на ваши совещания, и на занятия я больше не ходок. Даже если будете приказывать мне прийти – я не приду. – Шпангель и Алабин в изумление воззрились на меня, а я уже не мог остановиться, – мне надоело, на всех ваших совещаниях и занятиях слушать и видеть, как вы оскорбляете и унижаете офицеров, которых не только я уважаю, но и многие другие офицеры. Вы и сейчас, при мне унижаете моего начальника, к которому я тоже отношусь с большим личным уважением. Мне это надоело. Пусть это будет моим протестом, но я ухожу. И теперь я буду руководить артиллерией, а не вы. – Собрал со стола документы, надел головной убор и несмотря на протесты и угрожающие крики Шпангеля, вышел из кабинета, хлопнув дверью. Сразу же отправился на командный пункт полка, где через десять минут должно начаться полковое совещание. Только расположился на своём месте, как ко мне сразу же подошли командиры дивизионов и командир противотанковой батареи.

– Борис Геннадьевич, решили с генералом насчёт завтра: выезжаем или не выезжаем?

Тяжело вздохнув, со свистом втягивая в себя воздух, неловко поёрзал на стуле: – У меня с Шпанагелем произошёл серьёзный конфликт, из-за этого я не смог решить этот вопрос. Но всё равно – завтра на полигон не выходим. Пока я начальник артиллерии – этой мой приказ. Если вас спросят, почему не вышли – ссылайтесь на мой приказ. Мне, как начальнику артиллерии полка, виднее, – я ткнул пальцем вверх, – чем им, там наверху, что для нас важнее. Завтра занимаемся подготовкой техники, дополучением боеприпасов и имущества. Вы меня поняли?

Семёнов задумчиво посмотрел на меня: – Шпанагель вам, Борис Геннадьевич, этого не простит.

– Ничего страшного, если что: примешь тогда у меня артиллерию и будешь танцевать под его дудку. Всё, вопрос закрыт.

Совещание шло уже тридцать минут, но я никак не мог сосредоточиться на нём. В голове крутилось около десятка вариантов последствий моего демарша и не выполнения приказа о выходе на занятия. Перед совещанием я по телефону связался с Чистяковым и послал его вместо себя на совещание к генералу. А несколько минут назад, Чистяков тихо зашёл на полковое совещание и пробрался ко мне. Шёпотом сообщил, что генерал выгнал его и требует, чтобы я лично прибыл к нему. Также шёпотом ответил старпому, что к Шпанагелю больше не пойду, и что я отменил выход на полигон. Чистяков на несколько минут задумался, а потом горячо зашептал мне на ухо: – Товарищ подполковник, отмените свой приказ, иначе округ снимет вас с должности. Я тут немного пообщался с офицерами: нам лучше с вами в Чечню идти, чем под командой Семёнова.

– Алексей Юльевич, я в таких принципиальных вопросах своих решений не меняю, – последние слова, забывшись, произнёс громко, на всё помещение, отчего многие офицеры удивлённо вскинули головы и повернулись ко мне, а командир полка постучал карандашом по столу. – Товарищ подполковник, потом свои проблемы будете решать.

Я собрался с духом, сосредоточился на совещании и постепенно забыл о происшедшем. Прошла почти неделя, но так и не стало ясно, с какой целью мы выдвигаемся на Северный Кавказ. То ли санитарный кордон по границе будем ставить и душить их экономически, то ли ещё как-то по-другому. Но о входе в Чечню разговоров, даже на государственном уровне, не было. Была точно известно только дата погрузки – 19 сентября, и станция разгрузки – город Прохладный. А это Кабардино-Балкария, где до Чечни ещё нужно идти через Ингушетию. Вопросов было много и ответы мы сможем получить только в Прохладном. Заместитель начальника штаба полка майор Андрей Порпленко ходит радостный: у него в Прохладном живут родители. Вот, говорит, к родителям заеду, а то два года у них не был. Коньячка прохладненского попьём....

Командир полка на полуслове прервал постановку задачи на завтра и подал команду: – Товарищ офицеры! – Все вскочили с мест и приняли строевую стойку, увидев входящего в помещение генерала Шпанагеля. Он прошёл к столу и пожал руку полковнику Никитину. Командир полка вновь подал команду: – Товарищи офицеры! – Все сели. А генерал тревожно зашарил глазами по помещению командного пункта и нашёл меня и кажется был удовлетворён тем, что я нахожусь на полковом совещании, а не плюнул на всё и не ушёл совсем. Начальник ракетных войск начал о чём-то говорить, но его слова отскакивали от моего сознания. Назвал меня по имени и отчеству, правда, перепутав его. Поставил какую-то задачу, но я даже не запомнил её. Закончил своё выступление он обращением ко мне: – Борис Григорьевич, после совещания зайдите ко мне.

Я встал и ответил: – Есть.

Через пять минут, после ухода Шпанагеля, совещание закончилось и я направился к себе в кабинет, а не к Сергею Львовичу.

– Борис Геннадьевич, идите к начальнику, – всю дорогу до штаба уговаривал меня Чистяков, – ведь, то что он пришёл на совещание и не «вздёрнул» вас, говорит о том, что он согласен на примирение. Идите, а то ведь вам хуже будет, а потом нам.

Но я про себя уже всё решил. В кабинете сел за стол и стал наблюдать, как офицеры моего штаба укладывают литературу и документы необходимые для работы в поле, попутно ожидая телефонного звонка. Он раздался через двадцать минут, Алексей Юльевич поднял трубку.

– Так точно. Я, товарищ генерал. Да здесь, – Чистяков подтянул ко мне телефон и прошептал, – Шпангель.

– Подполковник Копытов, – прогудел я в трубку.

– Копытов, ты чего ко мне после совещания не пришёл? Я ведь тебя жду.

– Товарищ генерал, я же вам сказал, что больше к вам не приду. Причины, по-моему я достаточно чётко изложил. – Чистяков страдальчески сморщился, а Гутник с Кравченко посмотрели на меня с восхищением, смешанным с ужасом.

– Копытов, хорош кипятится. Давай встретимся через десять минут на КПП вашего полка и обсудим все вопросы. Хорошо?

– Хорошо, через десять минут встречаемся на КПП. – Я положил трубку на телефон и посмотрел на своих подчинённых.

– Вот так, – даже пристукнул трубкой по телефону, как бы придавая весомость нашему разговору.

Через десять минут я стоял на КПП, ожидая Шпангеля. Ночь была ясная и прохладная, я здорово продрог, а генерала всё не было, хотя прошло уже минут двадцать.

– Жду пять минут и ухожу, – твёрдо решил про себя. Только так подумал, как с плаца, от казармы первого батальона донёсся крик: – Копытов!

– Я, товарищ генерал. – Ответно проорал в темноту.

– Иди сюда.

Скорым шагом направился на голос и через минуту стоял перед начальником.

– Копытов, ну что ты? – Барственно пророкотал Шпангель.

– Товарищ генерал, я объяснил причины, почему так поступаю. Повторяться не хочу.

Генерал стоял напротив меня, а около нас, бросая любопытные взгляды, строились солдаты первого батальона. Батальона – сына генерала. Сам Алексей стоял в стеклянном предбаннике и терпеливо ждал отца. Генерал подошёл ко мне, приобнял за плечи и стал по-отечески наставлять: – Боря, ну кто тебя ещё научит, кроме меня? Да, раскрашивай ты эти круги хоть в одинаковый цвет. Наша с тобой задача достойно подготовить артиллерию к боевым действиям, а каким путями – это в принципе не важно.

– Может для вас это и не важно, но для меня важно, что остаётся после меня. Вы говорите, что мы готовим артиллерию, так я не согласен с этим..., – дальше я высказал своему начальнику всё то, что сказал Макушенко на полигоне. Даже добавил ещё, усилив кое какими фактами свои умозаключения. Выговорившись, я с любопытством ждал, что мне ответит мой начальник, который несколько лет вёл меня по служебной лестнице вверх.

Шпангель озадаченно хмыкнул, задумчиво потёр рукой подбородок: – Честно говоря, я не подумал даже взглянуть на всё это глазами начальника артиллерии полка и признаю, что в твоих словах много справедливого. Молодец. Но что сделано, то сделано. Ну, а насчёт занятий, тут ты меня убедил. Ладно, отменяем занятия. Занимайся тем, что считаешь нужным. – Генерал поощрительно похлопал меня по плечу и пошёл к сыну в батальон, а я направился к себе в кабинет.

– Борис Геннадьевич, на щите или под щитом, – сдержанно улыбаясь, спросил меня Чистяков. Кравченко и Гутник тоже выжидающе смотрели на меня.

– На щите, на щите. И даже похвалили, – всё это я произнёс уже из-за стола. Не успел рассказать офицерам о разговоре с генералом, как дверь открылась и в кабинет решительно вошли командиры дивизионов с полковником Макушенко.

– Борис Геннадьевич, – прямо от дверей начал Макушенко, – я не согласен с тем, что вы отменяете выход на полигон. Раз нет разрешения на это генерала, то это прямое невыполнение приказа. Я требую отмены вашего приказа, или же иду к генералу. Чем это чревато для вас, объяснять, думаю, не стоит.

Чикин и Семёнов с нездоровым любопытством смотрели, ожидая мою реакцию на решительное заявление полковника Макушенко. У Константина Ивановича даже глаза злорадно поблёскивали.

– Товарищ полковник, – я встал из-за стола, – десять минут тому назад у меня состоялся разговор с генералом, где я высказал всё, что и вам говорил. Высказал свои доводы и против выхода на полигон. Разговор был тяжёлый, но начальник согласился со всеми моими предложениями. В том числе утвердил моё решение больше не выходить на учебный центр. – Полковник и командиры дивизионов удивлённо молчали.

– Что, Константин Иванович, не ожидал такого поворота? Думал, снимут меня? – Поддел я командира первого дивизиона, – идите, товарищи офицеры, занимайтесь своими дивизионами. На этом для вас интрига закончилась.

Когда офицеры ушли, Макушенко подошел ко мне: – Борис Геннадьевич, как ты сумел его убедить? Я рассказал о нашем разговоре Насонкину и тот тоже сказал, что даже разговор с генералом на эту тему заводить бесполезно. Как тебе это удалось?

Я загадочно улыбнулся и развёл руками: – Товарищ полковник, пусть это останется моим секретом.

В принципе, на этом и закончился для нас этап боевого слаживания. Прошло ещё несколько дней; в течение которых мы интенсивно загружали имущество и боеприпасы, готовились к погрузке, проводили смотр готовности подразделений. И вот наступил день погрузки.

* * *

.... ПРП взрыкнуло двигателем и, тронувшись с места, выехала из ворот парка 105 полка. Свернуло влево и, набирая скорость, двинулась в сторону КПП «Зелёное поле». За моей машиной выехало ПРП первого дивизиона, КШМ (Командно-Штабная Машина) Семёнова, машина начальника штаба дивизиона и всё, пока я не свернул на повороте у парка арт. полка за мной ехали только эти машины. Больше из ворот 105 полка никто не выехал.

– «Ока, Я Лесник 53. Почему нет движения остальных машин?» – Раздражённо запросил по радиостанции командира дивизиона.

– «Лесник 53, заглохла машина, сейчас тронемся», – даже сквозь помехи радиоэфира была слышна сильная досада в голосе Семёнова.

Я дал команду механику-водителю снизить скорость до минимума, чтобы пока подъезжаем к выходу из городка, колонна артиллерии подтянулась ко мне. Так оно и получилось. Из-за поворота вывернулась машина Семёнова, а за ним потянулись остальные машины дивизиона. Подтянулись к переезду и встали. По путям небольшой маневровый локомотив активно таскал платформы, уже загруженные техникой. Оттягивал их на другие ветки, а взамен ставил пустые. На рампе, освещённой сильными фонарями, кипела работа: несколько сотен солдат и офицеров загоняли технику на платформы, тут же её облепляли и начинался крепёж. В воздухе стоял стук кувалд, топоров, которыми забивали гвозди в колодки и скобы, команды старших и мат. Всё это временами перекрывалось пронзительными гудками локомотива и громким металлическим лязгом сцепок платформ. По погрузочной рампе ползало сразу несколько единиц техники и ещё десятки машин стояло внизу – на дороге, в ожидание своей очереди. Для гражданского человека, это наверно было бы захватывающее зрелище. Но для меня это была

обычная картина погрузки воинского эшелона, поэтому мой взгляд лишь равнодушно скользнул по этой суете и остановился на колонне артиллерии. На ПРП, прямо за мной, Константин Иванович, развернул красное знамя, и оно слегка колыхалось в слабом утреннем ветерке. Коротко свистнул локомотив, освобождая переезд, одновременно качнулись мы с Кравченко в люках, когда ПРП вновь начало движение. Меня охватило волнение, когда гусеницы машины пролязгали по рельсам. Не прошло и пяти лет, а я опять уезжаю на войну: первый раз катил по этим рельсам командиром противотанковой батареи, и у меня в подчинении было 35 человек. А сейчас – я начальник артиллерии полка и за спиной больше шестисот военнослужащих. Проехали совхоз, на 2ой Новосибирской свернули направо, последний раз увидел свой дом: освещённые окна моей квартиры, а через минуту его заслонило здание техникума. Всё, теперь все мысли о доме, семье – долой. Теперь только служба и война

Сворачивая с Новосибирской, я наконец-то смог увидеть всю свою колонну. Зрелище было впечатляющее. Больше сотни машин, где только самоходок и других бронированных машин было около сорока штук в колонне с включенными фарами – эта картинка кого угодно могла заворожить и не только военного. Было ещё рано и те немногие прохожие, что были на улице, уважительно провожали глазами мощную военную колонну. Да и мне было приятно ехать во главе её и ощущать мощь артиллерийских подразделений. Уже совсем рассвело, когда мы прибыли на станцию погрузки. Колонна встала, не дотянув до неё около двухсот метров, растянувшись по дороге на целый километр. Я прошёл на рампу, где суетились несколько военных железнодорожников и офицеров окружников. Маневровый локомотив, зацепив последние загруженные платформы, потащил их к остальному эшелону, около которого прохаживались несколько часовых. Это был эшелон роты материального обеспечения, разведывательной роты и штаба полка. Сейчас все находились внутри вагонов и наверно спали после ночной погрузки.

– Товарищ подполковник, Вы будете грузиться через час, а пока мы подгоним к рампе новые платформы. Идите, готовьтесь, – сообщил мне военный железнодорожник, когда я представился.

Пока железнодорожники подгоняли к рампе платформы, вызвал к себе командиров дивизионов, командира ПТБ, и с ними прошёлся на станцию, где сразу определились, в каком порядке придётся загружаться. Большая часть машин будет заезжать на платформы с боковой рампы, а меньшая с небольшого торцевого заезда.

Через час всё закрутилось: самоходки и командно-штабные машины начали заходить на платформы с боковой рампы, а через час с торцевой рампы мы начали загонять автомобильную технику дивизионов, которые были загружены боеприпасами, продовольствием и имуществом. Чтобы ускорить загрузку, каждый офицер брал себе по машине. Командуя водителем, загонял автомобиль на состав и вёл его через десятка полтора платформ. Когда пришли военные железнодорожники, практически все машины были загружены и тут же начался скандал. Оказывается, нужно не только было загнать машины на платформы, а равномерно распределить тяжёлые машины по платформе и эшелону. А у нас получилось: на одном конце платформы стоит УРАЛ с боеприпасами, а на другом УРАЛ с вещевым имуществом, что категорически запрещено правилами железнодорожных перевозок. Пришлось в течение двух часов перегружать эту часть эшелона. День прошёл в суматохе и в решение внезапно возникающих проблем, а тут в довершение всего оказалось, что два автомобиля совершенно неисправны. Сюда ещё доехали и встали «колом» в километре от рампы. Пришлось их на буксире утаскивать в полк, а оттуда забирать другие автомобили. Незаметно для всех ушёл эшелон с командованием полка, а когда стемнело, железнодорожники начали принимать наш эшелон. Из опыта знал, что эта процедура займёт ещё часа два-три, но я уже был вымотан и, практически засыпая на ходу, прибёрл на рампу, где горел большой костёр, около которого сидел знакомый мне офицер-окружник Володя.

– Боря, иди сюда, посиди немного, отдохни.

Я подошёл к костру, поставил торчком внушительных размеров полено и тяжело опустился на него.

– Володя, ну и устал я, прямо засыпаю на ходу. Ну, его всё к чёрту. Семёнов начальник эшелона – пусть он и рулит всем, – я взял протянутую мне бутылку пива и сделал несколько больших глотков. Вернул бутылку обратно. Глаза слипались и чтобы не заснуть на полене, снял с головы кепку, стиснув её в руках: – Теперь не засну, – удовлетворённо подумал и мгновенно провалился в сон. Открыл глаза, очнувшись от удара при падении на землю. Я лежал в неудобной позе на боку, а около меня суетился Володя, пытаюсь поднять меня: – Ну, Боря ты и даёшь, только кепку снял и тут же заснул. Хорошо хоть в костёр не упал. Ты себя нормально чувствуешь?

– Нормально, нормально, Володя. Во, как я устал. Пойду-ка лучше в вагон. – Я отошёл в сторону от костра и сразу же наткнулся на Семёнова, который вместе с группой железнодорожников направлялся в дальний конец эшелона. Только отозвал Семёнова в сторону, как к нам из темноты вывернулся полковник Насонкин. С досадой поглядев на него, продолжил инструктировать начальника эшелона: – Константин Иванович, я чертовски устал. На ходу заснул и чуть в костёр не упал. Я пошёл в вагон, а ты сдавай эшелон и после инструктажа заводи людей в вагоны.

Семёнов согласно мотнул головой и исчез в темноте, а Насонкин положил мне руку на плечо: – Боря, иди в вагон, переведи дух. Пусть молодёжь покрутится.

Через пять минут я был в своём купе, где сидел Кравченко и пара солдат со взвода, которые охраняли имущество взвода и наше. Остальные, с командиром взвода лейтенантом Шумковым, находились у платформ.

– Кравченко, иди к Шумкову, помоги ему сдать платформу железнодорожникам. Как начнётся построение личного состава перед посадкой в вагоны, разбудишь меня. – Последние слова я договаривал практически во сне, заваливаясь на жёсткую полку.

Полутора часовой сон несколько освежил меня. Личный состав уже был построен перед вагонами. Довели администрацию эшелона, порядок размещения, меры безопасности, номер эшелона на случай если кто-то отстанет от состава. Особо много не говорили: офицеры, солдаты были вымотаны и хотели только одного: быстрее в вагон и спать. Ещё тридцать минут и все разместились. Быстро перекусили и легли спать. Мы у себя в купе накрыли столик и я позвал полковника Насонкина. Кружки были налиты, тост был за Насонкиным.

– Много говорить не буду. Хочу, чтобы вы все вернулись домой быстрее, живыми и здоровыми. А всё остальное приложится. Давайте выпьем, чтобы колёса не скрипели, – мы дружно чокнулись, а через пять минут полковник поднялся.

– Всё ребята, до свидание, – когда он попрощался со всеми, то повернулся ко мне, – Боря, проводи меня.

Мы вышли из вагона, прошлись немного вдоль состава молча.

– Боря, о семье не беспокойся. Я по-соседски буду поглядывать, если какая нужда будет – помогу. Ну и ты через округ со мной связывайся: если что надо – передам. Но самое главное: не только генерал на тебя надеется, но и мы тоже будем переживать за тебя. Смотри там. Будь с ними построже. Ты только вступил в должность и не всех их знаешь, как мы. Особенно борись с пьянкой... – В таких наставлениях мы дошли до рампы, где и распрощались. Я вернулся обратно в вагон, посидев ещё немного, легли спать.

Проснулся в одиннадцать часов утра от того, что в вагоне царило оживление и солдаты, прилипнув к окнам вагона, весело комментировали происходящее на улице. Бесцеремонно раздвинув бойцов, выглянул в наружу. Состав стоял на станции около первой платформы, а напротив вагона высилось здание вокзала с гордым названием «Красноуфимск». С любопытством посмотрел туда, куда смотрели все солдаты. По замусоренной платформе, загнув сильно

руки за спину, от чего солдат чуть ли не носом бороздил по асфальту, Семёнов и ещё один офицер волокли пьяного бойца в милицию.

Выйдя из вагона, хмуро спросил офицеров у входа: – Что произошло?

А услышав объяснение, закрипел зубами от злости: – Ну, Мелехов! Нууу... – Оказывается, вчера бывший командир противотанковой батареи приехал на станцию погрузки попрощаться с батареей и передал своим приближённым подчинённым несколько бутылок водки. Те ночью выпили и начали перед новым командиром батареи пальцы веером распускать. Сам капитан Плеханов с ними сделать ничего не смог и обратился за помощью к Семёнову. Константин Иванович долго не разбирался: поучил кого надо кулаком, а самого главного смутьяна скрутил

и уволок в милицию, чтобы те дальше его сдали в ближайшую комендатуру. В принципе, на всём пути следования эшелона это был единственный неприглядный инцидент. Пять дней следования прошли спокойно и мне запомнилось только два момента. Эшелоны полка шли друг за другом, поэтому на длительных стоянках мы часто стояли на соседних путях. В первый раз, когда наш эшелон догнал эшелон командира полка и мы стояли рядом в течение часа: полковник Никитин пригласил меня на рюмку водки в своё купе. Выпили по первой рюмке, потом по второй. Поделались впечатлениями от боевого слаживания, я со смехом рассказал командиру полка о том, как мы не могли вспомнить на второй день движения какое сегодня число. До того в ходе боевого слаживания дни перепутались, что даже не могли вспомнить вообще – начало месяца сейчас или конец. Командир выслушал и весело усмехнулся, потом разлил водку по рюмкам: – Борис Геннадьевич, вы число месяца не могли вспомнить, а я так был вымотан, что на следующий день не мог сказать какой сейчас месяц. – Мы оба грохнули от смеха, выпили и я ушёл к себе в эшелон.

Через несколько дней мы остановились на одной из станций Волгоградской области, где продавали рыбу. Причём эта рыбы была всех видов копчения, засолки, жарения и варки. Цены можно сказать – никакие. Я купил небольшого солёного осетра. Бутылок восемь ледяного пива и пока всё это не съел и не выпил – не мог оторваться. Правда, потом избегался в туалет по малой нужде, но зато удовольствия получил достаточно.

Прибыли в Пятигорск. Эшелон остановился где-то на задворках. Кругом, куда ни кинь взгляд, стояли бесчисленные пустые платформы и все пути были сплошь засраны, от оставившихся здесь воинских составов. Через час стоянки мы двинулись дальше и глубокой ночью прибыли на станцию разгрузки. Состав немедленно подали к рампе и сразу же закипела работа. Ночь была ясная, но ужасно холодная, так что подгонять никого не приходилось. А в самый разгар работы произошёл сбой в разгрузке. Не сработали железнодорожники и мы в течение часа ждали локомотива, чтобы он продвинул эшелон. Но вот и это было сделано. С первыми лучами солнца мы разгрузились, наспех построились в колонну и торопливо стали выбираться на дорогу к городу Прохладный, так как к рампе подавали новый состав под разгрузку. Полчаса марша, свернули влево, ещё пять минут и колонна встала. Я вылез из машины и в тени деревьев пошёл в голову колонны, пройдя метров двести, вышел на край огромного поля; где располагался местный учебный центр. Тут и расположился лагерь нашего полка. Уже стояли палатки первого и третьего батальона. Чуть дальше виднелись РМО и ремонтная рота. Рядами стояли БМП батальонов. А рядом с ними на поле становились мои дивизионы. Подошёл к месту будущего парка дивизионов, где деловито распоряжались мои артиллеристы: уточнил, где будет стоять моё ПРП и направился к командиру полка, которого нашёл в палатке ЦБУ (Центр Боевого Управления). Доложил о прибытии. Командир рассеянно выслушал меня, указал места для палаток дивизионов и определил сегодняшней день – днём обустройства на месте. К этому времени подтянулась моя машина, которую я обманом загрузил в эшелон и я указал место расположения кунга, а рядом с нами и место под палатку ВУНА (Взвода управления начальника артиллерии). В принципе, на сегодня моя руководящая роль, как началь-

ника артиллерии, закончилась. Можно было заняться собой. Взял полотенце, туалетные принадлежности и направился к источнику в расположение полигонной команды. Несмотря на то, что вода из кранов лилась ледяной, я с большим удовольствием принял душ, побрился и взбодрённый холодной водой вернулся в расположение полка. За время моего отсутствия на участке, отведённом под палатки дивизионов, уже кипела работа. Бойцы, соскучившись в вагоне по простым физическим нагрузкам, дружно работали лопатами, топорами, забивали колья, натягивали верёвки и ставили палатки. Я сходил к командиру комендантского взвода и получил на себя автомат, бронежилет и другие принадлежности. Получили вооружение, имущество и мои офицеры. В течение часа вычистили оружие и подогнали бронежилеты под себя. А когда надел броневую защиту и попытался проделать в нём, под дружный смех подчинённых, несколько ружейных приёмов, то понял – я одел бронежилет в первый и в последний раз. Очень уж он тяжёлый и неудобный. В первую войну провоявал без бронежилета и эту провоюю, после чего закинул его далеко под кровать. День прошёл спокойно: мои офицеры клеили карты, а я контролировал, как идёт оборудование палаток и парка. Особого моего вмешательства не требовалось, так как дивизионам оказывали помощь опять полковники Алабин и Макушенко. Пусть работают. Встретился с генералом Шпанегелем: он мне определил задачи и направления по дальнейшему совершенствованию слаживания подразделений. Конечно, особый упор он сделал на отработку вопросов по наведению батарей и дивизионов по команде – «Баку, Уфа, Москва». Но уже прежнего интереса и напора у него я не ощутил. Жил он у сына в батальоне, там же и проводил большую часть времени.

Последующие дни принесли мне достаточно огорчений и неприятностей, которые в основном были связаны с организацией дальнейшего процесса боевого слаживания. Командиры дивизионов пустили его на самотёк. Занимались в основном мелочёвкой и какими-то побочными делами, и что ещё хуже всего с утра и до вечера с «втихушку квасили». Организовать схему: занятия до обеда, а после обеда заниматься мелочёвкой, ни полковникам Алабину с Макушенко, ни мне не удавалось. Мы натыкались на тихое противодействие не только командиров дивизионов, но и командиров батарей. Из-за этого меня постоянно дёргали, а потом произошёл неприятный разговор с Алабиным, который потребовал от меня переломить создавшуюся ситуацию. Заведённый, после этого разговора, я построил офицеров и прапорщиков дивизиона и крупно с ними поговорил.

Отпустил командиров взводов и резкой форме отчитал командиров батарей. Потом отвёл в сторону Семёнова с Чикиным и не шадя их самолюбия высказал всё, что думаю о их стиле руководства подразделениями. Конечно, обид и амбиций со стороны офицеров, особенно командиров дивизионов, было после этой акции много. Но результат не замедлил сказаться; более-менее занятия наладились, хотя с нежеланием проводить их под любым предлогом сталкивался практически ежедневно. Неудачно прошли в течение двух дней и радио тренировки в масштабе полка. Я так и не сумел добиться надёжной двухсторонней радиосвязи с артиллерийскими подразделениями, и в чём здесь была причина – выяснить не удалось. Всё это происходило на фоне бесконечных совещаний, которые только добавляли суматохи.

В один из последних дней командир полка, командиры батальонов, заместители командира полка и я вылетели на вертолёт в один из полков на совещание, которое должен был проводить командующий нашей группировки генерал-майор Гончаров. Все прекрасно понимали, что на этом совещание будет поставлена конкретная задача для полка: когда и каким маршрутом будем входить в Чечню. Прилетели мы в полк, стоявший недалеко от границы с Чечнёй первыми. И в течение двух часов подъезжали и прилетали на вертолётах офицеры с других полков. Наконец прилетел и Гончаров со своими офицерами. Среди них нашёл начальника ракетных войск и артиллерии группировки и представился полковнику Борисенко. Вроде бы мужик ничего. Но за пятнадцать минут общения с ним перед совещанием, он достал меня своими нудными наставлениями. В августе-сентябре ему пришлось участвовать в боевых дей-

ствиях на территории Дагестана, чем очень гордился и всё пытался мне передать тот опыт, который он там приобрёл. Но, честно говоря, принципиально нового я ничего от него не услышал и еле сумел от него отделаться. Когда мы подошли к месту проведения совещания и расселись по местам, из штабной палатки выскочил взбешённый генерал Гончаров. Оказывается, командир полка с начальником штаба убыли в неизвестном направлении и из штабного начальства остался только начальник связи полка, который от яростного напора Гончарова так растерялся, что не мог ответить ни на один его вопрос. Что больше и больше ввергало генерала в гнев. Мы сидели притихшие, наблюдая за суетой вокруг командующего группировки, и тихо потели. Деревья, которые окружали место совещания, практически не давали тени. И хотя время уже перевалило далеко за обед, солнце щедро поливало своим жаром землю. Гончаров, излив своё накопившееся раздражение на начальника связи, впавшего в ступор и только ошалевшим взглядом сопровождал метания генерала, наконец остановился и почти спокойно приказал: – Товарищи офицеры, снять всем кителя, а то что-то жарко сегодня, – и первым снял китель, оставшись в мокрой майке. Затем повернулся к начальнику связи и грозно продолжил: – А вы, товарищ майор, срочно мне связь организуйте с командиром полка. Вот сюда, – генерал сильно постучал пальцем по столу, указывая, где должен стоять телефонный аппарат, а майор с облегчением козырнул и умчался долой с глаз начальства.

Гончаров, пару минут в молчание прошагал около стола, собираясь с мыслями. И в тот момент, когда мы думали что он начнёт ставить задачи, он поднял своего заместителя генерала Свистунова и начал его отчитывать за какие-то там мелкие просчёты. Генерал пытался что-то отвечать, но Гончаров не давал ему открыть рта и продолжал его отчитывать как какого-то юного лейтенанта. Мы, со всё возрастающим интересом, наблюдали эти штабные разборки. А через некоторое время все вообще затаили дыхание, ожидая развязки развивающейся на наших глазах трагикомедии, так как за спиной Гончарова бесшумно появился начальник связи полка с телефоном в руках. Поддёргивая телефонный кабель, майор тихо приближался за спиной генерала к столу и когда до стола остался один метр, кабель окончательно натянулся. Майор, не веря своим глазам, несколько раз сильно дёрнул за кабель, надеясь, что он отцепится от препятствия. Но кабель не отцепился, а лишь ещё сильнее натянулся. Тогда офицер знаком дал команду связисту проверить и освободить провод. Через минуту солдат вынырнул из кустов и, сильно жестикулируя руками, показал, что провод ни за что не зацепился, а полностью натянулся. Майор в отчаянии оглянулся, лихорадочно решая про себя возникшую проблему, но не найдя решения с надеждой уставился на своих подчинённых, которые в растерянности выглядывали из-за кустов. Участники совещания давились от смеха, многие спрятались за спинами впереди сидящих и истерично тряслись в беззвучном хохоте. Гончаров, видя что офицеры давятся от непонятного веселья, и не понимая его причины, всё более «заводился», считая что смеются над ним. Начальник связи, убедившись в бесполезности попыток удлинить кабель, начал осторожно продвигаться в сторону кустов, но в этот момент Гончаров оглянулся и увидел его.

– Ну что, товарищ майор, есть связь с командиром полка?

– Так точно, товарищ генерал-майор, – хрипло доложил офицер и судорожно сглотнул слюну. Совещание сдавленно засмеялось, зная, что будет дальше. Догадался об этом и начальник связи. Он сильно прижал телефонный аппарат к груди и загнано посмотрел на командующего.

– Давай сюда аппарат, – генерал хлопнул ладонью по столу и сел на стул. Уже никто не скрывал своего смеха. Майор медленно, загребая ногами пыль, двинулся к столу командующего, всё ещё надеясь на чудо. Но чуда не произошло, опять не хватило одного метра до стола. Участники совещания уже не могли смеяться. Теперь засмеялся сам Гончаров, и засмеялся он очень зловеще. Дальше последовал монолог генерала, откуда несчастный майор узнал до какой степени он дурак и дебил. Потом он был отдан под трибунал за невыполнение непонятно

какого-то приказа. Но потом командующий пожалел семью майора и сказал, что под трибунал он не будет отдан, а его уволят с позором из армии. Причём прямо сейчас его посадят в вертолёт и отправят в Моздок, а оттуда он в часть для окончательного увольнения будет добираться самостоятельно, побираясь на каждой станции, так как он, наверняка, пропил все деньги. Командующий ещё пару минут обсасывал, под дружный, но доброжелательный смех офицеров будущие перспективы службы майора. А закончив топтать начальника связи, взял телефонную трубку из рук офицера и связался с командиром полка. Ещё пару минут Гончаров рассказывал кто такой, в представление командующего, командир полка. Красочно рассказал тому о его части и о его офицерах, при этом используя богатый русский язык с его печатными и непечатными оборотами. После этого отдал трубку и устало сказал майору, чтобы тот продолжал служить и не брал примера с остальных горе – командиров. Начальник связи, не веря, что буря его миновала, быстро исчез с глаз начальства.

Мы все думали, что совещание сейчас наконец-то начнётся, но Гончаров уже не мог остановиться и продолжал угрожать участникам совещания всеми мыслимыми карами в случае невыполнения приказов или непродуманных решений, ссылаясь на командира полка, который зная о совещании убыл в неизвестном направлении и забрал с собой всё командование. Тем самым, обезглавив полк. В принципе, на этой ноте совещание было закончено: длилось оно всего сорок минут. Конечно, в глубине души все были довольные прокатится на вертолёте на границу с Чечнёй, пообщаться с другими офицерами, в конце концов посмеяться над нелепой ситуацией, в которой оказался начальник связи. Но всё это только для того чтобы выслушать гневные тирады, пусть и уважаемого генерала – ну, это совсем не рационально.

По дороге к вертолётной площадке полковник Денисенко опять пытался вбить мне в голову прописные артиллерийские истины, о которых я знал ещё будучи командиром взвода. Он всё бубнил и бубнил о боевых действиях в Дагестане, а я едва сдерживался от резкостей, прекрасно понимая, что этот опыт в будущих боевых действиях можно применять лишь частично. А может быть, став начальником артиллерии, я возомнил о своих полководческих «талантах» и не желаю прислушиваться к чужому мнению? Над этим потом стоит подумать.

Взлетели. Лётчики попались лихие. Мы мчались на высоте 10 – 15 метров над пустынными солончаками, придерживаясь рельефа местности, поэтому вертолёт резко подымался или опускался: в зависимости от рельефа. Особенно щекотало нервы те моменты, когда мы подлетали к линиям ЛЭП. Вертолёт перед линией резко подымался метров на пятьдесят и так же резко опускался, когда мы её перелетали. Было жутковато, но все были довольны. Высадив командира 245 полка в расположение его полка, вертолёт набрал приличную высоту и мы уже направились к себе. Лихо промчавшись над стрельбищем и сделав крутой разворот, вертолётчики высадили нас и сразу же взмыли в темнеющее небо, а на нас налетел генерал-лейтенант Сидякин, который прибыл к нам от штаба нашего округа для контроля, и в резкой форме стал отчитывать командира полка, за то что мотострелковые подразделения не прекратили учебные стрельбы, когда наш вертолёт пролетал над ними. Излив своё раздражение, Сидякин быстро успокоился, а поздно вечером, на совещание, командир полка довёл до нас, что послезавтра мы уходим всем полком в Чечню. Поэтому весь завтрашний день приказал посвятить свёртыванию лагеря. К вечеру полк должен стоять в колоннах. Вторую, наверно, более приятную новость мне сообщил полковник Макушенко: пока мы летали на совещание, в Екатеринбург убыл генерал Шпангель для проведения боевого слаживания и отправки в Чечню нашего артиллерийского полка. Порадовшись этой новости, про себя злорадно усмехнулся. Как только получу от командира полка боевой приказ, так сразу же поставлю на место полковников Макушенко и Алабина, которых Шпангель оставил при моей артиллерии. Двоевластия в артиллерии полка я больше не потерплю.

30 сентября целый день грузились и одновременно заместитель командующего Уральского военного округа генерал-лейтенант Сидякин вместе со штабом полка и командирами

подразделений отрабатывали вопросы взаимодействия при совершение марша из расположения полка, под населенным пунктом Прохладное, в район сосредоточения полка – населенный пункт Горагорск, это уже на территории Чечни. Для этого перед палаткой ЦБУ построили макет местности, на котором был выделен маршрут выдвижения полка, и на нём уже конкретно определяли места возможного нападения боевиков на колонну полка, вопросы огневого поражения артиллерией. Перед этим командир полка приказал изучить маршрут движения и принять решение по боевому обеспечению совершения марша каждому начальнику рода войск по своей специальности. Когда до меня дошла очередь, в своем докладе я показал на маршруте вероятные места нападения боевиков и районы развёртывания дивизионов. Больше всего командира и меня тревожил перевал в районе нп. Предгорное, там дорога вилась по весьма крутому серпантину и было самое удобное место для засады. В этом районе указал вероятные места развёртывания артиллерийских подразделений и цели, по которым вполне возможно придётся вести огонь. Заслушав доклады, полковник Никитин определил порядок движения следующим: первыми идут развед. рота, за ними первый батальон, потом управление полка, я там же. Дивизионы, подразделения обеспечения, танковый батальон и замыкал колонну третий батальон. Накануне был большой спор, какой из батальонов пойдёт первым: третий или первый? Больше склонялись к третьему батальону, там командир батальона майор Сергеев выдержанный и достаточно опытный офицер, да и постарше командира первого батальона, но он уже был ранен и у него почти не действовала рука. В пути следования, в его эшелоне, напился один из младших офицеров батальона и стал кидаться на всех с ножом, а потом запёрся в туалете, а когда его вытаскивали оттуда, успел несколько раз ударить Сергеева ножом. Наиболее серьёзная рана была в руку, и она у него плохо действовала. С другой стороны первым в бой рвался капитан Шпангель, но Алексей был импульсивный, азартным и мог увлечься боем, так сказать – бой ради боя. Но когда командир полка стал опрашивать у кого какое мнение по этому поводу, то большинство, в том числе и я, всё-таки высказались за первый батальон.

Утром спрашиваю Алексея Гвоздева, как он видит артиллерийское обеспечение в ходе марша. Смеётся: – Борис Геннадьевич, я еду на своём БМП, впереди меня и по бокам море огня всё кругом взрывается и мой батальон взламывает оборону противника.

Я скептически усмехнулся про себя – Мальчишка.

– Товарищ капитан, море огня вам обеспечивать не буду, у нас лишь полтора БК. Больше используйте свою миномётную батарею, ну а если зажмут тебя, тогда помогу.

В 18.00 командир полка построил командиров подразделений и отдал боевой приказ на совершение марша. После зачитки приказа я приказал командирам дивизионов построить подразделения, для того чтобы в свою очередь отдать свой боевой приказ по артиллерии. Полковники Алабин и Макушенко сразу же попытались опять взять в свои руки руководство артиллерийскими подразделениями. Но я их отвёл в сторону и твердо сказал: – Всё..., товарищи полковники... Благодарю вас за оказанную помощь, но боевой приказ отдал мне, а не вам. Поэтому попрошу вас мне не мешать, ну а если в боевом приказе или в своих распоряжениях что-то упусти, то можно меня и поправить, а сейчас стойте, слушайте и не вмешивайтесь.

К вечеру стали строить колонны. Сам лично прошёлся по дивизионам и проверил, что связь у меня с ними есть, а то были перебои в связи на радио тренировках. Где-то в 23.00 закончили построения и легли спать. День предстоял тяжёлым, и я понимал, что завтра в это время уже кого-то в полку не будет в живых, но не мог предположить, что первые потери и существенные понесут мои артиллерийские подразделения.

Октябрь

В 4:00 подъём, поели ещё раз проверились и в пять часов первой пошла разведка, первый батальон, потом начали движение мы, а через пятнадцать минут у меня потерялась связь со вторым дивизионом, с первым дивизионом она исчезла сразу же с началом движения, хотя они в колонне всего в триста-пятьсот метров сзади меня. Не добившись связи с дивизионами, переключился на частоту командира полка и слышал командира хорошо, что было не мудрено, ведь я ехал прямо за ним, но вот больше никого не слышал. Судя по нервным переговорам и здесь со связью было не всё в порядке. Дааа..., готовились, готовились, а в бой вступаем без связи. Через час движения остановились. Начальник связи полка – майор Кириченко, поменял машину связи (КШМ) на другую. Но со связью так и не заладилось, в том числе и с артиллерийскими дивизионами. Снова начали движение и через несколько километров внезапно въехали в туман, от чего резко похолодало. Причём, туман был широкими полосами, которые стелились низко по земле, а во время движение я стоял в люке ПРП отчего здорово промёрз. В предрассветных сумерках вдоль дороги в тумане мелькали размытые силуэты деревьев, придорожных кустов, а когда выскакивали в узкие промежутки между полосами тумана глаза радовали вспаханные поля и населённые пункты, поблёскивающие освещёнными окнами. На всех перекрёстках стояли местные гаишники и наглухо перекрывали движение гражданского транспорта до самого Моздока. Не доезжая окраин города, колонна свернула вправо и колонны полка начали обходить Моздок. Через час, уже освещённые утренними лучами тёплого и ласкового, по летнему, солнца, пересекли по узким мостам несколько нешироких каналов и двинулись через большое село. Местное население стояло кучками по десять-пятнадцать человек у своих домов, на перекрёстках, в глубине улиц и угрюмо провожало нас глазами. Миновали село и через полчаса подъехали к месту запланированного привала.

Остановились позади первого батальона, где вдоль колонны своего батальона метался капитан Шпангель и возбуждённо что-то кричал, подавая команды. За ним бегала его охрана, два амбала в шляпах под наёмника и радиотелефонист. Шпангель быстрым шагом подошёл к командиру, доложил о состоянии батальона и вместе с ним неторопливо двинулся вдоль колонны. Привал по плану был часовой и времени позавтракать и устранить недостатки, выявленные в ходе марша, было достаточно.

Я слез с ПРП и первым делом послал капитана Кравченко вдоль колонны к командирам дивизионов, чтобы они предприняли все меры для восстановления связи с командиром полка и со мной, а сам решил умыться, но сначала сфотографировался, чтобы осталась память, какой я грязный после марша. Время уже было около одиннадцать часов, здорово жарило, отчего ещё очень хотелось пить. Достал из кормового отсека ПРП канистру с водой, позвонил Ахмерову, чтобы он слил мне воду на руки, но в подставленные ладони из канистры неожиданно для нас обоих вылилась не вода, а машинное масло, которым чуть было не умыл своё лицо. Долго матерился и одновременно смеялся, старательно оттирая руки от масла. Оказывается, мои балбесы всю воду сложили к нам в салон, а на ПРП ничего не оставили, пришлось идти к другим и просить. Быстро перекусили, к этому времени вернулся Кравченко от командиров дивизионов, говорит, что у них всё в порядке, но они тоже не слышат командира полка и меня. Послал его опять к ним с приказом – пусть, если нет связи по стационарным радиостанциям, то разворачивают связь переносными станциями.

Обстановка в колонне была слегка нервная. Если мы до этого совершали марш по относительно спокойным местам, то через несколько километров впереди был населённый пункт Предгорное и перевал, где боевики вполне могли устроить засаду. Три года назад в семи километрах отсюда боевики из засады уничтожили представителя президента Поляченко и тяжело ранили генерал-лейтенанта Мухина. Мои размышления по этому поводу прервала

громкая автоматная очередь, которая раздалась в ста метрах от командира полка в «зелёнке» и туда сразу же ринулись наши особисты Игорь, Вадим и с ними несколько автоматчиков. Через несколько минут вернулись и доложили, что это была случайная очередь наших солдат. Полковник Никитин вызвал к себе капитана Шпанегеля и приказал ему со своим батальоном выдвигаться вперёд, пожелав удачи, так как тут до границы Чечни осталось совсем немного. Первый батальон ушёл, а минут через пятнадцать стали трогаться и мы. Проехали вперёд пару километров, на развилке дорог свернули влево и постепенно начали подыматься к нп. Предгорное. Втянулись в него, пока всё шло нормально и от Шпанегеля только благоприятные известия. Движение колонны замедлилось, начинался серпантин и достаточно крутой. Гусеничная техника преодолевала подъём на перевал нормально, а тяжело нагруженные автомобили подымались с трудом. Сразу же выявились недостатки по технике, некоторые автомобили на перевал не могли вытянуть даже себя, не говоря о грузе. Поэтому прохождение расстояния в пять километров, подъёма на перевал, занял около полутора часов, но всё-таки и его преодолели нормально. Духи дураки; засада в пятнадцать-двадцать хорошо вооружённых человек на этом серпантине наделала бы много беды и сорвало выполнение задачи нашим полком на сутки точно. А может быть и больше....

Поднялись на перевал, и вместо того чтобы сразу же начать спускаться вниз, почему-то свернули направо и по хребту пошли в сторону населённого пункта Малый Малгобек. Я начал недоумевать и ещё раз посмотрел на карту – и ещё раз убедился, что поднявшись на перевал, мы сразу же должны были спускаться с хребта. Я накануне марша обстоятельно изучил по карте маршрут и теперь мог с закрытыми глазами представить весь его до мелочей. Но может, в ходе марша командир принял решение спуститься в другом месте? Например – в Малом Малгобеке.

Связи с дивизионами до сих пор не было и это меня страшно беспокоило. Значит, в подготовке своих подразделений мы все допустили ошибки и я в том числе не смог вбить в головы командирам подразделений, что офицер без связи (тем более командир подразделения) – это преступник. И что артиллерийский, самоходный дивизион без связи – это бесполезная куча тракторов.

Командирская машина и моя несколько оторвались от основной колонны, уйдя вперёд, и мы двигались по самому верху невысокого хребта, с которого хорошо видна внизу обширная, зелёная долина, куда мы должны были спуститься. А там, в самом внизу, ходко шли, подымая небольшие шлейфы пыли, несколько БМП, но где был сам батальон капитана Шпанегеля – было непонятно. В гордом одиночестве проскочили небольшое селение Бековичи, слева, вдоль дороги, уже тянулись крутые склоны хребта и если полку придётся разворачивать на 180 градусов, то это будет весьма затруднительно. Проехали Бековичи и через несколько километров завиднелся Малый Малгобек, здесь тоже дорога спускалась в долину. Но вместо того чтобы свернуть налево, командир полка начал решительно сворачивать вправо, за автомобилями тыла первого батальона, который мы наконец-то догнали. И тут же я заметил и весь первый батальон, который заблудился, что было понятно и теперь, как это было не смешно, пошёл на второй круг, спустившись вниз к месту нашего привала, который мы оставили два часа тому назад, и первые БМП батальона уже выходили на него. Много бы отдал за то, чтобы в этот момент увидеть лицо командира первого батальона – капитана Шпанегеля, когда вместо противника он увидел место привала, в тылу наших войск. Но смех смехом, а нужно было срочно останавливать командира полка, который на своей машине тоже начал спускаться вниз.

– Танкер-65! Я, Лесник 53, остановись! – Командир, который сам лично сидел на связи, озадаченно обернулся. А в подтверждении своих слов, я начал энергично махать рукой, требуя, чтобы он остановился. КШМка командира остановилось, я спрыгнул с ПРП и подбежал к полковнику Никитину.

– Товарищ полковник, мы куда идём? Мы ведь пошли на второй круг и начинаем спускаться к месту привала – вот то место, а вот развилка, где мы свернули на Предгорное. – Я

быстрыми взмахами показал рукой на бывший привал и на развилку, которые с хребта прекрасно наблюдались в четырёх километрах внизу, – Нам же надо было, как поднялись на хребет – так сразу же спускаться, а мы по хребту уже отмотали километров семь.

– Борис Геннадьевич, да не может этого быть.

– Да, товарищ полковник. Вон то Бековичи, которые мы проехали, а это впереди город Малый Малгобек. Вот смотрите по карте, здесь мы должны были сразу спускаться вниз, а мы сейчас находимся вот здесь.

Командир полка стал задумчиво и в некоторой прострации стал разглядывать мою карту: – Товарищ полковник, вон местные стоят у автобусной остановки. Давайте у них спросим, где какой населенный пункт. – Не ожидая согласия командира, я подбежал к недалёкой автобусной остановке, где стояла группа небритых мужчин и с любопытством наблюдала за нами. А в это время стали постепенно подтягиваться остальные машины полка и дорога постепенно забивалась военной техникой.

Ответ мужиков с автобусной остановки только подтвердил мои слова.

– Хорошо, тогда сейчас будем разворачиваться. Кириченко – передавай Шпанагелю, чтобы тоже разворачивался и шёл за нами. А ты, Борис Геннадьевич, садись ко мне, будешь подсказывать куда ехать. – Командир оставил одного офицера разворачивать колонну, и мы помчались обратно. Навстречу лился нескончаемый поток техники нашего полка и все с удивлением смотрели на машину командира полка, и шедшую за ней ПРП – больше за нами никого не было. Остальные машины, следующие за нами, с трудом разворачивались у автобусной остановки. На выезде из Бековичей чуть было не столкнулись с БМП на которой, оседлав ствол пушки, лихо восседал командир первого дивизиона подполковник Семёнов, а сзади пылили самоходки дивизиона. Полковник Никитин злобно что-то пробормотал про себя, как я понял в адрес Семёнова и недовольным взглядом проводил проскочившую мимо нас БМПэшку. Давно замечал, что командир не любит его, но мне сейчас было не до их взаимоотношений. Я пристально вглядывался во множество дорог, спускавшихся после Бековичей с хребта, и пытался разобраться: выведут ли они к перекрёстку дорог, где ориентиром была будка ГАИ. Подъехали к нужному повороту и стали спускаться вниз по грунтовой дороге, тянувшейся по длинному, голому склону. Спуск был достаточно крутой, и механику-водителю КШМки (Командно-штабная машина) приходилось всё время притормаживать. А на одном из спусков за спиной послышались крики солдат сидевших на корме большой и длинной машины. Оглянувшись, увидели, как сзади из-под кормы машины тянулся густой чёрный дым. Как мы поняли из криков, механик-водитель вместо того чтобы только слегка притормаживать, практически спускался на тормозах и почти спалил фрикционные ленты, и теперь командир кричал в люк механику чтобы тот отпустил тормоза и скатывался с горы накатом, лишь притормаживая, тем более что спуск был прямой и долгий. С тревогой посмотрел на своё ПРП, но то шло нормально, как положено, да и сидел там за старшего ПРП мой старший помощник – Чистяков, а он соображал в этом деле и в случае необходимости запросто мог сменить за рычагами механика-водителя.

Я пристально смотрел вдаль и по сторонам, пытаюсь определить – правильно ли веду командира полка, и не сразу почувствовал резкую боль в правой руке. Забывшись, облокотился назад и запястьем руки прислонился к выхлопной трубе, которая была без решётки, и здорово обжёг руку.

Облегчённо вздохнул, лишь когда увидел вдали нефтеперерабатывающий завод, вдоль которого мы должны были выскочить на асфальт. Точно, через пару километров выход на асфальт, заворачиваем направо, через пару километров по моей команде сворачиваем ещё раз направо, проезжаем метров пятьсот и я понимаю, что свернул не туда куда надо. Доложил командиру полка, проехали ещё немного вперёд и в удобном месте развернулись. В этот момент нас догнали остальные машины полка, а то мы до этого момента ехали лишь двумя машинами – КШМка командира и моё ПРП. Показав, что надо разворачиваться мы опять

рванули вперёд и снова выскочили на асфальт. Выставили регулировщика, где положено свернули и через пару километров подъехали к двухэтажной будке ГАИ, которая стояла на круговом перекрёстке. Мы опять оторвались от полка и двигались лишь двумя машинами. На перекрёстке свернули налево и двинулись в сторону населённого пункта Новый Редант. На дороге было достаточно оживлённо, сновали гражданские машины всевозможных марок, но движение было только в одну сторону – из Чечни, и все они под завязку были забиты домашними вещами.

Я обратил внимание командира на этот факт, но тот и сам уже это заметил.

– Бегут, Борис Геннадьевич, бегут. Тут ведь до границы с Чечнёй осталось километров пять-шесть, а там, через пятнадцать километров и Горагорск. Едут оттуда, значит знают что идём, а это хреново, что им известно о нашем движении. Надо ждать сюрпризов. – Никитин даже головой закрутил от досады.

Как в воду смотрел командир полка; через пять минут езды упираемся в очередной перекрёсток дорог, на котором стоял блок-пост ингушской милиции, а дальше, метров 150 – поперёк дороги стояло БМП разведчиков, чуть дальше остальные БМП нашей разведроты. На самом перекрёстке человек сорок ингушских милиционеров, столько же гражданских и вся эта толпа возбуждённо суетится на дорожном полотне, что-то бурно обсуждая. Мы слезли с КШМки, и неспешно подошли к куче народа, откуда вынырнули начальник разведки дивизии майор Артемьев, начальник разведки полка подполковник Шадура и командир разведроты капитан Ефименко и доложили командиру, что впереди в полутора километрах от перекрёстка проходит граница между Ингушетией и Чечнёй. Прямо на границе, друг против друга стоят: на ингушской стороне ещё один блок-пост милиции, а на чеченской стороне находится таможенный пост чеченцев. По словам милиционеров, там подготовленная оборона и чеченцы через некоторое время хотят атаковать их блок-пост с целью его захвата, поэтому здесь такая нервозно-возбуждённая обстановка. Из толпы ингушских ментов вышел полковник милиции, представился командиру и сказал, что он принял решение отвести оттуда своих подчинённых, и как рассказали ему гражданские, там же у чеченцев в скирдах соломы замаскированы ещё три противотанковых орудия.

– Товарищ подполковник, – Никитин повернулся ко мне, – противотанковые орудия, это по вашей части.

По толпе мгновенно разлетелся слух, что я начальник артиллерии и меня тут же обступила толпа гражданских, которые одновременно начали кричать и рассказывать, где и что находится у чеченцев. Я добросовестно пытался систематизировать их сообщения, сыпавшиеся с разных сторон, но каждое из них противоречило предыдущему. Особенно усердствовал представительный ингуш в богатой каракулевой папахе, который всё талдычил и талдычил про противотанковые пушки, дёргая меня за рукав и требуя к себе особого внимания, но его хоть и с трудом сумел от меня отогнать милицейский полковник. Отчаявшись получить вразумительные сведения, я выбрался из толпы и пошёл пить воду на милицейский блок-пост, куда через некоторое время зашёл полковник-милиционер и сказал, что он сейчас едет на тот блок-пост забирать своих людей и имущество. Я попытался у него вытянуть хоть что-то толковое по поводу обороны чеченцев и их количества, но кроме бурных эмоций, беспорядочного размахивания руками и воплей, что боевики вот-вот атакуют их, в ответ не получил ничего. Вышел обратно на перекрёсток, куда до сих пор ни первый батальон, ни одно из подразделений полка не подошли. Никогда не мог подумать, что в результате различных стечений обстоятельств командир полка окажется впереди всех своих боевых подразделений, в составе разведывательного отряда и без всех средств поражения противника. Посовещавшись на месте, решили организовать разведку предполагаемого опорного пункта боевиков и я отпросился у командира тоже сходить вместе с разведчиками и своими глазами посмотреть на скирды соломы, где якобы спрятаны орудия, а также определить цели. Всё равно моя артиллерия пока не подошла. Видно было, что командир с большой неохотой отпускал меня, но всё-таки вынужден был отпустить.

Собрались мы идти впятером – начальник разведки дивизии, начальник разведки полка, разведчик-контрактник, радиотелефонист с радиостанцией и я быстро – в течение нескольких минут. Определились с сигналами и с действиями развед. роты в случае оказания нам помощи, если вдруг попадём в трудную ситуацию. Вскочили на БМП, на котором вдоль дороги проехали метров пятьсот вперёд. Спрыгнули. Рядом с дорогой проходила, неизвестно для чего, недавно вырытая глубокая канава, куда мы спустились и скрытно пошли друг за другом в сторону группы деревьев, где находился ингушский блок-пост, таможенный пост и опорный пункт чеченцев. Стояла сильная жара и, продвигаясь по канаве, я буквально плавал в поту, а из-под каски обильно лился пот, который вынужден был постоянно стирать с лица рукавом, иначе пот заливал и разъедал глаза, мешая наблюдать за окрестностями. Ожог на правой руке, который получил в ходе марша, вздыбился огромным пузырьём с жидкостью внутри, но болел уже меньше. Постепенно мы со связистом отстали метров на сто от разведчиков, но наконец-то канава вывела нас под деревья и вдоль кустов мы скрытно подобрались к блок-посту. А там творилась банальная паника, постепенно превращающаяся в истерию. Человек двадцать ментов бестолково металась по посту, вытаскивая из большой будки имущество и судорожно закидывая его на грузовую машину. Нас заметили, но слава богу, вида не подали, а через минуту за будку зашёл милицейский полковник.

– Ребята, у вас есть ещё десять минут, мы заканчиваем погрузку, и вы вместе с нами уезжаете.

Майор Артемьев выглянул из-за угла будки, не спеша огляделся: – Вы, давайте уезжайте, а мы тут остаёмся вести разведку. Где сейчас духи, товарищ полковник?

– Как остаётесь? – Полковник с изумлением воззрился на нас, – Вы, что не понимаете, что как только мы отъедем от поста, чеченцы займут его. Они же сомнут вас... Их же там, как минимум человек двадцать. Неизвестно сколько ещё в самом опорном пункте.

– Ничего, минут пять мы продержимся, а там развед. рота подскочит, – спокойно ответил Олег, – ты, полковник, делай своё дело, а мы тут будем делать своё. Где всё-таки боевики?

– Ладно, действительно, это ваше дело – оставайтесь. Если у вас мозгов нет, а боевики десять минут назад, неизвестно по какой причине, отошли с таможенного поста. – Полковник развернулся, отошёл к своим ментам, и стал их поторапливать. Олег и Юрка Шадура скользнули через пост к стене, сложенной из мощных фундаментных блоков, откуда стали разглядывать через щели перекрёсток.

Я же увидев, как милиционеры начали цеплять небольшую бочку с водой к УАЗику, подошёл к ним.

– Ребята, дайте-ка пока вы грузитесь, я умоюсь и попью воды, – милиционеры махнули рукой, давай, мол – мойся. Быстро разделся до пояса и начал с удовольствием мыться, смывая с себя пот и грязь. Смело вскрыл ножом пузырь на руке и осторожно обмыл ожог. Полковник, который стоял рядом и смотрел на меня, аж передёрнулся, болезненно скривив лицо: – Ну что, может, всё-таки поедете с нами? – С надеждой спросил он меня, – ведь сомнут они вас...

В ответ лишь махнул рукой – мол, ерунда всё это и продолжал умываться. К полковнику подскочил высокий, решительного вида милиционер в чёрной разгрузке и начал его горячо уговаривать, чтобы он его оставил с нами, но тот в ни какую не соглашался. Милиционер всё напирал на него и напирал, приводя всё новые и новые доводы, и всё-таки сумел убедить своего начальника. Тот безнадежно махнул рукой – если ты такой дурак, то оставайся. А к этому времени погрузка была уже закончена, полковник с остальными ментами вскочили в машины и сразу же на большой скорости рванули с блок-поста. От умывания, почувствовав облегчение и даже какой-то прилив сил, я начал одеваться, поглядывая на рядом стоявшего ингуша, который лихорадочно и суетливо доставал из разгрузки магазина, озабоченно подсчитывая боеприпасы. Одновременно рассказывая мне, что в армии он служил в морской пехоте. А за пять лет прохождения службы здесь, в милиции, духи уже достали не только его, но и всех

остальных. Что два года назад у него чеченцы убили двоюродного брата, и он давно мечтает отомстить им за это. Вот сейчас он во время боя и покажет им, как воюет морская пехота. Но, говоря всё это, лихорадочно при этом вытаскивая из разгрузки магазины с патронами и суя их обратно, он всё чаще и чаще с тоской поглядывал в сторону уехавших машин.

Одевшись, я взял автомат в руку: – Ну что, морпех, пошли на позицию. Надерём задницу духам..., – но ингуш, глядя широко раскрытыми глазами на меня, стал потихоньку пятиться в сторону дороги.

– Ты чего? – С удивлением спросил я.

Милиционер как-то жалко и затравленно огляделся кругом, и с криком: – Ну, вас на хер, дураки.... Подыхайте сами, а я жить еще хочу.... – Развернулся и стремительно побежал по асфальту за ушедшими машинами. Мне только и пришлось рассмеяться – ну надо же, какое малое расстояние от героя до труса, ведь он с нами пробыл всего пять минут. Скрытно подобрался от будки к остальным и через щель между блоками стал разглядывать местность перед нами. В двадцати метрах перед блок-постом стоял таможенный пост чеченцев, над которым вяло колыхался зелёный флаг Чечни. Сам пост – это обыкновенная, зелёная и облупленная будка, обнесённая ржавой колючей проволокой. Внутри поста виднелось пара оборудованных одиночных окопа. Дальше по дороге в пятидесяти метрах – перекрёсток, через который изредка проезжали автомобили с беженцами и сворачивали налево. Слева от перекрёстка поле и три большие, жёлтые скирды с соломой, никаких следов маскировки, солома как солома. От скирд с соломой куда-то вдаль шёл воздушный железобетонный арык – а вот это уже интересней. По опыту первой войны я знал, как правило, вдоль этих арыков, под их прикрытием духи копали окопы и потом было очень трудно их оттуда выковыривать. В течение тридцати минут мы наблюдали за впереди лежащей местностью и ждали атаки, но всё кругом было тихо и не наблюдалось никакого движения. Вскоре к нам пробрался солдат-разведчик и передал приказ командира полка срочно уходить, так как через пятнадцать минут по блок-посту будет нанесен удар авиацией. Скрытно отошли к кустам, в глубине которых стояли «жигули». Машину временно реквизировали менты, чтобы забрать нас, на ней за рулём и приехал солдат. Сами менты зассали ехать обратно к блок-посту. Выехали из кустов и рванули в сторону своих, где на перекрёстке красиво стояли три боевых вертолётки и винты машин неторопливо крутились на холостом режиме, гоня по придорожной траве небольшую волну, а перед ними по асфальту, заложив руки за спину, картинно прохаживался командующий нашей группировки генерал-майор Гончаров. Подъехав, мы выскочили из машины и направились к генералу, понимая, что он ждал именно нас. Приблизившись к командующему, а с другой стороны к генералу подошёл командир полка.

– Рассказывайте, что видели, – приказал Гончаров.

Я представился и доложил: – На чеченском блок-посту никого нет. В трёхстах метрах от него три скирды, где по словам милиционеров замаскированы три орудия. Через поле идёт воздушный железобетонный арык, предположительно там могут быть оборудованы позиции, а так ничего не обнаружили. – Тоже самое доложили и разведчики.

– Ничего, сейчас мы по ним долбанём авиацией, а ты начальник артиллерии давай справа и слева от дороги разворачивай свою артиллерию на прямую наводку и начинай долбить дальнюю зелёнку. После всего этого ты, Никитин, действуй как я приказал. – С этими словами Гончаров развернулся и полез в открытую дверь вертолётки. Как по команде боевые машины, усиленно закрутили винтами, устроив небольшую локальную пыльную бурю, и через минуту стремительно поднялись в воздух.

Пока мы отсутствовали, к перекрёстку подтянулась моя артиллерия и ещё какие-то подразделения виднелись на дороге позади дивизионов, но ни первого и ни третьего батальона всё ещё не было видно. Чистяков из колонны уже выгонял две батареи первого дивизиона на прямую наводку. Первой ко мне подскочила машина командира первого дивизиона Семёнова,

наверху которой рядом с ним сидел полковник Макушенко. Я заскочил на машину: – Константин Иванович, первую батарею разворачивай справа от дороги, вторую слева. Для первой батареи цель – вон та, дальняя зелёнка, начиная от просеки и вправо – осколочным, на осколочное действие обстреливать до моей команды – Стой! Вторая батарея, цель – группа деревьев прямо перед тобой в полутора километрах, там боевики – Огонь! Действуй!

Соскочив с машины командира дивизиона, побежал к ПРП, а в трёхстах метрах сзади на поле выезжала третья миномётная батарея.

– Чистяков, беги к третьей миномётной батарее, разворачивай её и полупрямой наводкой бейте по дороге, что проходит за той группой деревьев, после этого второй дивизион разворачивай на закрытой огневой позиции вон там. Пусть привязываются и готовятся к работе, готовность через двадцать минут. Гутник, – позвал я начальника разведки: – разворачивай приборы наблюдения и давай мне связь с дивизионами.

Отдав распоряжения, я начал ждать открытия огня первым дивизионом. В это время вертолёт с командующим отлетел в сторону и, летая по кругу недалеко от перекрёстка, стал наблюдать за действиями остальных двух вертолётчиков. Те, сделав прикидочный круг, пошли в атаку на перекрёсток, на который в это время с чеченской стороны выехала легковая машина. Впереди идущий вертолёт дал залп НУРСами и перекрёсток прямо вскипел от разрывов, а на месте легкового автомобиля взметнулся огненный шар от прямого попадания. Первый вертолёт отвернул в сторону, а от второго метнулись трассы новых неуправляемых снарядов, но теперь запыхали скирды с соломой. Винтокрылые машины через полторы минуты делают второй заход и опять всё вскипает на перекрёстке. Обдав меня пылью и гарью выхлопных газов перед моим ПРП с ходу развернулась первая батарея. Капитан Лисин, наполовину высунувшись из люка своей КШМки, по радиостанции даёт указания, энергично взмахивая рукой и указывая направление. Слева тоже лихо развернулась вторая батарея первого дивизиона.

– Ну, сейчас долбанут, – в азарте повернулся к Гутнику.

Проходит ещё пару минут и к моему огромному разочарованию открытия огня батареями нет и связи с командиром дивизиона тоже нет. Кипя от злости, подскочил к машине Лисина: – Почему огонь не открываете?

Ответ командира батареи поверг меня в шок: – «Привязываемся», товарищ подполковник. Ещё координаты не определил. . . .

Несколько секунд я стоял молча, осмысливая услышанное, а потом возмущённо взревел, обретя дар речи: – Лисин, ты что рехнулся? Какая «привязка» на прямой наводке? Твоя цель дальняя зелёнка, ставь задачу командирам взводов и начинай обрабатывать зелёнку.

Не дожидаясь открытия огня, развернулся и через скошенное поле ринулся к машине командира дивизиона. Вторая батарея тоже молчала.

– Ну, Семёнов. . . . Ну, академик. . . ., – бежал по скошенной стерне и кипел от гнева. Константин Иванович закончил академию, чем очень гордился перед всеми, гонору выше крыши, считает себя великим полководцем и так обосраться на простой прямой наводке, да еще в боевой обстановке – всё это переполняло меня возмущением и гневом. Огромными скачками приблизился к машине командира дивизиона, одним мощным прыжком вскочил на неё, а увидев моё, искажённое от злости лицо, Макушенко и Семёнов невольно отшатнулись от меня.

– Семёнов, – заорал я, – ты что творишь? Какая «привязка» на прямой наводке? Я тебе цели указал, а ты уже десять минут не можешь открыть огонь. . . . Вон уже третья миномётная открыла огонь. Немедленно открыть огонь, товарищ подполковник.

Не дожидаясь ответа и оправданий, спрыгнул с КШМки и скорым шагом отправился к ПРП, где мои разведчики уже развернули приборы. Горло саднило от неистового ора, от которого чуть было не сорвал голос. Третья миномётная батарея азартно вела беглый огонь и мины ложились хорошо и кучно по дороге и по зелёнке вдоль дороги, вздымая серые от придорожной пыли шары разрывов. На поле ярко горели скирды соломы, а над перекрёстком подымался

чёрный дым от горевшей будки чеченцев. Вдали показались танки с десантом на борту, и пока подходил к ПРП, они выскочили впереди первой батареи, поворачивая из стороны в стороны стволы пушек, хищно выискивая цели. Послышался первый выстрел, другой – вторая и третья батареи наконец-то открыли огонь.

А первой батарее уже нельзя было стрелять, иначе можно случайно поразить наш танк, или покалечить кого-нибудь из десанта.

– Лисин, не стреляй, я послал своих разведчиков к танкам, сейчас они отойдут, тогда и открывай огонь.

Танки начали пятиться и стали вровень с самоходками, теперь открыла огонь и первая батарея, но огонь трёх моих батарей, к великому сожалению, вёлся вяло и неэффективно. Не было распределения целей между взводами, все били в одну кучу. Командиры батарей и взводов долго и бестолково ставили задачи по поражению целей. Танки же наоборот, активно и сразу открыли огонь. Они действовали по принципу, увидел цель – уничтожил её, предполагаешь, что там противник – пару снарядов туда. Короче молодцы. Наконец-то общими усилиями перекрёсток и всё кругом его было разбито вертолётами, артиллерией и танками вдребезги. Появилось несколько БМП первого батальона, которые сгоряча выскочили вперёд на двести метров, спешив десант. Над ними низко пролетали снаряды и пехота вынуждена была залечь, хотя и пыталась стрелять из пулемётов по перекрёстку, но было далеко и они перестали. Лежали и не пытались вернуться обратно, так как боялись попасть под свои снаряды.

Постепенно вечерело и я с разрешения командира полка начал прекращать ведения огня, что явилось не совсем простым делом. Если первый дивизион прекратил огонь сразу и стал становиться на закрытую огневую позицию рядом со вторым дивизионом, то третья миномётная батарея продолжала стрелять, вбухивая одну мину за другой в перекрёсток, который и так ярко пылал, густо выбрасывая в небо чёрный дым. Только после личного моего вмешательства миномётчики прекратили огонь. Я вернулся на огневую позицию первого дивизиона, где определил порядок ночного освещения впереди лежащей местности, мероприятия по самообороне огневых позиций, решил и другие вопросы, в том числе и по восстановлению связи. Резко высказал ряд нелицеприятных слов в адрес командования дивизиона, после чего направился во второй дивизион. Семёнов, на удивление молча и спокойно выслушал все замечания и когда я пошёл с огневых позиций догнал меня.

– Товарищ подполковник, разрешите доложить. – Такое смиренно-покаянное обращение одновременно удивило и насторожило.

– Что случилось Константин Иванович?

– Товарищ подполковник, вы ещё не знаете, но командиру полка я уже доложил. У меня потери – погибли два солдата, и машина начальника штаба не подлежит восстановлению.

– Не понял, товарищ подполковник, – ещё больше удивился я. – Давайте, докладывайте.

– Во время совершения марша, при пересечении моста через канал, у населённого пункта Советское, механик-водитель КШМ начальника штаба не справился с управлением машины и она свалилась в канал. Командир отделения младший сержант Касаткин при падении, ударившись головой о броню, погиб мгновенно. Все остальные упали в воду и выплыли, в том числе и механик-водитель. Машина упала кверху гусеницами, а внутри остался радиотелефонист рядовой Логинов. Там образовалась воздушная подушка, куда и попал Логинов. Сразу же стали предпринимать все меры, чтобы вытащить машину из воды, ныряли к ней, цепляли троса и слышали, как изнутри стучал Логинов, но на берегу и в колонне не было достаточно мощных тягачей, чтобы мигом вытащить КШМ из воды. Пытались цеплять цугом сразу несколько самоходов, но терпели неудачу за неудачей. Через час с замыканием колонны прибыл мощный тягач, который и вытащил машину, но было поздно. Логинов уже задохнулся. Он там сумел раздеться догола и вытащили его из машины в одних трусах. Сами понимаете, машина, тем

более КШМ, после воды к дальнейшему использованию не подлежит. Вот так, товарищ подполковник.

Мы молчали. Говорить или обсуждать, искать виновного не имело смысла. Это боком выходил дефицит боевой подготовки, в том числе и по вождению.

– Ладно, Константин Иванович, иди занимайся дивизионом, а я пошёл к Чикину.

На огневой позиции второго дивизиона подразделения готовились к ночной работе. Подошёл командир дивизиона, доложил о проделанной работе, и мы пошли по позициям батарей. Довёл до Чикина ошибки, допущенные первым дивизионом при ведении огня прямой наводкой, попросил их учесть и довести до командиров подразделений. Конечно, рассказал и о случившемся в первом дивизионе, на что Чикин промычал что-то невразумительное.

– Товарищ подполковник, вы наверно ещё не в курсе и по моему дивизиону? – Через минуту молчания тихо спросил Чикин.

– Ну, Александр Владимирович – рассказывайте, о чём я и тут не в курсе. – Сердце ёкнуло в предчувствие и здесь что-то произошло.

– Я, товарищ подполковник, назначил командира второго взвода лейтенанта Умярова старшим машины с боеприпасами. Когда начался марш, Умяров из любопытства начал разбирать гранатомёт «Муха», произошёл незапланированный выстрел из гранатомёта прямо в кабине. Умярову оторвало левую ногу, а водителя, рядового Тимофеева тяжело ранило. Их сразу же эвакуировали в Прохладненский госпиталь, но автомобиль Урал, конечно, восстановлению не подлежит. Самое печальное, всё это произошло прямо в городе. И счастье, что боеприпасы в кузове автомобиля не сдетонировали и не взорвались, то-то дел бы натворили...

– Мда..., товарищ Чикин – обрадовали. Когда марш начался, я ещё тогда подумал, что к концу марша полк, с такой подготовкой, обязательно понесёт потери, но даже и подумать не мог, что эти потери принесём мы – артиллеристы. Ладно... Что случилось – уже не исправить. Занимайтесь здесь, а я пошёл....

Стремительно темнело, кругом царил хаос. БМП первого батальона, который наконец-то появился весь, хаотически носились как сумасшедшие в разных направлениях и я боялся, как бы счёт наших потерь из-за этого не увеличился. Да и самому не хотелось попасть под гусеницы. Из-за машин роты связи, которые стояли колонной вдоль дороги, вывернулся командир противотанковой батареи капитан Плеханов и с горестным воплем ринулся ко мне: – Товарищ подполковник...., товарищ подполковник...., разрешите доложить. Я не виноват.... Это всё из-за БМП первого батальона. Носятся, как угорелые, ни на что не обращая внимание. Я собрал свою батарею и вёл её вдоль колонны, а тут навстречу БМП первого батальона – прёт прямо в лоб.... Чтобы не столкнуться с ней пришлось принять вправо, а в это время из-за машин выскочил прапорщик роты связи и я его растёр между бортами, правда, не насмерть, но необходима госпитализация. Медики подозревают, что раздавлена грудная клетка.

Мне только сокрушённо пришлось покрутить головой: – Езжай Плеханов, занимайся батареей. Я видел, как носились БМП первого батальона. Всё понимаю, но не переживай, вины тут твоей нет.

Через 10 минут нашёл командира полка, доложил о мероприятиях по артиллерии и о происшедшем в ПТБ.

– Да я уже об этом знаю, Борис Геннадьевич. Но меня сейчас другое беспокоит. Гончаров приказал сразу же после прямой наводки атаковать опорный пункт боевиков и выходить в район сосредоточения – под Горагорский, а я не стал этого делать. Решил собрать после марша весь полк на этом поле и атаковать завтра, с утра. Как ты на это смотришь?

Командир полка с самого начала, как в пункте постоянной дислокации, так и уже здесь, относился ко мне настороженно и сейчас впервые обратился ко мне за советом, да и наверное за моральной поддержкой, поэтому я решительно произнёс: – Товарищ полковник, ну атаковали бы мы опорный пункт сейчас, а времени до полной темноты остался лишь один час. За этот

час, в лучшем случае, вышли бы первым батальоном в район и всё – уже стемнело. А темноте такой бедлам бы начался, что половина полка точно в Горагорск, на радость боевиков, уехала, да и в темноте постреляли бы своих же. Так что вы, как думаю, правильное решение приняли.

...Наступила ночь, было так темно, что не было ничего видно даже вблизи. Периодически взлетали осветительные ракеты, на тридцать секунд раздвигали темноту, гасли и становилось ещё темнее.

Я добрался до своей машины и сел на табуретку рядом с ней. Начал размышлять все ли указания отдал артиллерии, всё ли предусмотрел. С позиций второго дивизиона донёсся выстрел из самоходки, а через несколько секунд в небе, над перекрёстком, повис осветительный снаряд, освещая всё кругом жёлтым светом. Раздался выстрел из миномёта, и осветительная мина повисла прямо над нами и залила светом теперь уже всё расположение полка. Я схватил радиостанцию и передал на огневую позицию миномётки корректуру для дальнейшей стрельбы. Следующая мина осветила дальнюю зелёнку, что и требовалось. Раздался залп дежурной батареи первого дивизиона, которая вела беспокоящий огонь по опорному пункту и дороге на Горагорск.

– Шумит, гремит родной завод..., – удовлетворённо и с усмешкой продекламировал вслух работу своих подчинённых.

Понаблюдав ещё минут двадцать за работой артиллерийских подразделений, и удостоверившись, что не забыл отдать никаких указаний, полез в салон. После напряжённого дня на меня навалилась такая усталость и сонливость, что как только добрался до своей койки, так сразу же провалился в глубокий сон.

Ночь прошла спокойно, за исключением уничтоженной легковой машины с беженцами. Пехота в ночь заняла оборону на том рубеже, откуда мы вели огонь прямой наводкой и ночью автомобиль с беженцами почему-то ехал не по асфальту, а рядом с дорогой по полю. Ну и пехота подумала, что подбирается на машине разведка духов, подпустила машину на расстояние 100-150 метров и расстреляла её с пулемётов и гранатомётов – все в машине погибли. Проснулся в семь часов утра бодрым, выбрался из кунга на улицу, где всюду светило солнце, обещающая жаркий день, как и накануне. Умылся и пошёл искать командира полка.

Полковник Никитин сразу же сделал замечание: – Борис Геннадьевич, я в 23:00 собирал совещание, все были кроме вас. Чтобы впредь такого не повторялось. А сейчас начинайте готовить артиллерию – в тринадцать часов начало атаки.

Недалеко от дороги, взметнув к небу серые космы пыли, приземлился вертолёт и забрал прапорщика, которого придавили противотанкисты. Врачи говорят, что он очень плох.

В 11.00 третий батальон по указанию командира полка ушёл влево – к горам; он будет наступать по Терскому хребту. Пытаясь, если получится, зайти в тыл боевикам и окружить их. В это время первый батальон после короткой арт. подготовки пойдёт в атаку на опорный пункт чеченцев

В 12:30 всё было готово к бою. Моё ПРП находилось рядом с КШМкой командира, но несмотря на то что дивизионы располагались недалеко, связь всё также была очень плохая: я так и не смог разобраться, в чём дело. Цель для артиллерии только одна – опорный пункт боевиков на перекрёстке. Дивизионы находятся сзади нас в пятистах метрах и из-за этого траектория снарядов проходит прямо над нами и опасно низко, что меня беспокоит больше чем плохая связь. Если по-честному: то я пока не доверяю ни дивизионам, ни их командирам.

В 13.00 залп и снаряды с шелестом низко проходят над нами, но к моему удивлению разрывов на перекрёстке не наблюдаю. Перематерился и уменьшил дальность на 400 метров, опять не вижу разрывов снарядов. Ну, блин – вообще непонятно, что происходит. Ещё уменьшаю на 400 метров дальность и наконец-то замечаю чёрные разрывы снарядов в пяти километрах от нас, и в четырёх от цели – это дальняя зелёнка. Что тут было говорить, обматерил их, а в это время Никитин дал команду первому батальону – «Вперёд!»

И пехота на БМП ринулась в атаку. Отпустив её вперёд себя, метров на четыреста, двинулись и мы. Тут же пропала связь с дивизионами и, переключившись на канал командира полка, решил – если что буду по его каналу командовать артиллерией. Проехали мимо, подбитой ночью легковушки, которая продолжала слегка дымиться и где виднелись в неестественных позах трупы погибших. Миновали разбитый ингушский блок-пост и чеченскую таможенную, где всё кругом было размолочено вдребезги бомбардировкой с воздуха, огнём артиллерии и танков. Немного приняв влево, объехали сгоревшие скирды, где по сообщениям прятались боевиками противотанковые пушки, но на пепелище не было ничего видно даже похожего на орудие. С треском сломали танком воздушный бетонный арык, перевалили его, увидев, что за арыком нет окопов и никаких следов опорного пункта. Ну и, слава богу, а то была бы здесь и сейчас славная мясорубка, когда пехота пошла вперёд. Продолжая двигаться на высокой скорости за первым батальоном, мы неслись, не встречая противодействия, к дальней зеленке. На такой же высокой скорости по Терскому хребту мчался третий батальон, подымая в воздух огромное облако пыли и издав далеко действительно казалось, что над чередой высоких горок летело большое, грязновато-жёлтое облако. Несколько раз мы влетали в какие-то рвы, траншеи и ямы, кидало так сильно, что мы еле удерживались на броне. Через пятнадцать минут такой сумасшедшей гонки за танками и БМП влетели, ломая с громким хрустом небольшие деревья, в зеленку, которая была шириной километра полтора, но пройти сквозь неё и выйти в район сосредоточения не удалось. Деревья так плотно стояли, что даже на технике, по следам танка мы пробивались с большим трудом, поэтому вынуждены были свернуть вправо и вскоре выскочили на асфальтную дорогу. По ней помчались дальше за танками и БМП, напряжённо вглядываясь в зеленку вправо и влево, которая вплотную подступала к дороге. Заросли внезапно кончились, и мы выскочили на обширное, открытое пространство. В полутора километрах впереди на дороге занимал оборону взвод первого батальона, ещё дальше метров восьмисот у одноэтажных строений (на карте обозначено МТФ) поспешно разворачивались легковые машины и устремлялись обратно к Горагорску. Одна из них уже горела, подбитая из БМП. Остальная часть первого батальона ушла влево, занимая оборону по вершинам холмов, а на самом горизонте, слегка затуманенный дымкой, краснел кирпичными пятиэтажными зданиями Горагорск. Мы тоже свернули на поле и по свежей пахоте проехали метров двести. Машина командира полка остановилась, а мой механик-водитель Абакумов, решив объехать её, резко крутанулся на месте и у нашего ПРП слетела гусеница.

– Абакумов, ты дурак, – Чистяков и я слезли с машины и прошли к корме, разглядывая перекошенную гусеницу, – нельзя же на такой рыхлой земле так резко поворачивать, вот сейчас при резком повороте земля забила между гусеницей и катком, в результате чего и скинуло её...

– Алексей Юльевич, ты давай занимайся тут, а я к командиру пойду.

Командир полка сидел на вершине КШМки, разглядывая карту и сверяя её с местностью. Забравшись к нему на машину, я тоже стал осматриваться. Небольшая долина, полтора на полтора километра. Прямо перед нами, где первый батальон занял оборону у дороги, влево шла гряда невысоких холмов, по вершинам которых и занимали оборону мотострелковые подразделения. Третий батальон заходил по Терскому хребту и занимал оборону слева от первого батальона, тоже по вершинам холмов, но там они были гораздо выше.

– Борис Геннадьевич, командный пункт полка будет размещаться, вон там в долине, – командир рукой показал место и тут же показал его на своей карте, – А ты где расположишь свою артиллерию?

Я уже успел сличить местность с картой и уверенно стал докладывать: – Дивизионы, товарищ полковник, расположу на поле, ниже вершины, чтобы она была между позициями дивизионов и зеленкой. Между зеленкой и дивизионами по вершине растяну противотанковую

батарею и мотострелковый взвод, приданный дивизионам для охраны, для того чтобы дивизионы прикрыть с той стороны.

Всё это показал командиру на карте и рукой на местности, а после короткого раздумья командир утвердил мой решение.

Из зеленки, на дороге показались машины остальных подразделений и начали сворачивать на поле в нашу сторону, с ними появился и зам. командующего округа генерал-лейтенант Сидякин, который внимательно выслушал решение командира полка по размещению подразделений в районе и утвердил его. Никитин с Сидякиным уехал вперёд, а я остался на поле у ПРП и как только подтянулись артиллерийские дивизионы, ПТБ то их командирам указал районы развёртывания и приказал подразделения подготовить к ведению огня, после чего они убыли в район огневых позиций.

Вскоре подъехал мой салон, из которого выскочили возбуждённые Кравченко и лейтенант Коротких. Перебивая друг друга, рассказали, что недалеко отсюда они наткнулись на разбитый снарядами чеченский дом, а рядом с ним стоит прицеп загруженным имуществом. Предложили его утянуть – пора было обрастать имуществом, да и продуктами не мешало разжиться. После некоторого колебания; всё-таки это подпадает под мародёрство, а с другой стороны нам нужны тазики, для того чтобы постираться и помыться, нужна посуда для приготовления пищи, нужны продукты, чтобы несколько разнообразить пищу как свою, так и своих бойцов. Да и быт свой нужно было понемножку обустраивать. Но больше всего нужен прицеп для перевозки нашего имущества и имущества взвода управления начальника артиллерии.

– Гутник, – отдал распоряжение своему начальнику разведки после некоторого раздумья, – садись в машину и езжай туда. Ты в первую войну имел дело с трофеями, смотри только, чтобы никто ничего не видел. Пока мы первые в полку трофеи берём, так что могут вначале и неправильно понять.

Отправив их, вплотную занялись натягиванием гусеницы, но сколько бы мы не суетились, у нас долго ничего не получалось. Лишь после совета, который дал техник роты связи, мы быстро устранили неисправность и вдоль стоящей колонны начали двигаться в район расположения. Но пока нет нашей машины, решил проехать на огневые позиции дивизионов. Проехал по дамбе, потом по крутому склону спустился в арык и по такому же крутому выезду выскочил на поле. По длинному и пологому склону выехал в район огневых позиций батарей. Здесь шла работа, обычная при занятии огневых позиций. Каждый был занят своим делом и, убедившись, что здесь всё нормально, я поехал обратно. Выскочил к арыку, но переезд через арык уже был забит машинами и я решил проехать по дамбе вдоль арыка, чтобы найти другое место выезда на КП полка, но проехав метров девятьсот и, поняв, что через пятьсот метров мы выедем на передок, решил развернуться и переправиться через арык в прежнем месте. Разворачивая ПРП, положил на броню бинокль, а забрать забыл. Конечно, при движении бинокль был потерян, чем был очень раздосадован – он был у меня ещё с первой войны.

Через некоторое время подъехала наша машина, которая за собой тащила трофейный прицеп. Имуществом также был забит под завязку и салон. Опять, как и в прошлую ночь, быстро стемнело, и под покровом темноты мы начали разгружать прицеп с салоном. Из темноты на свет фонаря к нам вышли майоры Пузренко и Гандау. Оказывается, когда наши грузили и цепляли прицеп туда же приехали и они, и из этого дома загрузили к нам в салон несколько мешков муки, телевизор и некоторые вещи. Начали просить, чтобы на моей машине отвезти эти вещи к ним в палатку за двести метров, а я упёрся, не желая гонять машину. После недолгой перепалки всё-таки уступил. И уже в полной темноте полностью разгрузились и удивились. Добыча оказалась весомой: много варенья – его почти всё отдали солдатам. А это было абрикосовое варенье, потом ещё несколько видов, для нас северных людей, экзотических варений. Себе оставил трёхлитровую банку какого-то совсем необычного варенья со странным вкусом – до жути понравилось. Были ещё продукты, постельное бельё, посуда. Бойцы очень

обрадовались мясорубке и паре мешков муки. Все остальные домашние вещи приказал отнести подальше в жидкие посадки кукурузы и выбросить, чтобы никто не видел. Самое главное прицеп: теперь мы на нём построим будку для проживания солдат, и вообще станем мобильными. Только разобрались и порадовались трофеям, как внезапно вспыхнула беспорядочная стрельба в первом батальоне. Мы бросили все дела и стали смотреть на передний край батальона, который проходил в четырёхстах метрах от КП полка. Через пару минут начала работать первая миномётная батарея: ну а это уже серьёзно и надо было идти на ЦБУ (Центр Боевого Управления). Навстречу мне попался солдат, которого послал за мной командир полка. Его я нашёл у КШМки, где у задней двери Никитин по радиостанции принимал доклад от капитана Шпанегеля.

– Борис Геннадьевич, Шпанегеля атакуют духи. Просит огня полковой артиллерии.

– Понял, товарищ полковник, пусть даёт координаты целей, и мы долбанём туда, а пока пусть более активно использует свою батальонную артиллерию.

Пока суть да дело, мне принесли мою карту и радиостанцию, настроенную на дивизионы. Связался с командиром первого дивизиона: – «Полтава, Я Лесник 53». «Зоопарк» на карту нанесён? (такая кодировка была только у Уральских полков, как в первую войну, так и сейчас).

Семёнов чётко доложил, что кодировка есть и он готов к ведению огня. А к этому времени Шпанегель доложил координаты целей, которыми оказались группа строений МТФ перед батальоном, в восьмистах метрах впереди, откуда вёлся по батальону сильный огонь. Передал по «Зоопарку» координаты цели в первый дивизион и через три минуты услышал доклад командира дивизиона, что он готов к открытию огня. Команду, на открытие огня, должен был дать командир батальона, но мы её не дождались – пехота справилась сама. Стрельба постепенно затихла, установилась тишина и я пошёл спать, так как в час ночи заступал на дежурство на ЦБУ.

Ночь прошла спокойно. В палатке под ЦБУ света ещё не было, да и мебель не занесли, поэтому радиостанцию поставил на улицу и службу до пяти утра тоже нёс на улице. Было сыро, туманно и неудобно.

Утром, когда рассвело, вернулся к кунгу и был неприятно удивлён тем, что увидел недалеко на поле раскиданные домашние вещи с прицепа, которые мы думали, что спрятали надёжно в кукурузе, но они были равномерно разбросаны вокруг нашей стоянки. Пришлось срочно поднимать бойцов и всё это барахло тащить дальше и закапывать в землю, чтобы никто их не увидел. Но чуть позже в ту сторону, где были закопаны вещи, завернувшись в бушлат прошёл в туалет замполит полка подполковник Быстров, а возвращаясь обратно, ехидно спросил меня: – Что это у тебя, Борис Геннадьевич, рядом самолёт с домашними вещами разбился? – Ну что ж, оба понимающе посмеялись и пришлось тазик из трофеев ему дать постираться.

До обеда ходил в первую миномётную батарею и остался доволен тем, как они расположились. Командир батареи показал, куда они стреляли ночью. Проверил ещё несколько вопросов и вернулся к себе, где мои офицеры, низко склонившись над столом, работали с моей картой. Не успел включиться в работу над документами, как меня срочно вызвал к себе командир полка: в районе высоты, отм. 522,1 отмечено движение боевиков. Это был район ответственности третьего батальона, поэтому цель, под номером 12, дал второму дивизиону, а через несколько минут поступил доклад с огневой позиции – Готово.

Наконец-то разобрались, почему такая плохая связь с дивизионами. Пришедшие связисты с роты связи обнаружили, что у меня на радиостанции был большой разнос частот. Заменяли радиостанцию и сразу же появилась отличная связь со всеми артиллерийскими подразделениями.

После обеда, неспешным шагом направился в дивизионы, чтобы посмотреть, как они развернулись и расположились, а после дивизионов решил проверить противотанковую батарею. На огневой позиции второго дивизиона, сразу же бросилось в глаза, что стволы орудий

явно смотрят в другую сторону от последней цели № 12. Встретил меня и доложил о ходе работ начальник штаба дивизиона майор Пиратов. Командир дивизиона в это время находился на огневой позиции первого дивизиона.

– Анатолий Ильич, почему дивизион не наведён в цель № 12?

– Товарищ подполковник, цель № 12 и мы готовы к открытию огня. – Начальника штаба в недоумении развёл руками.

Я заскрипел зубами от досады: – Карту мне, майор. В отличие от тебя, я посмотрел на карте, где расположена цель № 12, а потом определил её на местности. И начальник штаба так должен работать, а не просто по голым координатам наводить батареи. Дальше, товарищ майор, как только батареи доложили о готовности к ведению огня, вы должны были провести три вида контроля. Первый: математический, а второй, чисто визуальный. Да..., просто выйти и посмотреть, куда и в какую сторону «смотрят» орудия. О третьем контроле вы доложите мне отдельно вечером. Вот так, вы, должны работать до тех пор, пока не будете уверены в своих артиллеристов. – Всё это я с раздражением высказал Пиратову, пока несли карту.

Принесли карту и я предложил: – А теперь покажи цель на карте. Потом покажи её мне на местности. А потом укажите, куда сейчас реально наведены орудия.

Минуты три офицер пыхтел и, почёсывая затылок, быстрым взглядом смотрел то в карту, то на местность, потом показал рукой: – Сейчас орудия наведены вон на ту сопку.

– Товарищ майор, да на этой сопке расположилось командный пункт третьего батальона и третья миномётная батарея. Вы по своим навели, товарищ майор. Ты это соображаешь? Немедленно устранить ошибку. А ошибка у вас произошла из-за того, что кодировка сдвинута на один квадрат. И это тоже исправить и доложить.

После того, как дивизион правильно навёл орудия на цель и была исправлена кодировка, я развернулся и ушёл в первый дивизион. Здесь только что закончился обед и, вытирая на ходу масляные губы, ко мне подошёл командир первого дивизиона и доложил о проделанной работе. Видно было, что работа шла успешно, сделано достаточно много. Семёнов предложил мне тоже пообедать, но я отказался. Из палатки вышел командир второго дивизиона, которого взмахом руки тоже позвал к себе. Глаза у обоих подозрительно поблёскивали и они старались не дышать в мою сторону. Как минимум, бутылочку за обедом они уговорили.

– Семёнов, в какую цель у тебя наведён дивизион?

– В цель № 11. В ту, которую вы дали вчера вечером, когда первый батальон с боевиками бился. – Я только вздохнул, ругаться уже не было желания и сил: – Карту свою принесите, товарищ подполковник.

Я молчал, молчали и офицеры. Развернули, принесённую карту. Как и предполагал, на карте был нанесён только маршрут марша от Прохладного до района сосредоточения.

– Константин Иванович, это что – карта командира дивизиона, закончившего академию? Мне,

что ли вас учить? Вот, посмотрите на мою карту и сравните со своей, – я развернул карту, испещрённую условными обозначениями и знаками, а потом стал выговаривать насупившемуся офицеру, – где, Константин Иванович, на карте огневые позиции батарей? Где передний край наших войск? Где наблюдательные пункты батарей в ротах первого батальона? Где ваш наблюдательный пункт? Вы что на Чебаркульский полигон приехали? Где кодировка «Зоопарк»? Вы же вчера мне чётко доложили, что по ней в цель навели. Вы что творите, товарищи командиры дивизионов? Воспринимайте, как хотите мои слова, но если сейчас открыть огонь по вашим данным, то завтра вы все будете сидеть в следственном изоляторе города Моздок и давать объяснения прокурору. И ты, и ты, – я ткнул в обоих пальцем, – у тебя, Владимир Александрович, дивизион наведён по командному пункту третьего батальона, а не в цель номер 12. Правда, благодаря моему вмешательству всё исправлено, а так бы и ваши начальники штабов, тоже бы сели вместе с вами.

Семёнов нахмурил свои густые брови и с надрывом закричал: – В чём вы нас обвиняете? Кодировки ни у кого не было, и никто до нас её не доводил. Причём тут я? Да, я и сейчас вам докладываю, что дивизион наведён в ту цель, какую вы давали, а НП сейчас развернём в батальоне.

– Товарищ подполковник, вы хотя бы интересовались у своего соседа как он рулит у себя в дивизионе, – я немного помолчал, усиливая паузой эффект от слов, – во втором дивизионе, хоть неправильно, но кодировка была нанесена ещё два дня тому назад. И надо ходить и больше интересоваться чем полк живёт, или хотя бы начальника штаба посылать на совещание. Вы вчера в присутствии свидетелей, по радиостанции обманули не только меня, но и командира полка, доложив, что готовы к открытию огня. Хорошо, что его не пришлось открывать. Короче, вечером на совещании доложите, что недостатки устранены и куда наведён в данный момент дивизион. Вас, товарищ Чикин, это тоже касается и идите к себе на дивизион и работайте там, вместо того чтобы водочку спокойно попивать. Рано ещё расслабляться.

Не желая слушать больше оправданий от них, развернулся и пошел на позиции противотанковой батареи. Перед обедом приходил командир ПТБ и «плакался» мне, что его машины стоят в двухстах метрах от зелёнки и их запросто можно расстрелять из гранатомётов. Но то что я увидел наяву, повергло меня в шок. Действительно, батарея как на параде стояла открыто в 200 метрах от зелёнки и никто даже не пытался окапывать противотанковые установки, но зато все они были старательно обложены в качестве маскировки до самого верха соломой. Солдаты батареи занимались чем хотели. Хотя рядом с ними мотострелковый взвод, приданный для охраны позиций артиллерии, старательно копал окопы в полный профиль, и работы у них двигались к завершению.

С руганью я ринулся к противотанковым установкам первого взвода. Кроме матов у меня слов уже никаких не было: – Ёб..., ёб твою м...! Кто вам поставил такую еба... ю задачу? Кто такой умный?

– Командир взвода, а ему, наверно, командир батареи, – озадаченно ответил солдат.

– Солдат, ну подумай своей бестолковой головой, ведь первая же трассирующая пуля и машина твоя сгорит. – Солдат стоял и молчал. Да, что с него спрашивать, надо драть офицеров, – где командир взвода? – Солдат подавленно мотнул головой в сторону двух КАМАЗов, тоже стоявших открыто.

В тени автомобилей, удобно расположившись на матрасах, сидели взводники и занимались банальной «болтологией». Резкой, как удар хлыста, командой поднял их на ноги и высказал всё, что о них думал и о их командире батарее. Хотя, конечно, с моей стороны это было неправильно, ругать в их присутствие комбата, но я уже не мог сдерживаться. Да его, кстати, и не было, он утащил одну из противотанковых установок на ремонт в ремонтную роту. Резко высказал всё, что думал командиру первого взвода ст. л-ту Богданову о его бестолково-преступном решении обложить установки соломой. Наконец выдохся и замолчал.

– Вы же сами, товарищ подполковник, командиру батареи приказали стать на это место, а сейчас нас ругаете. – Обиженно заявил командир второго взвода ст. л-т Мошкин, остальные с оскорблённым видом молчали.

Устало вздохнув, я начал им объяснять «АЗЫ»: – Во-первых: я указал вашему командиру батареи не это конкретное место, а район развёртывания батареи. Есть ведь элементарная разница, товарищи офицеры, между понятием конкретного места и района развёртывания батареи? Идём дальше. Во-вторых: прибыв на место, командир батареи, определившись на местности, в конкретном случае, не становится здесь на целые сутки мишенью для боевиков, а оттягивается от этого места за гребень холма, ещё на двести метров. Вы же видите, что до огневых позиций дивизионов, в этом случае ещё будет двести пятьдесят метров. В-третьих: отдаёт приказ на инженерное оборудование огневых позиций, и закопаться так чтобы в сторону зелёнки смотрели лишь визирь, пусковые установки и пулемётные башни БРДМ-2. Понятно

вам, товарищи офицеры? – Командиры взводов одновременно мотнули головой. – Так чего вы это не делаете, если понятно? Вы поглядите на пехоту, они же закапываются. И ими же командует такой же офицер, как и вы. Так что, как говорил один «известный» коммунист – За работу товарищи. – Я засмеялся – Слушайте, пионеры, что вам говорит ваш начальник артиллерии, который отмотал первую войну командиром противотанковой батареи. Запомните раз и навсегда, что вы в ответе за жизнь каждого своего солдата не только перед государством и его семьёй, но прежде всего перед самим собой. А от каждого вашего решения зависит жизнь этого солдата. Командиру батареи передайте, что я недоволен его действиями и сейчас же, просто немедленно организовать работы по перемещению батареи и инженерному оборудованию.

Возбуждённый, но довольный тем что вовремя смог вмешаться и исправить допущенные подчинёнными ошибки, я пришёл к себе, где меня уже ждал майор Громов, офицер штаба артиллерии дивизии, которому с возмущением и юмором рассказал о всех безобразиях на огневых позициях артиллерии. Андрей выслушал меня, помолчал и сделал неожиданное встречное предложение: – Борис Геннадьевич, я хочу предложить свою кандидатуру на должность командира полковой артиллерийской группы. Тогда командиры артиллерийских дивизионов будут полностью заняты своими дивизионами, а в качестве средств связи и транспорта буду использовать ПРП второго дивизиона с его экипажем и начальником разведки лейтенантом Зубко. Как вам это? Если согласны, то я вас прошу, чтобы это предложение, якобы исходило не от меня, а от вас лично. А то полковник Алабин обидится, если поймёт, что я сам предложил себя. Мне ведь надо обратно в дивизию возвращаться, а хочется повоевать и набрать боевого опыта.

Что ж, предложение Громова несло известную долю здравого смысла. Согласно боевого устава, полковую артиллерийскую группу возглавляет один из командиров дивизионов, а начальник артиллерии командует противотанковой батареей и приданной полку артиллерией. Но я считаю, что командирам дивизионов дай бог со своими дивизионами разобраться, да и не готовы они как по своим профессиональным качествам, так и по личным возглавить полковую арт. группу. Чикин слаб на спиртное и психологически не готов, а если Семёнова поставить, то он возомнит о себе и у меня начнутся неизбежные с ним трения. Да и нет у них такого штаба как у меня. Не последним в этом было и то, что я не хотел руководство артиллерией выпускать из своих рук. Майор же Громов фигура нейтральная: будучи начальником полковой группы он будет полностью не только лоялен, но и подконтролен мне. Так что оно мне нравилось всё больше и больше. Обсудив детали данного предложения, я пообещал посоветоваться с командиром полка.

Вечером перед совещанием меня нашёл Плеханов и доложил о том, что моё приказание выполнено: батарея за гребнем холма и закопана. В резкой форме ещё раз высказал недовольствие его мягкотелостью в командовании батареями. Ну, а пока шло совещание, в моём кунге в спешном порядке собрались офицеры с артиллерийских подразделений и перерисовывали с моей карты кодировку «Зоопарк», передний край наших войск и другие условный знаки.

– Борис Геннадьевич, зайти ко мне, – закончив совещания, командир полка пригласил меня к себе в салон обсудить завтрашнюю поездку в третий батальон. Он оттуда хотел пострелять вторым дивизионом. Закончив с обсуждением поездки, я предложил майора Громова на должность командира ПАГ-276, откровенно обосновав своё решение. Никитин особо не упирался, согласившись, что ни Семёнов, ни Чикин в данный момент просто не потянут полковую артиллерийскую группу.

Утро выдалось пасмурным и хмурым, тяжёлые от влаги облака низко проносились над землёй и оттуда иногда накрапывал мелкий, похожий на водяную пыль, дождик, но мы всё равно поехали в третий батальон. ПРП я брать не стал, а поехал на КШМке командира полка. Колонна собралась небольшой: КШМ командира, КАМАЗ, в кабине которого ехал зам. командира полка подполковник Тимохин и саперы со своей техникой. Во главе колонны ехал на

БМП командир батальона майор Сергеев. Холмы в расположение третьего батальона были гораздо выше, чем в первом батальоне и достигали отметок от 400 до 500 метров. Грунтовая дорога вилась тягучим серпантином вверх, а слева от дороги нас сопровождал достаточно крутой обрыв. Видимость позволяла ведение огня дивизионом, но я себя чувствовал неуверенно, не доверяя второму дивизиону. Боялся, что они или я неправильно рассчитаем высоту траектории и долбанём по третьему батальону. Недалеко до вершины нашу колонну накрыл туман, и видимость сократилась до ста метров, сразу же снизив и так небольшую скорость. Но через десять минут мы наконец-то выехали на высоту. По склонам и гребню холма были нарыты окопы не только для пехоты, но и для техники. Несколько ниже вершины располагалась огневая позиция миномётной батареи, а дальше её виднелись окопы девятой роты. Больше ничего из-за тумана не было видно. Целью нашей поездки было не только пострелять вторым дивизионом, но и выбрать командно-наблюдательный для командира полка, чтобы наблюдать за предстоящим завтра боем на всём фронте полка. На КП батальона мы слезли с машин и решили подождать, пока рассеется плотный туман, стелившийся ниже позиций и белым покрывалом закрывая всю нижележащую местность. А пока командир и остальные прибывшие, слушали офицеров третьего батальона, которые рассказывали, как ночью они отбивали духов, случайно вышедших на позиции батальона или подбирались, чтобы подбить технику мотострелков. По словам офицеров, группа из пяти боевиков двигалась вверх по склону, но за пятьдесят метров до позиций наткнулись на сигналки, которые сработали и выдали их местонахождение. По боевикам сразу же был открыт огонь из автоматов, а потом их закидали гранатами. Но ранили кого-нибудь или убили неизвестно: те скатились вниз к ферме, которую сейчас закрывал туман. Пока пехота рассказывала, принесли чай, водку и закуску. Немного выпили. Я сходил на огневую позицию миномётной батареи и на НП командира батареи. В инженерном отношении позиции были оборудованы хорошо, а на наблюдательном пункте Беляева находились разведчики, которые напряжённо вглядывались в колыхающийся туман.

Похвалил старшего лейтенанта Беляева за инженерное оборудование позиций и НП, но сделал замечание, что не все рабочие документы были отработаны, особенно на наблюдательном пункте.

Полтора часа мы ждали пока разойдётся туман, но ушёл он всё-таки внезапно. Подул ветер, всколыхнув белые клубы тумана, которые быстро поднялись над холмами и перед нами появилась красивая панорама – крутые склоны холмов с узкими долинами. Прямо под нами виднелась брошенная ферма, дальше ещё одна. Внимательно разглядев местность, слева и справа от нас, мы убедились, что место для КНП полка неудобно: много скрытых подходов, не видно вообще первого батальона и много полей невидимости. Оставив сапёров на месте, мы сели по машинам и по гребню холмов поехали вдоль позиций третьего батальона. Проехали метров триста, когда командир решил вернуться со мной обратно на КП третьего батальона, чтобы поставить задачу сапёрам, оставив зам. командира полка Тимохина и остальных около танка в расположение девятой роты. Туман наполовину рассеялся, открывая для наблюдения всё большее и большее пространство. Пока командир полка ставил сапёрам задачу, я в бинокль осматривал местность. Справа внизу, и дальше два километра из тумана стали проявляться группа зданий. Она находилась в полутора километрах впереди наших позиций, но туман не давал рассмотреть, что это такое. Развернул карту и начал искать по ней эти здания.

– Духи! Духи! – Внезапно раздавшиеся крики оторвали меня от карты. За те 2 минуты, которые рассматривал карту, туман резко поднялся вверх и теперь хорошо стало видно, что группа зданий – это МТФ. На ней стояло два БМП и кругом их рассыпалось до двух десятков вооружённых людей. Молочно-товарная ферма была на территории противника, и эти БМП могли быть только полевого командира Радуева, о котором нам сообщили вчера на совещание.

Раздался выстрел из танковой пушки с того места, на котором остался зам. командира полка Тимохин, мы вскинули бинокли. Первый снаряд разорвался прямо под БМП и, подле-

тев от взрыва вверх, боевая машина перевернулась. Второй снаряд попал в другое БМП, которое мгновенно взорвалось и загорелось, выкидывая в сторону чёрный дым. От БМП в разные стороны стали разбегаться вооружённые люди. Командир третьей миномётной батареи не растерялся, тут же включился в ситуацию, подал команду, и основной миномёт через тридцать секунд выстрелил. Ещё тридцать секунд полётного времени, разрыв – четыреста метров недолёт. Лево двадцать.

Так как это была практически полупрямая наводка, я прокричал на огневую позицию команду, опережая командира батареи: – Беляев! Марат! Батарее, дальше 400, правее 0-20, две мины беглый огонь!

– Принято – В ответ прокричал комбат и расчёты засуетились, слышались команды командиров миномётов, в ответ им откликнулись номера расчётов: – Осколочно-фугасной..., взрыватель осколочный..., заряд второй....

Этот слитный «Хор» команд мне всегда нравился и для настоящего артиллериста звучал как Музыка, Песня, которая подчёркивала обученность, слитность боевой работы огневиков и всегда была визитной карточкой работы СОБа.

Пока готовился огневой налёт миномётчиков, мы наблюдали в бинокль за суматохой на МТФ. БМП всё сильнее разгоралось, было хорошо видно, как внутри её периодически рвались боеприпасы, а вооружённые люди суетились в отдалении от подбитой техники. А с другой стороны фермы чеченцы угоняли в холмы лошадей и баранов, а вдоль низких строений загромождено металась куры и индюки. Рядом с нами экипаж безуспешно пытался завести танк, чтобы тоже открыть огонь, но у них ничего не получалось.

Наконец слышалась команда Беляева: – Батарея..., залпом, наводчики натянуть шнуры..., - даже в такой момент Марат хотел показать хороший, единый залп, но команда «Огонь» не прозвучала. Вместо неё слышалось: – Стой...! Стой...! Прекратить стрельбу. Товарищ полковник, там наши...

Командир недоумённо оторвался от бинокля: – Не может быть..., там наших просто не может быть.... 423 полк ещё не успел подойти с той стороны!

К нам подбежал командир батареи: – Мне только что передали по радиостанции, там БМП девятой мотострелковой роты.

Командир с неммым вопросом повернулся к командиру батальона и майор Сергеев лишь с недоумением развёл руками: – Я, товарищ полковник, никого туда не посылал.

– Развед взводу батальона – Вперёд на ферму. – Отдал приказ полковник Никитин. Командир и я вскочили в КАМАЗ, на котором приехали на вершину, и помчались к танку, где в расстроенных чувствах вышагивал подполковник Тимохин. Начал докладывать: – Как только из тумана проявилась МТФ, то сразу же на ней увидели БМП и вооружённых людей. Так как я знал, что наших там не должно быть, и 423 полк ещё не подошёл с той стороны, то приказал командиру танка уничтожить духовские БМП. Остальное вы видели....

Командир неловко потоптался на месте, удручённо покрутив головой из стороны в сторону: – Ладно, Владимир Васильевич, не расстраивайся... Ты не виноват. Борис Геннадьевич, вон тоже чуть миномётами их не накрыл. Ты оставайся здесь, танкистов подбодри, поддержи, они тоже не виноваты, поблагодари их – метко стреляли. А я поехал в девятую роту, разбираться и искать место под КНП полка.

В расположение роты, вместо командира роты, ст. л-та Пяткина, к командиру подскочил с докладом командир взвода, но Никитин прервал его доклад: – Где командир роты?

Взводный удручённо отвернул взгляд в сторону и нехотя промолвил: – Там..., на ферме....

– Сволочи, вы что творите? Чего вас туда понесло?

– Пока туман решили съездить туда, воды привезти, может дров. Не думали, что туман так быстро рассеется, поэтому никого не предупредили, – командир взвода виновато опустил

голову. Тут всё было ясно. Командир роты, убедившись, в результате суточных наблюдений за фермой, что боевиков кроме мирных пастухов, по крайней мере, днём там нет, решил под покровом тумана, не сказав никому, выскочить туда – понятно, вода и дрова нужное дело, но и мяса раздобыть, ну конечно и похватать каких-нибудь трофеев. А потом, этаким «фертом», так небрежно и командиру батальона мяска подкинуть – мол, мы тоже «лыком не шиты».

Пока командир разбирался, сколько человек на ферме вместе с Пяткиным, мои разведчики шустро расставили 20-кратный оптический прибор и мы в него стали наблюдать за действиями пехоты. Развед. взвод батальона, развернувшись в цепь, БМП сзади – наступал на ферму. В горевшей машине перестал рваться боезапас и вооружённые люди теперь суетились вокруг перевёрнутого БМП. Огня по разведчикам никто не вёл и те тоже не стреляли. Вот они сблизилась, смешались. Поступила первая информация, 2 убитых, четверо ранено, один из них чеченский пастух. Командир хотел было дать команду медикам – Вперёд, но мы уже увидели, что к МТФ помчалась санитарная МТЛБ, быстро загрузила раненых и стремительно умчалась в медицинскую роту. Разведчики рассыпались по ферме и начали её обыскивать, после чего стали расстреливать баранов, несколько телят, ловить кур и индюков – и всё это споро и быстро грузилось на технику.

Никитин, глядя на всё это, грязно выругался, но больше ничего не стал говорить. Всё это, конечно, несколько коробило, ведь рядом в БМП догорал их товарищ, но с другой стороны, война – войной, а кушать вкусно хочется всегда.

Выяснив, что командира роты среди убитых и раненных нет, командир полка приказал, чтобы Пяткин после эвакуации техники и раненых прибыл к нему с докладом на КП, а мы поехали дальше искать место под КНП полка. Его нашли в расположение первого батальона, метрах в двухстах впереди и левее первой миномётной батарее. Отсюда хорошо просматривался весь первый батальон и третий, как по фронту, так и в глубину обороны противника. Развернулись и поехали на командный пункт, но сначала заехали в медицинскую роту. Вокруг перевязочной, обнесённой маскировочной сетью, суетились все полковые медики, один раненый лежал на столе перевязочной. Другим занимался сам начальник медицинской службы. Солдат лежал на скамье, весь в крови и из рваной раны хлестала кровь. Начмед – сам в крови солдата руками зажимал артерию и пытался остановить обильное кровотечение, но это у него плохо получалось. Третий, легко раненый солдат, уже перевязанный сидел за столом, пил крепкий чай и беззвучно плакал, вытирая слёзы руками. Командир полка, успокоив его, начал расспрашивать, как было дело. А через несколько минут, подняв клубы пыли, подошла ещё одна БМП с раненым чеченским пастухом – лет 65. Раненый в голову, он лежал на носилках и непрерывно, на хорошем русском языке, повторял: – Как мне повезло..., как мне повезло..., как мне....

Чего ему повезло – было непонятно? То ли, что быстро попал к врачам, то ли что не убили сразу, а только ранили. Дранные старые штаны и такой же драный старый свитер, но на руке его сверкали полированным металлом шикарные и дорогие японские часы. Подошло ещё одно МТЛБ, с которого слез ещё один контуженный и сняли носилки с убитым. Он был полностью обгоревший, голова расколота, мозги смешались с кровью, а рядом с телом лежала оторванная нога. Контуженный был в шоке: стоял перед нами неподвижно, уставившись глазами в одну точку, не воспринимая суматоху врачей вокруг него. Я помахал рукой перед его глазами, чтобы привлечь внимание – реакция была нулевая. Кто-то сунул ему в руку зажжённую сигарету, которую он механически взял. И также, не реагируя на окружающих, глядя куда-то вдаль, начал курить. Легко раненый солдат бросил кружку чая, подбежал к контуженному обнял его, но тот этого даже не заметил, после чего солдат осел без сил в пыль у ног контуженного и заплакал.

Замполит полка, приехавший с последней партией раненых, шмыгнул носом: – Второго убитого достать пока невозможно, БМП раскалённая, нужно ждать пока она остынет.

Командир удручённо махнул рукой на слова Быстрова и пошёл в сторону штаба, а я отправился к себе, переждав, когда мимо меня, натужно гудя, в сторону ремонтной роты танки протащили два трофейных КРАЗА – нефтеналивника, которые ремонтники будут разбирать на запчасти, чтобы отремонтировать свои КРАЗЫ, которые возят горючее. Около салона были расставлены столы и кипела работа. На карте были уже нанесены круги, как учил генерал Шпангель, а Громов и Чистяков с азартом наносили на карту цели.

– Товарищ подполковник! Шестьсот целей получается, чтобы перекрыть все дороги и подходы к нашей обороне. – Удивлённо произнёс старший помощник. – Сейчас, закончим наносить цели и начнём делать таблицу огня и выписки из таблицы во все артиллерийские подразделения.

– Что ж, молодцы, но как бы нам не запутаться в таком количестве целей. Ладно, продолжайте, посмотрим что получится. – Я сел рядом с ними и задумчиво стал наблюдать за их работой.

На ЦБУ, куда я пришёл после обеда, уже сидел командир полка со своими заместителями, а через десять минут в палатке появился невысокого роста, плотненький командир девятой роты старший лейтенант Пяткин с командиром взвода.

Командир роты, остановившись перед командиром, начал виновато рассказывать, что он выдвинулся на ферму, чтобы набрать воды и дров. Всех предупредил, но с танком, который стрелял связи не было и тот не знал, что это свои находятся на ферме. Ротный замолчал и опустил голову под тяжёлым взглядом полковника.

Командир, тяжелой глыбой нависнув над Пяткиным – стоял и молчал, едва сдерживая себя. После минутного молчания, Никитин медленно процедил сквозь зубы: – Ты, старший лейтенант, убийца. Понимаешь, что своим неумным решением ты убил двух солдат, ещё четверых вывел из строя, одна единица техники уничтожена, вторая ещё неясно, что с ней. Ты это понимаешь?

Командир полка всё-таки не сдержался и в пол силы ударил ротного по лицу, после чего вернулся к столу и устало опустился на стул: – Что с тобой делать, Пяткин? Под суд ведь тебя надо отдавать.

Игорь Геннадьевич Быстров в свою очередь рассказал, что от солдата, который горел в БМП, ничего не осталось. Он сгорел полностью – только пепел. Наступило тягостное молчание. Нет трупа – нет акта опознания. Второй труп тоже не опознать, головы практически нет, личный номер отсутствует, улетел куда-то с головой. Совсем не пострадало второе БМП, перевернутую машину поставили на гусеницы, она завелась и своим ходом ушла в роту.

– Ладно, Пяткин, иди в роту, жди решения.

Посоветовавшись с заместителями полковник Никитин принимает решение – ротного оставить на роте. Начальству доложить следующее: – Командир 9-й роты, не согласовав ни с кем, силами своей роты произвёл разведывательный поиск, был обстрелян и понёс потери.

Узнав, что рота материального обеспечения развернуло баню, я быстро собрал вещи и направился за арык в расположение роты. По дороге в баню зашёл к особисту, поделившись наблюдениями о несоответствии внешнего облика старого пастуха и новейших японских часов, чем особист очень заинтересовался и сразу ушёл в мед. роту.

Наверно, впервые за две недели так хорошо помылся, причём не холодной водой, а горячей. Хотя в ходе помывки, как всегда это бывает в полевых условиях, только намылился и пропала вода. Но контрактник Денис, который отвечал за баню – быстро справился с этой проблемой и я не только хорошо помылся, но и успел постирать свои вещи. Когда, чистый и довольный, возвращался к себе, на командном пункте приземлился вертолёт, который выгрузил группу офицеров. Быстро развесив постиранные вещи, направился на ЦБУ.

Прилетел командующий нашей группировки: генерал-майор Гончаров, со своими офицерами, в том числе и начальником артиллерии группировки полковником Борисенко. Завтра

мы должны начать продвижение вперёд: первый батальон до нп. Горагорск, а третий батальон выйти и охватить нп. Комарово. Борисенко заслушал меня по боевому порядку артиллерийских подразделений, их укомплектованности, боекомплекту, порядку применения артиллерии и ряду других вопросов. Остался удовлетворённым докладом, после чего опять долго и нудно излагал свой опыт операции в Дагестане. Я его внимательно выслушал, но снова ничего нового или так сказать принципиально нового, из применения артиллерии он мне не сообщил. А потом он неожиданно съехал на мелочи и стал придирается к несущественным недостаткам, что вылилось у нас в конфликтную ситуацию и я в резкой форме высказал сомнение в эффективности мелочной опеки с его стороны: – У меня, товарищ полковник, над душой и так «висят» три офицера с округа, а тут вы ещё со своими требованиями. Артиллерия полка к предстоящему бою готова. Утром на всех огневых позициях будут выписки из таблицы огня, а сейчас я должен выслушать решение командира полка на предстоящий бой. – Конечно, таким своим категоричным заявлениям начальнику артиллерии группировки, я слегка перегибал палку – очень рисковал. И в лучшем случае мог нажать себе врага. Реакция последовала незамедлительно.

Высокий Борисенко наклонился ко мне и с угрозой процедил: – Товарищ подполковник, не дергайтесь, а слушайте, что говорят вам более старшие и опытные товарищи, а то я вас быстро отсюда в Свердловск ваш отправлю.

Ну, это даже для начальника Ракетных войск и артиллерии группировки было грубым заявлением. Такие заявления даром не проходят. Я встал и решительно ответил

– Товарищ полковник, я готов прямо сейчас собрать вещи и уехать в Свердловск. Никто в полку даже слова не скажет в след, что я струсил и сбежал. Но только прямо сейчас напишите мне формулировку причины, по которой вы меня отсюда откомандировываете, а печать полковую сам на вашу подпись поставлю. Я жду, товарищ полковник.

Борисенко и сам понял, что перегнул палку и пошёл на попятную: – Ну что ты, подполковник сразу в бутылку полез, уже ничего резкого нельзя сказать. Давай работать спокойно. Не хочешь – не буду тебе мешать. Слушай ты решение командира полка. – Примирительно ответил он и отошёл в другой угол большой палатки. После чего он больше не вмешивался в мои действия.

Как такового заслушивания решения командира полка не было. Никитин собрал вокруг себя командиров батальонов Шпанегеля и Сергеева, начальника разведки полка Юру Шадуру, командира разведывательной роты капитана Ефименко и меня. Общими выражениями обрисовал план боя, поставил задачу начальнику штаба полка и нам, отработать всё документально. Сам вместе с Гончаровым ушёл к себе в салон. В свою очередь я вызвал к себе Громова и командиров дивизионов, тоже, но уже более детально и конкретно проработали огневое поражение конкретных целей: МТФ мы оставили на первую миномётную батарею, сами там справятся, ну а если появятся сложности, то Семёнов своим дивизионом раздолбаёт её, который будет работать с командиром первого батальона. Чикин идёт с командиром третьего батальона. Довёл место своего КНП, и цели трёх огневых налётов, а в последующем будем огонь вести только по мере возникновения огневого противодействия. После утряски появившихся в ходе обсуждения нестыковок я их отпустил.

К этому времени в палатку вернулся Гончаров с командиром. По ним было заметно, что посидели они в салоне хорошо. Вообще, очень интересно было наблюдать за Гончаровым. Он «гоголем» ходил по палатке ЦБУ, ощущая себя Командующим – он прямо «балдел» от этого. В его распоряжение на этот момент были – наш 276 полк, 423 и 245 полки. Самый мощный полк это наш, в нём было 2500 личного состава, танковый батальон Т-72, противотанковая батарея, два дивизиона, не было только второго батальона. А 245 и 423 полки были гораздо слабее нас, как в численном отношении, так и техническом. И он. Гончаров – Командующий группировки. Ему нравилось, когда к нему все обращались – Товарищ Командующий. Он прямо балдел –

когда «рявкнет», и всё вокруг него «крутится», опьяняла власть. Ему дали спутниковый телефон, и вот он ходит и всем предлагает позвонить домой, а когда кто-нибудь дозванивался, он прямо вырастал в своих глазах.

Много работы было у офицеров штаба, надо было отработать карту командира полка, подготовить боевой приказ по полку, отправить ряд письменных распоряжений в подразделения. Тут в основном работа ложилась на ЗНШ – Андрея Порпленко. Он уже был и так измотан, а тут ещё столько надо было напечатать. Порпленко печатал на компьютере боевой приказ и каждые две минуты засыпал, его будили, он печатал и снова засыпал. Его опять будили, а он отобьёт три буквы и застынет над компьютером, оказывается уже заснул и его надо опять будить.

Только к часу ночи ушёл из палатки полковник Борисенко, и едва я собрался следом за ним идти спать, как к себе вызвал командир полка. В салоне Никитин пригласил сесть и вытащил из под стола ящик с пивом.

– Наливай себе пива, Борис Геннадьевич, – хоть пиво было «Балтика», которое никогда не любил, но сейчас я пил и смаковал вкус прохладного, хмельного напитка. Под пивко ещё раз обсудили цели огневого поражения, а на второй бутылочке Валерий Валентинович предложил проверить дивизионы на вшивость. Причём, впервые командир полка сказал мне, что не «любит» командира первого дивизиона подполковника Семёнова. В детали он не вдавался, но я понял, что в какой-то момент Семёнов сумел втереться в доверие к командиру полка, а в ответственный момент открыто предал его. Назначили цели в глубине обороны противника и нанесли несколько огневых налётов, тоже проделали и с первой минометной батареей. В принципе, артиллерия с этой проверкой справилась нормально, после чего я спокойно ушёл спать.

Этим вечером меня здорово измучила изжога. Не знаю что я съел во время обеда, но от боли очень страдал, и только после того как сходил в мед. роту и принял таблетки – полегчало. Лекарство, которое мне дала медсестра Ирина Мастяева подействовало буквально сразу. Встретил там и чеченского пастуха, он уже ходил, но уже без часов, видать кто-то успел их снять с него. Остаток ночи проспал спокойно.

Утром, когда пришёл на ЦБУ, там царил лёгкая суматоха: ночью мимо позиций третьего батальона прошла достаточно большая колонна боевиков. Пехота, введённая уверенными действиями, приняла их за ВВэшников и пропустила мимо своих позиций. Главное, что их можно было легко уничтожить. Генерал Гончаров рвёт и мечет – ищет, кто виноват в этом. Попытались наехать на меня, но я быстро отъехал, сказав, что за ночь, к моему дежурному офицеру с третьего батальона не поступило ни какой информации или цели. Только после часа такого всеобщего бардака, наконец-то разобрались, что колонна, которая прошла мимо третьего батальона всё-таки действительно была ВВэшная и шла на свои новые позиции, так что разборки на этом мигом закончились.

Командир полка зачитал командирам подразделений приказ и через час, я со своей ячейкой и майором Громовым были на КНП полка. В течение часа привязались, оформили необходимые документы, установили устойчивую связь с командирами дивизионов и были готовы к боевой работе. Громов спокойно пристрелял Репер, ввели поправки полковой артиллерийской группе, сделали перенос на цель № 611 – нефтебаза. Она стояла на пути движения первого батальона. И спокойно, даже несколько буднично, как будто мы уже давно воевали, я подал команду на открытие огня. Первый же залп лёг среди огромных баков и зданий нефтебазы. Красочно и ярко рванули багровым огнём две цистерны с горючим, от прямых попаданий, выбросив на большую высоту языки пламени и дыма. Густо и черно загорелась нефть, растекаясь по территории нефтебазы и поджигая всё вокруг себя. Через несколько минут от пламени пожара рванула ещё одна цистерна. Начали постепенно обрабатывать и другие цели, в основном на пути продвижения первого батальона, К приходу полковника Борисенко и полковника Алабина мы уже перенесли огонь к Горагорску, но и так перед ними открылась впе-

чатляющая картина пожаров и разрушений от огня артиллерии. Борисенко остался доволен от нашей работы, а когда на нефтебазе рванул четвёртый бак с нефтью от пожара, он больше в мою работу не вмешивался. Появился полковник Никитин и в 12:00 1-ый и 3-ий батальоны пошли в атаку. Первый батальон рванулся вперед и сразу же занял свой «любимый» полевой стан, который они постоянно обстреливали и пошли дальше к Горагорску. Через пятьсот метров подразделения батальона скрылись среди холмов и больше их не было видно. И о ходе развития наступления мы довольствовались только докладами командира батальона. Пока всё шло нормально, духи на участке первого батальона отошли и заняли оборону на окраине города.

Подразделения третьего батальона медленно продвигались к населённому пункту Комарово и пока тоже у них не возникало проблем. Лишь поступило сообщение о нескольких легко раненных военнослужащих, но в основном всё тоже было нормально. По сообщениям разведки и особистов было известно, что боевики попытались Комарово взять под свой контроль и организовать там оборону, но старший деревни, рискуя своей жизнью, сумел не пустить их в населённый пункт. Через несколько дней стали известны подробности проявления мужества главой администрации Комарова. Группа боевиков на нескольких джипах подъехала к окраине деревни и были остановлены главой администрации, во главе группы жителей. Боевики попытались наглостью «наехать» на главу, но тот наотрез отказался пропускать их в деревню. Ни угрозы расстрелять на месте, ни стрельба из автоматов под ноги старейшине, ни смогли сломить мужества чеченца. Боевики вынуждены были занять позиции не в самой деревне, как они планировали, а на территории подстанции в нескольких сот метрах от жилых домов. Но это было вчера и обстановка в этом плане могла кардинально измениться. В небе появились вертолёты огневой поддержки, одна пара стала работать по Горагорску, вторая пара по Комарово. Через несколько минут, отработав, они ушли на базу, оставив в небе огромное облако чёрного дыма. В 13:00 в поле зрения моих приборов появились цепи третьего батальона, которые медленно и тяжело подымались вверх по склонам крутых холмов, за которыми скрывалось Комарово. Только пехота перевалила вершину холма, как на их тылы обрушился град 82 мм мин боевиков. Осколками от мины были посечены несколько солдат и начальник штаба батальона, но слава богу, никого не убило.

На связь вышел командир третьего батальона и доложил: восьмая и девятая рота закрепились на обозначенных рубежах, седьмая рота слева от Комарово продолжает продвигаться вперёд и занимать позиции. По всей видимости в деревне боевиков нет, но они заняли оборону на территории подстанции, где их там до двадцати человек на джипах. Докладил, что начал профилактический обстрел деревни из танков, а огнём дивизиона и миномётной батареи постарается уничтожить боевиков на подстанции. Командир утвердил решение командира батальона.

2ой дивизион, одной батареей, дал залп по подстанции, но ошиблись в подготовке данных и четыре высокие султаны чёрных разрывов поднялись сзади цепи батальона.

– Самара, Стой! – Я успел остановить огонь второго дивизиона, но разрешил огонь третьей миномётной батарее. Появилась ещё одна пара вертолётов и авианаводчик, проводя глазами боевые машины и лихорадочно говоря в микрофон, нацелил их на Комарово. Сделав один круг вокруг громадного чёрного облака, вертолётчики доложили: – Не можем работать, ничего не видно от чёрного и густого дыма, горит вся деревня. Быстрый обмен мнениями и вертолёты перенацелили действовать в интересах первого батальона.

Вышел на связь Семёнов: – «Лесник 53, Я Полтава». Прошу вашего разрешения на открытие огня по координатам...., – дальше он продиктовал координаты нескольких целей. Бросив беглый взгляд на карту, даже не удивился тому, что эти цели были в тылу первого батальона. Запретил ему открытие огня, пока он точно не разберётся, где проходит передний край первого батальона, где находится он и обнаруженные им цели. Постепенно приходили доклады от командиров батальонов, которые выполнили задачу дня и начали окапываться. К 3 часам дня всё и закончилось. Итог боя: 6 человек ранено. В третьем МСБ – 5 человек, один из

них начальник штаба батальона, и один человек с первого батальона, с развед. взвода. Свои же по дуруости ранили, когда занимали птицеферму под Горагорском. Пуля задела парню позвоночник.

После того, как закрепились на захваченных рубежах, мы поехали, вместе с командиром полка, выбирать место под новый командный пункт полка. Поехали в сторону третьего батальона, но место под расположение КП полка там было мало. Через полтора часа поисков, выбор свой остановили на бывшем расположении 9ой роты. А артиллерию решили передвинуть вперёд и развернуть её на поле, где проходил передний край первого батальона. Прибыли обратно на КП полка, где всё было в движении, ожидая только команды на перемещение на новое место.

Быстро перекусил консервами из сухого пайка, и с полковником Борисенко я выехал в третий батальон. Подъехали к переднему краю батальона, чёрный и густой дым, который стоял над Комарово, уже рассеялся, лишь в районе полностью разрушенной подстанции виднелось большое пламя – горело разлитое трансформаторное масло. Борисенко ушёл смотреть передний край, а ко мне подошёл с докладом старший лейтенант Беляев. Он ещё не остыл от боя и был возбуждён, размахивая руками, рассказал: – Товарищ подполковник, только выскочили на вершину, тут нас духи сразу же засыпали минами, сами знаете, что у нас ранен начальник штаба батальона, если бы не бронжилеты то его и солдат, всех бы поубивало. Видим, что духи ведут огонь с подстанции, слева от Комарова, ну я туда 81 мину, как в копеечку вложил. Не знаю, сколько убил, но их спасло, загоревшее трансформаторное масло. Дымом заволокло всё Комарово и под его покровом они ушли.

В бинокль осмотрел местность и населённый пункт внизу. Хотя во время боя по деревне и вели огонь из танков и вертолётов, но особых повреждений видно не было. Осмотрел наблюдательный пункт миномётной батареи, отдал распоряжения по расположению НП батареей второго дивизиона, прошёл на позицию батареи Беляева, похвалил солдат за точное ведение огня во время боя. Хотя, честно говоря, где-то в глубине души у меня были сомнения по поводу духовских мин, которые ранили солдат и начальника штаба. Не наши ли всё-таки были это мины?

Внизу, в расселине холма расположился КП третьего батальона. Спустился туда, посидел с офицерами, которые ещё раз рассказали о всех перепитиях боя. Пообщавшись с ними, нашёл полковника Борисенко, с которым уехал на новое место КП полка. Здесь уже находился мой салон и основная масса подразделений обеспечения. Поздно вечером получив доклад от командиров дивизионов о смене огневых позиций и о готовности к ведению огня, поставил задачи на ночь и лёг спать.

* * *

Сегодня должны были с командиром полка объезжать позиции батальонов, но Никитин ждал вертолёт с командующим, поэтому никуда не поехали. А после обеда, спросив разрешение у командира полка, взял своих разведчиков, майора Громова и поехал в первый батальон посмотреть на Горагорск. По пути заехали на позиции дивизионов, убедившись, что здесь всё нормально, всё идёт своим ходом и в вмешательстве начальника артиллерии нет необходимости. Начальники штабов, учтя прежние ошибки, отработали документы как положено. Проехали по полю от дивизионов около полутора километров и, круто вывернув влево, выехали на асфальт дороги. Прямо на повороте стояла подбитая ещё в первый день легковая машина «Жигули», в которой лежал труп водителя. По асфальту двинулись в сторону Горагорска, миновали полевой стан, которую первая миномётная батарея обстреливала несколько дней, сейчас там виднелись несколько наших машин и солдаты деловито загружали деревянные конструкции в машины на дрова, для приготовления пищи и отопления палаток. Через несколько километров, слева показалась нефтебаза. Разбитая мною, она слегка дымилась – всё что смогло сгореть, уже сгорело. Ещё несколько километров, и заворачивая влево, мы свернули к окопам переднего края первого батальона, где нас встретил командир первого дивизиона подполков-

ник Семёнов. Подошёл ко мне и, обидчиво отворачивая взгляд, доложил: – Товарищ подполковник, в первом артиллерийском дивизионе происшествий не случилось. Командир дивизиона подполковник Семёнов.

Докладывал с таким видом, как будто делал мне большое одолжение. Накануне у меня с ним произошёл довольно серьёзный и трудный разговор. Сам по себе, как артиллерист, Семёнов был слабый. Очень гордился тем, что закончил академию и часто в разговорах со мной подчёркивал свысока этот факт, типа: я «академик» – А ты кто? Прапорщик, сдавший экзамены экстерном за училище. Но практика показывала, что я, даже не имея должного военного образования, в стрельбе понимал и умел гораздо больше чем он. Но как организатор каких-либо мероприятий и работ, был сильным, особенно что касалось достать что-нибудь или встретить как полагается начальство, от которого в данный момент что-то зависело. Ему бы быть заместителем по тылу части, но мог быстро и провороваться. Меня он не уважал, но воспринимал, как вынужденное препятствие и опасался. Он чувствовал, что если он схлестнётся со мной, то я его, как вышестоящий начальник, задавлю и не побоюсь «сожрать». Но преклонять так просто голову передо мной он тоже не собирался – выжидал, каких-то своих особых обстоятельств. Все знали заветную мечту Константин Ивановича – получить орден на войне. Но если я захочу или он испортит со мной отношения, то ордена ему не выдать. Поэтому он был вынужден считаться со мной, но не упускал возможности и показать своё «надуманное превосходство». Вот и сейчас он изображал при встрече со мной бывалого фронтовика, который вынужден встречать штабное начальство – что было очень забавно наблюдать.

Но самые большие его недостатки, из-за чего он не пользовался у многих уважением, это были способность его предать любого, в любой момент когда ему это будет выгодно, и врал, врал глядя прямо в глаза начальства, врал даже по мелочи, лишь бы показать свою компетенцию в данном вопросе, или что он владеет данной информацией. Зачастую его враньё вводило и меня в заблуждение, что приводило к не совсем приятным последствиям. Не раз приходилось ему прямо в глаза говорить о недопустимости лжи, но Семёнов не мог остановиться и продолжал врать. Всё это было достаточно неприятно.

– Константин Иванович – говорил я ему накануне – От командира первого батальона поступают жалобы, что на ночь артиллеристы первого дивизиона уезжают на огневые позиции и на НП никого не остаётся. Ночью у Шпанегеля поддержки дивизиона нет и до сих пор первый дивизион не подал координат НП своих батарей и командира дивизиона. Что вы на это скажете?

Константин Иванович помолчал немного, а потом начал тихо менторским тоном говорить, но постепенно он всё возбуждался и перешёл почти на крик: – Товарищ подполковник! Хочу вам доложить, что самоходно-артиллерийский дивизион это сложная организационная структура и для того чтобы она нормально функционировала необходимо постоянное присутствие командиров батарей и моё – командира дивизиона. Необходимо постоянно решать ряд проблем от получения боеприпасов до помывки и кормёжки солдат и офицеров. Необходимо решать кучу задач, чтобы солдат был одет и воевал нормально. Вы там, в штабе витаете в «эйфориях», переставляете нас как пешек на шахматной доске, а мы тут «пашем» без просыпу. Я думаю не стоит даже и дальше вам растолковывать «всю кухню» работы командования дивизионом, так как вы ни дня не командовали развёрнутым дивизионом и не имеете даже малейшего представления, что такое полнокровный артиллерийский дивизион...., – Семёнов замолчал и посмотрел на меня с вызовом.

Тут уж завёлся и я: – Да, товарищ подполковник... Я ни дня не командовал развёрнутым дивизионом. Да..., И вы имеете полное право иметь своё личное мнение о моих, как вы тут выражаетесь «невысоких», командирских способностях. Даже обсуждать их с офицерами равными с вами должностями и воинскими званиями. Но начальником здесь я и именно я могу и имею право задавать вам вопросы. И как бы вам это было не неприятно – ставить их перед вами

«ребром». Ну, а раз такой разговор пошёл, то хочу выразить своё безмерное удивление тем, что вы сами лично готовите пищу и кормите солдат, обуваете и производите помывку каждого солдата, да ещё получаете боеприпасы на дивизион. Раз у вас так поставлено в подразделении то Константин Иванович рапорт на стол и катитесь в Екатеринбург. Ваш начальник штаба в должности командира дивизиона лучше справится с организацией повседневной жизни дивизиона. Ну, а если вы тут захотели прочитать мне лекцию на тему «Как командовать дивизионом», то я вам делаю на первый случай замечание. Вы постоянно забываете, что находитесь не на Чебаркульском полигоне, а на войне. Что, вы не заместитель командира дивизиона по тылу, а командир Самоходно-Артиллерийского Дивизиона. Мои требования, да и требования наших руководящих документов, говорят, требуют чтобы командиры батарей находились на наблюдательных пунктах и организовывали там разведку целей и местности. Организовывают, Константин Иванович, а не балдеют и с нетерпением ждут вечера, чтобы уехать в батарею, бросая ночью наблюдательный пункт. Тебя что поучить, как организовать боевую работу в дивизионе?

Командир дивизиона даже рот открыл в удивлении, не ожидая от меня резкой отповеди. С самого начала мы видели друг в друге соперников и Семёнов не оставлял надежды на возвращения себя на должность начальника артиллерии. Ну, а я пока не чувствуя прочности своего положения тоже зря не дёргался, наработывая на новой должности и в новом полку авторитет в глазах офицерского состава и командования. И это была первая серьёзная стычка между нами, где Семёнов попробовал меня взять на «зубок» и несколько опустить меня. Ну, а мне нужно было его поставить на место.

– Семёнов! У тебя же замы должны работать, а ты воевать. Зам. по вооружению майор Леонтьев должен заниматься вопросами ремонта, эксплуатации техники и вооружения. А у тебя этим вопросом занимается старший прапорщик Павлов. Он хороший специалист, но он должен работать у себя в батарее, а дивизионом должен заниматься зампотех. Возложи параллельно на него снабжение боеприпасами и ГСМ – пусть работает майор, а он у тебя водку пьёт. Замполит, подполковник Старостенко толковый и добросовестный офицер – кинь его на решение бытовых вопросов: жильё солдат и офицеров, баня, контроль за питанием. У тебя фельдшер, Татьяна Ивановна, шустрейшая баба – поставь её на ПХД и она из прапорщика Оладышева, командира взвода обеспечения, верёвки будет вить, и с питанием всё наладит. Дальше продолжать? Нет? Тогда слушай мой приказ, товарищ подполковник – в первом батальоне должны развёрнуты 4 наблюдательных пункта: трёх батарей и твой – командира дивизион. Я повторяю – развёрнуты: со всеми элементами. Это приказ, не потому что Лёха Шпангель сын генерала, а потому что он командир первого мотострелкового батальона, действия которого ты поддерживаешь. Я понимаю прекрасно, что командир батареи и командир дивизиона, должен как можно больше влиять на жизнь своих подразделений. Но хотя бы неделю эту они должны провести на НП, научить и организовать взвода управлений батарей и дивизиона вести разведку целей, наблюдение и вообще всю работу на НП как положено. А потом, когда это дело налажено, можно вплотную заняться и подразделениями. В период затишья можно только контролировать работу взводов управлений, а когда в бой идти – всё: командир дивизиона рядом с командиром батальона, командиры батарей рядом с командирами рот. Дальше. Устраивай очередь: если тебя нет рядом с командиром батальона, то рядом с ним, днём и ночью, бегают командир батареи, как собачка, как охранники капитана Шпангеля. Ну, а если тебе не нравятся мои приказы или ты считаешь их безграмотными, то ты можешь это всегда оспорить у командира полка. Но я думаю, что ты не пойдёшь к командиру . . . , – всё это Семёнов выслушал с явным неудовольствием, болезненно морща лицо, но мой приказ выполнил точно.

И сейчас стоял передо мной с недовольной миной. Я отдал приказ своим разведчикам развернуть НП и приборы наблюдения, указав место развёртывания – на открытом месте, между окопами.

– Товарищ подполковник, хочу вас предупредить, здесь работают снайперы и советую вам переместиться в окоп, откуда и вести разведку. – Семёнов всё это произнёс с таким видом – понаехали, мол, штабники... Мы тут воюем, а они развлекаться приехали – Нужно было немедленно поставить командира дивизиона на место.

– Хорошо, пошли, Константин Иванович, на твоё НП. Посмотрим, как ты организовал работу, может и переместимся туда. – Мы направились к просторному окопу наблюдательного пункта, вокруг которого было всё засрано и замусорено пустыми банками, мелким мусором и остатками пищи, с вьющимися над ними здоровенными, зелёными мухами. Спустились по ступенькам вниз. Из приборов была расставлена буссоль, а рядом с ней расстелена рабочая карта командира дивизиона. Тут же стояли котелки с засохшей кашей, вокруг которых также активно и жизнерадостно вились, спаривались всё те же огромные зелёные мухи. В окопе был тот же бардак, а по брустверу задумчиво гуляли куры и, шаркая ногами, выкидывали землю на карту и котелки с пищей. Я молча обернулся к Семёнову с неммым вопросом.

– Мы тут птицеферму взяли, вот и подражались немного трофеями....

– Не вы, Константин Иванович, ферму взяли, а первый батальон, – послышался весёлый голос капитана Шпангель, а затем в окоп спустился сам командир первого батальона. – И нечего к этому примазываться.

Поздоровавшись с комбатом, я кивнул на комдива: – Ну что Алексей, какие-нибудь претензии есть к моим артиллеристам?

Командир батальона засмеялся и, хитро глянув на Семёнова, протянул: – Да, пока нет...

– Константин Иванович, я крайне удивлён этим бардаком и говном вокруг НП. – С показным изумлением и тихим ужасом я развёл руками и после секундной паузы, продолжил, – а теперь давай твои документы посмотрим. Покажите мне журнал разведки и обслуживания стрельбы, схему ориентиров и свою рабочую карту.

Конечно, ни одного рабочего документа отработано не было и я тихим голосом вежливо стал «тыкать» носом Семёнова в каждый недостаток и в каждый не доработанный документ, водил его по окопу, палочкой показывая на фекалии и небрежно сбрасывая котелки с недоёденной пищей на землю.

– Константин Иванович, и ты хотел пригласить своего, – на слове «своего» я сделал ударение, – своего начальника артиллерии в эту клоаку. Ну, ты меня не уважаешь, товарищ подполковник....

Алексей Шпангель ехидно посмеивался, одобряя мою воспитательную работу и подзуживая меня на дальнейшее: – Борис Геннадьевич, давайте, давайте... Пожётче, пожётче его, а то возомнил себя тут маршалом Жуковым.... – Константин Иванович краснел, синел, но не оттого что ему было стыдно за этот бардак и допущенные просчёты. Ему было обидно, что я его как последнего лейтенанта отчитываю и не скрываю своей издёвки. Может быть, Семёнов в конце концов и вспылит бы на мои нравоучения, но на бруствере появился Гутник и доложил, что к работе всё готово.

– Борис Геннадьевич, зря вы там наверху развернулись, – командир батальона легко тронул меня за руку и продолжил, – с фермы, что впереди нас снайпер постреливает. Я по этому поводу своих офицеров и прапорщиков сейчас собираю – буду их драть за то, что без бронжилетов ходят.

Я вышел к своему развёрнутому наблюдательному пункту, сел на металлический ящик за оптический прибор: – Майор Громов, пристрелять репер, а я пока понаблюдаю. – Развернул прибор вправо и начал разглядывать птицеферму. Впрочем, разглядывать там было нечего. Виднелось лишь несколько зданий с проваленными крышами и бетонный забор, позиции первого батальона проходили в ста метрах от забора, и они более-менее контролировали птицеферму. Повернул влево, в полутора километрах и впереди был виден Горагорск, но только южная его часть, половина которого была застроена хрущёвками старого образца из красного

кирпича. Другая половина – частный сектор, где стояли хорошие и богатые дома, но всё это выглядело брошенным. Лишь во дворах и по улицам бродила домашняя скотина и мелкая живность. Довернул чуть влево и увидел первые признаки жизни – на углу пятиэтажки появились два человека, о чём-то посоветовавшись, скрылись. Через минуту из-за кочегарки выехала зелёная, длинная иномарка и, проехав триста метров открытого пространства, тоже скрылась, но уже в частном секторе. Я откинулся от прибора и огляделся. Рядом со мной Громов и Семёнов, активно обсуждая поставленную мною задачу, готовили данные по реперу, а Гутник разглядывал в буссоль ферму, которая лежала в шестистах метрах прямо перед нами.

Снова прильнув к окулярам, повернул 20кратный прибор на частный сектор Горагорска и начал наблюдать за окраиной, и тут же заметил движение под копной сена. Присмотревшись, увидел внизу копны, на её фоне, головы двух боевиков, которые смотрели в нашу сторону. Через несколько секунд рядом с ними появилась ещё одна голова. Я показал офицерам позицию боевиков.

– Константин Иванович, видел эту позицию боевиков?

– Нет, первый раз вижу.

– А судя по всему, они давно оттуда наблюдают. Вот тебе и твоей разведке ещё один гол. – Константин Иванович обиженно засопел, а Гутник с Громовым начали, отталкивая друг друга от буссоли, крутить её в разные стороны, пытаясь найти позиции боевиков, обнаруженные начальником артиллерии, но не смогли их обнаружить.

Я засмеялся: – Глядите, пионеры, – и навёл буссоль на копну сена. Да, в буссоль, с её 8х кратным увеличением можно, но очень трудно обнаружить позиции боевиков, но не стал акцентировать на этом внимание. Мне было приятно «щёлкнуть по носу» в очередной раз возмнившего офицера.

– Майор Громов, пристрелять Репер, а потом мы перенесём огонь по боевикам.

Я опять прильнул к окулярам прибора. К боевикам присоединился ещё один и они уже вчетвером с любопытством наблюдали за нашими позициями. Наконец пошла команда на пристрелку Ропера дымовым снарядом, рядом со мной, стоя на коленях, расположился Семёнов и тоже стал наблюдать за боевиками в бинокль. В это время, в тридцати метрах сзади нашего НП капитан Шпангель построил своих офицеров и теперь что-то возбуждённо им толковал. По радиостанции послышалось – «Выстрел!» Все вскинули бинокли, а я прильнул к окулярам и навёл прибор на вероятное место падения снаряда. Краем глаза успел заметить, как подполковник Семёнов, который стоял рядом со мной на коленях начал мягко валиться на спину: и тут же послышался, звук стремительно приближающегося снаряда.

– Чёрт...! Низковато что-то идёт, – успел ещё подумать, как в тридцати метрах правее нас громко рвануло и появился белый шар разрыва дымового снаряда, а сзади меня послышался радостный вопль командира первого батальона: – Вот поэтому и нужно носить бронезилеты...

Повернув голову в сторону разрыва, увидел, что снаряд разорвался, не долетев семи метров до стоявшего на позиции танка. Начинка дымового снаряда разлетелась и на месте разрыва стелилось густое облако белоснежного дыма. Рядом со мной ожесточённо начали спорить Громов и Семёнов, разбираясь, кто виноват в ошибке при подготовке данных. Пришлось их оборвать: – Хорош спорить, идите посмотрите – всё ли там в порядке?

С места разрыва послышался возбуждённый голос Алексея Шпангеля: – Ну, Борис Геннадьевич, вы и даёте..., чуть моих не накрыли. – А ещё через минуту оттуда вернулись Громов и Семёнов, продолжая спорить о степени виновности друг друга: – Всё нормально, товарищ подполковник.

– Если всё нормально – хватить спорить, давайте дальше работать. – Я прильнул к окулярам и увидел картину, возмущившую меня до глубины души. Посередине окраинной, пустынь-

ной улицы стоял, пританцовывая, боевик и руками показывал всемирно известные, оскорбляющие нас жесты.

– Гутник, дальность по духу, – начальник разведки быстро навёл дальномер на боевика и измерил дальность.

– Дальность – тысяча сто метров, – прокричал он.

– Что-то маловато дальности, – успел подумать я, но уже автоматически скомандовал прицел и доворот: – Огонь!

Снаряд опять низко прошелестел над головой и разорвался, не долетев до окраины Горагорска метров восемьсот. Боевики с любопытством выглянули не только из под копны, но я теперь заметил ещё несколько голов высунувшихся из окопов, идущих вдоль сараев. Боевик продолжал стоять на улице, приплясывая на месте, продолжая показывать нам непристойные жесты.

Удивлённый схватил карту и начал её рассматривать – Почему такой недолёт?

– Семёнов, проверить установки. Гутник ещё раз пробить дальность.

– Дальность – тысяча девятьсот, это я ошибся, – виновато прокричал капитан. Я ввёл поправки и снова скомандовал – Огонь!

Теперь снаряд разорвался хорошо – в тридцати метрах сзади копны. Головы духов мигом исчезли в окопах. Боевик же, мгновенно прекратив пляску, заметался по пыльной улице, а затем повернул в сторону сараев и крупными скачками помчался туда. Подбежал к ближайшему окопу и спрыгнул вниз. В этот момент я уже закончил передавать команду. Залп! Над нами пролетело четыре снаряда и один из них попал прямо в окоп, куда скрылся боевик. Остальные, подняв высокие султаны разрывов, тоже легли по позициям духов. Пыль от разрывов на несколько секунд закрыла окраину населённого пункта, а через минуту ветром быстро снесло пыль в сторону, открыв пятерых боевиков бежавших от скирды к отдельно стоящему дому. Двое подбежали к разбитому окопу и, убедившись что там забирать уже нечего, также бегом устремились к дому и скрылись внутри его.

Скорректировав огонь по дому, подал команду – Огонь! И боевики тут же выскочили из дома и побежали в сторону скирды.

– Ничего себе, они, что прослушивают нашу частоту? – Удивлённо чертыхнулся про себя, – Ну, ничего сейчас мы это проверим. Снаряды кучно легли вокруг здания, закрыв его разрывами. Теперь скорректировал огонь по скирде. Только послышалась команда с огневых позиций – Залп! Боевики выскочили и побежали обратно в сторону дома, а снаряды обрушились на скирду и сараи, подымая в небо обломки деревянных строений

– Полтава! Правее 0-03, 200 на 200, по четыре снаряда беглый огонь! – Теперь попробуйте убежать с зоны поражения. Выскочив из дома, боевики побежали к жилому массиву, и только они там скрылись, как туда обрушился огневой налёт – 48 снарядов. Окраину Горагорска густо затянуло дымом и пылью, а ещё через несколько секунд всё это свалило в сторону. В оптический прибор заметил невредимых боевиков, выглядывающих из-за угла дома стоявшего в начале улицы. Осмотревшись, духи опять побежали к отдельно стоящему зданию. Удивительно, но было хорошо видно, как у одного из них в руках была пластиковая полупрозрачная канистра, в которой плескалась вода. Ещё двое выскочили из сада, несколько в стороне, и тоже устремились за первыми боевиками и скрылись за домом. Я закончил перенос огня на дом. Огонь! Над головой прошелестели снаряды и кучно легли вокруг здания, а один из них попал прямо в него, подняв над домом столб дыма и красной кирпичной пыли.

– Да, если там боевики и даже если никого не убило, то мало им не покажется, – подумал, наблюдая за полуразрушенным жилым строением. Ветер тут же отнёс в сторону пыль от разрывов. Дом дымился, но огня видно не было, боевиков тоже. Понаблюдали ещё несколько минут – боевики не появлялись. Наверно, всё-таки их уничтожил.

– Гутник! Наблюдай за районом дома ещё минут сорок, может выжидают. – Я встал, с наслаждением потянулся. Настроение было прекрасное. Если я уничтожил семь боевиков, и если каждый офицер, уже не говоря о солдатах, уничтожит тоже по семь боевиков – то война закончится очень быстро и, наверно, навсегда.

Справа над ухом, в нескольких сантиметрах от головы, противно взвизгнула пуля. Я и все остальные мгновенно присели и Алексей Шпангель, который наблюдал в бинокль, из окопа за работой артиллерии засмеялся: – Я же вам говорил, товарищ подполковник, что с фермы работает снайпер, а вы тут приехали и как на параде расположились.

– Ничего, товарищ капитан, если сразу он не попал то теперь не попадёт. – Мы все, кроме Гутника, который продолжал наблюдать за домом и за окраиной Горагорска, навели приборы и бинокли на ферму.

– Дальность до фермы 830 метров, – прокричал разведчик. Командир первого дивизиона подал команду. Через минуту над нами прошелестел снаряд и разорвался, перелетев ферму метров сто пятьдесят. Траектория была совсем низкая и казалось, что даже ветерком пронесло, когда пролетал снаряд. Семёнов вопросительно повернул голову в мою сторону.

– Семёнов! Дивизиону, Стой! Шпангель давай по ферме своей батареей поработай, а то я опасуюсь, как бы твоих не зацепить, очень уж низко идёт снаряд.

В течение ещё часа мы все наблюдали за окраинами Южного Горагорска, но больше никакого движения не заметили. Собралось, я поставил задачу Семёнову на углублённое ведение разведки, на устранение недостатков по ведению документации на НП и вообще по наведению элементарного порядка вокруг наблюдательного пункта.

На обратном пути остановились около подбитой «Жиги», по которой в наше отсутствие уже успел проехать танк. Крыша практически до пола была продавлена, а у убитого мужчины из-за этого под неестественным углом была вывернута нога. На КП, куда я приехал через полчаса, уже все знали про уничтоженных семь боевиков. Не я уничтожил, а первый дивизион – говорю всем, но все поздравили именно меня. Конечно, приятно видеть своими глазами как от твоих снарядов погибают враги. Рассказал вечером об этом своим офицерам, а те сразу загорелись завтра ехать и тоже пострелять по боевикам.

Следующий день прошёл в суматохе. Я остался дежурить на ЦБУ, а Чистякова и Кравченко отпустил в первый батальон «повеселится». Целый день гремел 1ый дивизион, да так гремел, что командир полка возмутился. Пришлось останавливать стрельбу, а вечером мои офицеры вернулись очень довольные и полные впечатлений.

* * *

Только вернулись с КНП полка, простояв у населённого пункта Комарово четыре дня. 9 октября 3-й батальон начал обходное движение вокруг Горагорска, чтобы занять по хребту оборону и блокировать населённый пункт с востока. Полковой наблюдательный пункт расположили на хребте в распоряжение 3-го батальона, а внизу, в километре от нас, лежал сам населённый пункт Комарово. Раньше это был русский посёлок, но постепенно чеченцы потеснили русских и сейчас там было большинство чеченцев, но они традиционно сохраняли лояльность к русской власти. В первый день, когда третий батальон вышел к Комарово, танкисты сгоряча обстреляли посёлок, и сейчас хорошо были видны разбитые сараи и дома. Правда, таких было совсем немного. Слева от Комарова, по горе занимала оборону седьмая рота, которая своими позициями огибала посёлок и не доходила до холма со стелой (ориентир номер четыре) метров триста. Там по данным разведки уже был опорный пункт боевиков. Справа от холма и дальше вдоль дороги на окраине Горагорска стояло с десяток заколоченных, проржавелых коммерческих ларьков, традиционно кирпичного цвета и замерших в ожидании «ужасного штурма и не менее ужасной зачистки» сам населённый пункт.

Первой, в пешем порядке, начала выдвигаться разведывательная рота. В соседнем 245 мотострелковом полку развед. рота пошла в бой на машинах и попала в засаду – 3 БМП под-

бито, 6 человек ранено и 8 убито. Учтя этот печальный опыт, разведчики развернулись в цепь и без выстрелов заняли высоту со стелой. Там действительно был оборудованный опорный пункт боевиков: отрыты окопы и капитально обустроенные пулемётные гнёзда, но самих боевиков не было. Ещё через несколько минут разведчики перерезали и дорогу, связывающую Горагорск с Моздоком. И тут на разведчиков из Горагорска неожиданно выскочил красный «Москвич» с двумя боевиками. Увидев так близко русских солдат на дороге, духи начали лихо радочно разворачиваться, одновременно открыв огонь из машины. Но силы были явно неравные и через минуту боевики были уничтожены, а разведчики в азарте боя перенесли огонь гранатомётчиков на коммерческие палатки, две из которых сразу же запылали от прямых попаданий. Стремительным рывком разведка заняла район ларьков, но там никого не было. В двухстах метрах по дороге начиналась окраина города и на небольших высотках возвышались две больших, ржавых цистерны, которые были взорваны ещё в первую войну. Это была удобная позиция и там вполне возможно могли находиться боевики. Разведчики подогнали свои БМП и два танка, сели на них и начали спускаться по дороге вниз, обходя Горагорск с востока. Со стороны цистерн, а может с другого места по нашим было сделано несколько выстрелов, а я по согласованию с разведчиками начал методический обстрел горки с цистернами с интервалом между снарядами в тридцать секунд. Разрывы возникали вокруг цистерн, некоторые рвались за ними, в разные стороны летели комья земли, обломки здания и стрельба со стороны боевиков сразу же прекратилась. К стеле начали подтягиваться 8ая и 9ая роты, которые должны были идти за разведчиками, а из-за холмов к нам выскочили две пары вертолётов. Одну пару авиационный наводчик направил на Горагорск: она начала ходить кругами и обстреливать НУР-Сами городок. Но особенно досталось зданию школы и району вокруг неё, где было замечено передвижение нескольких боевиков. Вторая пара сопровождала разведчиков и роты третьего мотострелкового батальона, которые постепенно спускались беспрепятственно вниз и уходили за разведчиками в направлении горы Орлиная.

На КНП царило весёлое возбуждение – пока всё шло нормально. Ко мне подошёл полковник Борисенко: – Ну что, Копытов, у тебя всё пока идёт как надо – Молодцы. Так и действуй дальше. И Гончаров доволен работой артиллерии. – Накануне (вчера), во время проведения рекогносцировки к нам на КНП приехал командующий группировки генерал-майор Гончаров. КНП ему очень понравилось, большое и просторное. Но остался недоволен тем, что наблюдательный пункт не оборудован под него – Командующего.

Ходит по окопу недовольный и обиженно зудит, постоянно дёргая полковника Никитина и объясняя суть своего недовольствия: – Вы что, товарищ полковник? Я ведь всё-таки Командующий, и у вас тут должен для меня накрыт стол. На нём помидорчики порезаны, лучок, салатик, ещё чего-нибудь, ну чай, конечно, бутерброды с салом. А за КНП, где-нибудь стоит салон для отдыха, чтобы я мог спокойно отдохнуть... Неужели вас этому надо учить?

Поэтому сегодня всё было выполнено и накрыто, как хотел командующий. Гончаров остался доволен и ходит «гоголем» по окопу. То подсядет к столу, что-нибудь перехватит, да ещё в этот момент отдаёт приказы (тут я его и сфотографировал). Выставил опять свой спутниковый телефон и на виду у всех звонит по телефону своей жене. Очень интересно мне за ним наблюдать. А как только он отвернётся, мы сразу же с его стола чего-нибудь, да и стащим и быстро, быстро жуём. Он вернётся к столу – смотрит, а там половины закуски нет. К нам повернётся, а мы все старательно работаем: кто смотрит в оптический прибор, кто сосредоточенно разглядывает карту, начальник связи переговаривается по радиостанции. Гончаров нахмурится недовольно, но не ругался.

Продвижение разведчиков и мотострелков проходило без особых напрягов, и к трём часа дня они приблизились к горе Орлиная. По просьбе командира разведывательной роты я навёл второй дивизион на вершину горы, где предполагались позиции боевиков, и нанёс огневой налёт в 48 снарядов. Дивизион Чикина как всегда наводил долго, я уже начал «закипать» когда

с огневых позиций дивизиона наконец пришла команда – «Залп!». Я и не надеялся, что мы попадём по вершине, так как поправки на стрельбу были весьма приближённые, да и дальность была довольно большая – около 13 км. Но из радиостанции послышались радостные крики: – Нормально..., прямо по вершине врезали. – Я перевёл дух и незаметно огляделся. Очень не хотелось своей стрельбой опозориться, да и подвести командира полка в глазах Командующего. Видно, как он переживал за ход операции.

Прошло ещё минут сорок, и командир 3-го батальона доложил о занятии горы Орлиная. На вершине был обнаружен хорошо укреплённый опорный пункт боевиков, оставленный буквально перед приходом наших подразделений. Гутник доложил, что огонь второго дивизиона лёг прямо по окопам, причём очень кучно, отклонение самого дальнего разрыва от окопа составляло метров сорок. Большинство легло прямо по окопам, где видны были следы крови, окровавленные бинты и остатки обмундирования. Я был очень доволен такой хорошей стрельбой. Разведчики и подразделения третьего батальона начали окапываться и готовиться к обороне. Задача дня была выполнена. Появилась следующая пара вертолётов и по распоряжению командира полка была направлена в район Орлиной, так как начали поступать доклады, что в полутора километрах от позиций разведчиков, которые окапывались на горе появились духи. Они скакали как индейцы на лошадях и стреляли в сторону наших позиций. Чуть в стороне по чистому полю из стороны в сторону мотались несколько легковых автомобилей. Но в этот момент, неожиданно для боевиков, появилась пара вертолётов и сходу дала залп по автомобилям, одна из которых была сразу накрыта и взорвалась. Остальные поспешно развернулись и скрылись. Боевики под огнём скакали на лошадях и с ходу стреляли по вертолётам из автоматов, всё дальше и дальше удаляясь в сторону населённого пункта Нагорное и бой постепенно затих. С КНП полка уехал генерал Гончаров, уехал и командир полка, а чтобы не ездить туда-сюда, зная, что мы тут ещё будем стоять несколько дней, я послал лейтенанта Коротких, который пригнал на КНП наш кунг и прицеп под взвод.

Ночь прошла спокойно. На следующий день опять приехал на КНП полковник Никитин, но целый день простояли в бездействии. Подразделения третьего батальона продолжали окапываться и обживать на новом месте. Личный состав 7ой роты, как только почувствовал, что командир батальона с командованием батальона переместился дальше, и стало меньше за ним контроля, сразу группами в несколько человек потянулся в Комарово на «мародёрку». Целый день майор Порпленко носился с КНП в Комарово и гонял бойцов, которые тащили из деревни продукты питания и вещи. Это очень злило всех присутствующих офицеров на КНП. Можно понять, когда всё это берётся из брошенного дома, но совершенно по-другому смотрится, когда всё это берётся или отбирается у населения, тем более населения, которое лояльно относится к нам. С такими солдатами, когда их ловили, расправлялись жестоко. Кроме того, как ловили наших мародёров, мы ещё потихоньку долбили Горагорск. В принципе так и прошёл день.

На следующий день командир полка уехал в третий батальон, а на КНП остался заместитель командира полка подполковник Тимохин Владимир Васильевич. Вместе с командиром полка уехал на Орлиную и капитан Кравченко заменить Гутника. Так как я, да и все остальные уже поняли, что боевики влезают в радиосеть и слушают нас, то договорился с огневиками и со своими офицерами о секретном слове. В данном случае это название города Серов – родины Кравченко. Оно заменяет слово – Огонь!

Примерно в одиннадцать часов из Комарово с белым флагом показались двое мужчин и направились прямо к КНП. Подошли на сто пятьдесят метров и остановились, подполковник Тимохин, командир седьмой роты, я и несколько солдат для охраны спустились к двум пожилым мужчинам в шляпах и костюмах. Один из них, с усиками был старейшина Комарово, который и обратился к нам.

– Товарищи офицеры! Мы вынуждены обратиться к вам за помощью. Как только ваши подразделения подошли к нашему посёлку, все жители, зная о возможных последствиях, пере-

стали покидать посёлок. Конечно, мы заранее заготовили запасы, чтобы пережить это время, но сейчас у нас к концу подходят запасы питьевой воды. Раньше, ещё до первой войны вода поступала к нам из Горагорска. Вон, видите на холме две большие цистерны, вот оттуда и поступала вода, но ещё в первую войну эти цистерны были взорваны. В период между войнами никто водопровод не восстанавливал, поэтому мы доставляли воду централизованно на весь посёлок из скважины. У нас есть большая ёмкость, которую мы цепляем за трактор и раз в сутки завозили в посёлок. Скважина здесь недалеко в паре километров. Но мы боимся различных эксцессов, которые могут возникнуть при встрече с вашими солдатами и другими подразделениями. Вот мы и предлагаем доставить на скважину некоторое количество горючего, у нас там есть движок, который вырабатывает электричество и подаётся вода. А для сопровождения прицепа с водой нам нужна ваша охрана. Да и вы сами можете брать там воду. – Старейшина замолчал, вопросительно глядя на нас.

Это было заманчивое предложение, так как воду мы возили с территории Ингушетии, с нп. Новый Редант, а это далеко, да и был целый ряд своих негативных моментов. Так уже были случаи давления со стороны местного населения на наших военнослужащих с целью продажи ими боеприпасов, оружия, горючего и другого материально-технического имущества. Солдаты везут оттуда также и спиртные напитки.

Тимохин задумался на несколько секунд и пообещал обсудить сегодня с командиром полка этот вопрос. Завтра своё решение он доведёт до старейшины через командира роты.

– Как наши солдаты, не досаждают жителям? – Задал вопрос Тимохин старейшине и тот замялся, медля с ответом, но потом заговорил: – Конечно, мы рады помочь вашим военнослужащим. Понимаем в каких условиях они живут и питаются, и мы готовы помочь вашему командованию в этом вопросе, но хотелось бы чтобы вопросы посещения военнослужащими нашего посёлка, дабы избежать каких-либо инцидентов, урегулировали вы – командиры, – дипломатично ответил чеченец.

Тимохин оглянулся на командира седьмой роты старшего лейтенанта Соболя: – Значит решим так. Сейчас, около вашего посёлка некоторое время будет находиться то подразделение, которое стоит вон там на холмах. Командир этого подразделения вот он – старший лейтенант, зовут его – Женя. Все вопросы взаимоотношений между вами и армией будете решать с ним или через него с нами. И спрос будет с него, и достаточно серьёзный. Понял, товарищ старший лейтенант? – Соболя недовольно поморщился, но согласно мотнул головой

Зам. командира полка стал обсуждать со вторым мужчиной практические вопросы. А я спросил старейшину, почему много скота гуляет без присмотра, так ведь много его может и пропасть. Вспомнилось одно из выражений во время первой чеченской войны – «Корова, отошедшая от дома на двадцать метров, считается диким животным». Старейшина заулыбался, поняв подоплёку вопроса.

– Этот вопрос решается просто. Вы не трогаете тот скот, который пасётся под присмотром наших пастухов. Весь остальной беспризорный скот, можете использовать для дополнительного питания. Наш скот пасётся около подстанции и вон там, – старейшина показал рукой на два достаточно больших стада.

– Но меня волнует больше другой вопрос, товарищ подполковник. Вы наверно занимаете достаточно большую должность в своей части, чтобы его можно было решить, а я бы за благодарностью не постоял. Видите ли, когда ваши танки вышли на высоты вокруг нашего посёлка и в пылу боя начали стрелять по посёлку, пока их не остановили, то первым же снарядом попали в мой дом. – Старейшина повернулся и рукой показал свой дом в центре, а я с интересом поглядел туда в бинокль. Действительно, половина дома была разрушена, и очень качественно. – Но дело не в моём доме. Вы наверно в ходе боёв за Горагорск хорошо представляете расположение южной части. – Я опять молча кивнул головой.

– Так вот, на выходе из Горагорска, где стоит МТС, в восьмидесяти метрах, в глубине частного сектора, на высоком фундаменте стоит большой дом. Его хорошо можно узнать по двум высоким дымовым трубам.

Ещё раз кивнул головой: – Да, знаю этот дом. А в чём дело?

Старейшина сокрушённо вздохнул: – Это дом моей сестры. Я сегодня ночью был там. Сестра плачет и рассказывает, что южный Горагорск постоянно обстреливают артиллерией и очень много домов уже повреждены и разрушены, но дом сестры ещё цел, хотя вокруг него уже разорвались несколько снарядов. Хотелось бы, чтобы вы распорядились туда не стрелять, – старейшина схватил меня за руку и поспешно зачастил, – дайте, товарищ подполковник, команду чтобы туда не стреляли, дайте, а я за ценой не постою. Там ведь семья моей сестры, племянники – жалко их.

– Есть боевики в южном Горагорске? – Спросил прямо и без экивоков и старейшина замялся: – Я сам никого из них не видел, но люди говорят, что они есть и их не так уж много.

– Ну, сколько – немного? Несут ли они потери от нашего огня? Что говорят люди? – Продолжал давить на него. Видно, что старейшине не нравится такой поворот разговора и его можно было понять: ведь он находится между двух огней. Между нами и боевиками, и ни с кем не хочется портить отношение, но говорить ведь что-то надо.

– Ну..., я не знаю..., но люди говорят, что немного. Да потери несут и каждый день. Раненых отвозят на лечение в Грозный. Больше ничего не знаю.

В принципе на этом переговоры и закончились. Мы вернулись к себе на КНП. Я сразу же расстелил карту, нашёл место, где стоял дом сестры старейшины, потянул к себе радиостанцию.

– «Полтава! Самара! Я Лесник 53! Цель 177. 150 на 150», – дальше продиктовал координаты дома, – «Огневой налёт. Расход 48 снарядов. Огонь!» – За всё надо в жизни платить. И ты старейшина косвенно виноват, что своей пассивной позицией, вместе со своими односельчанами и своим чеченским народом, своим молчанием способствовал тому, что две войны прокатилось по вашей земле. За всё надо платить – товарищ старейшина. Загрохотали вдали два моих дивизиона. В районе Южного Горагорска поднялись клубы пыли и дыма. Пусть теория относительности и твой Аллах отведут мои снаряды от дома твоей сестры.

Вечером, в 23:00, я сидел на КНП, прослушивая эфир, и слушал как Кравченко работал с первым дивизионом. Засекли в полутора километрах от позиций разведчиков на горе Орлиная небольшую группу боевиков, которая перемещалась на местности и наблюдала за нашими подразделениями

Судя по командам, что подавал Кравченко, дело не ладилось. Боевики опять прослушивали радиоэфир и, услышав команду – «Огонь», успевали покинуть район огневого налёта, ведь полётное время снаряда составляло около тридцати секунд.

– Полтава! Я, Мрамор 10. Пора поиграть.

– Правильно, – подумал я, продолжая с интересом прослушивать эфир.

– Мрамор 10! Вас понял, я готов. Давай играть в города, данные прежние. Начинаю – ответил начальник штаба первого дивизиона и тут же продолжил, – город Москва.

– Полтава! Архангельск, – в ответ послышалось от Кравченко.

– Мрамор 10! Кемерово.

– Полтава! Орёл.

И так перебрали уже десяток городов, но слова – Серов, всё не звучало.

– Мрамор 10! Барнаул.

– Полтава! Серов! Серов! Ёб твою м...ь. Серов! Быстрее – Серов!

– Мрамор 10! Я понял – Серов! – в эфире повисла напряжённая тишина и я тоже затаился, ожидая звук залпа со стороны первого дивизиона. И в этот момент, посторонний абонент, видать боевик, слушая игру в города, с сильным кавказским акцентом влез в эфир: – Ээээ....

Какой Сиров? Ведь был город Барнаул, эээ... значит должен быть, к примеру, город эээ... Липецк.

– Я, Мрамор 10, заткнись долбоёб, если ты ничего не понимаешь.

Наконец с огневых позиций донёсся залп, начинающий огневой налёт. Прошуршали в небе снаряды, и ушли в сторону чеченцев, ещё несколько секунд и далёкие вспышки разрывов, кроваво отразились на облаках, а в эфире прозвучал радостный вопль Кравченко: – Молодцы, Ока! Есть! Накрыли духов, не успели убежать.

Кравченко довернул ещё чуть левее и дальше, дал ещё пару залпов. Больше духи нигде не наблюдались. Послушав ещё минут двадцать, переговоры в эфире, я оставил дежурного артиллериста и ушёл спать.

Следующий день тоже тянулся долго и нудно. На КНП из полкового начальства был только я. Никаких боевых действий ни с нашей стороны, ни со стороны боевиков не велось, В двенадцать часов пошёл в кунг, решив немного вздремнуть, а проснулся от того, что меня за плечо тряс связист с роты связи: – Товарищ подполковник, там ваши артиллеристы на связь выходят и некому ответить.

Я вскочил с кровати и обвёл мутным от сна, взглядом салон, где на кроватях вповалку спали все мои офицеры. Выскочив из кунга, в несколько прыжков ворвался на КНП. Действительно, в окопе никого из моих солдат не было, а из наушников неслось: – Лесник 53! Лесник 53! Я, Мрамор 10. Ответь мне.

– Мрамор 10. Я Лесник 53.

– Лесник 53. Мы здесь закончили работу и вместе с Танкером выдвигаемся к вам, Приём.

– Мрамор 10, я вас понял. Ждём. – Я положил наушники. – Значит, стояние здесь закончилось, через час сюда прибудет Никитин и мы уйдём в лагерь.

– Так, тогда не понял, а где все остальные мои? Дежурный связист, дежурный разведчик..., офицеры..., – переключился я на своё и во мне закипело бешенство. Воспользовавшись тем, что я ушёл спать, остальные бросили приборы, связь и тоже решили вздремнуть. Выскочив с КНП, подскочил к прицепу взвода и яростно затряс его, заорав в бешенстве: – Выходи сволочи из прицепа, пока я его не взорвал.

Первого солдата, который вывалился на меня из прицепа, сгрёб в охапку и затряс его: – Ты кто? – Неистово заорал я на него.

– Товарищ подполковник, я разведчик..., я разведчик..., – испуганно залепетал солдат.

– Ах ты разведчик, так почему ты разведку не ведёшь, а спишь? – Сильным пинком под зад послал его в окоп. Тут же на меня вывалился следующий солдат.

– А ты кто? – Схватил его и затряс.

– Я связист, товарищ подполковник.

– Почему же ты не сидишь на связи? – И точно таким же манером связист улетел на КНП. Так постепенно я отправил в окоп всех солдат. Последним мне в руки попался заместитель командира взвода сержант Палло.

– Товарищ подполковник, я замкомвзвод, только не бейте меня. Я замкомвзвод..., – забормотал сержант, а я засмеялся – злости уже не было. Лишь толкнул его к окопу и следом за ним зашёл туда же, где увидел идеальную картину для начальника. Все были заняты своим делом. Разведчики старательно пялились в буссоль и дальномер, хотя наверно от испуга ничего в них не видели. Связисты: один продувал телефонную трубку, а другой с таким же упорством вызывал первый дивизион, который ему так же упорно не отвечал. Тут же уже находились, проснувшиеся капитан Чистяков и лейтенант Коротких, они оба склонились над картой и что-то тихо обсуждали. Даже чужие солдаты с испугом смотрели в мою сторону.

– Алексей Юльевич, – позвал Чистякова, – иди сюда.

Мы отошли в сторону, так чтобы нас не слышали солдаты. – Чистяков, что за ерунда? Ты, наверно, не совсем понимаешь какая у тебя должность? А ты – Старший Помощник Началь-

ника Артиллерии Полка. – Я почти по слогам произнёс последние слова. – Если начальник артиллерии отсутствует по каким-либо причинам, то ты должен его замещать и решать все возникающие вопросы. А ты почему-то в салон лезешь и спокойно ложишься спать? Мне, товарищ капитан, сорок пять лет и я гораздо быстрее устаю чем ты, Краченко или Гутник. Тебе двадцать семь лет и в твои годы я вообще не знал что такое усталость. А сейчас здорово устаю. Да устаю, потому что ощущаю огромный груз юридической и моральной ответственности, поэтому психологически и физически устаю быстрее вас – молодёжи. А я ведь наравне с вами работаю, и по ночам дежурю наравне с вами. Вы только после ночного дежурства сразу спать бежите, а я вместо сна решаю с командиром полка вопросы не только артиллерийского обеспечения, но и другие вопросы или же выезжаю вместе с ним. Вот я пошёл сейчас спать – ты тогда должен здесь в окопе сидеть с разведчиками и связистами. Сделать всё, чтобы начальник подольше поспал и отдохнул, а ты тихонечко, следом за ним, пробрался в кунг и лёг рядом спать. Нехорошо. Чистяков проникнись, что ты не просто помощник начальника артиллерии, как Краченко, а Старший помощник и ответственность несёшь почти такую же, как и я. А ты понять этого не можешь. Это то меня и огорчает.

Чистяков переминался с ноги на ногу, обиженно отворачивая лицо в сторону, так ему было неприятно. Много мне в нём не нравилось и я считаю, хотя это и субъективная точка зрения, но он не дорос до этой должности. Нет у него и возрастного веса, достаточного военного и житейского опыта, чтобы занимать эту должность и пока он был лишь простым исполнителем моих указаний. Конечно, он считал, что имеет достаточно опыта и как-то в разговоре со мной поделился своей «голубой мечтой», что он готов быть начальником штаба отдельного противотанкового дивизиона. Долго терпел его упущения по службе и сейчас впервые, как стал начальником артиллерии, по серьёзному отругал Чистякова.

– Надеюсь, Алексей Юльевич, что ты поймёшь, о чём здесь я толковал и сделаешь правильные выводы. А сейчас дай команду, чтобы ВУНА (Взвод Управления Начальника Артиллерии) построилась

...Я подошёл к небольшому строю взвода управления и медленно прошёлся вдоль него, глядя в лица солдат, после чего остановился напротив командира отделения разведки.

– Шароборин, ты командир отделения разведки, вот тебе и вопрос. Что из себя представляет данная местность и оборона нашего полка? – Сашка захлопал глазами, повернул голову налево, посмотрел на Евдокимова, затем посмотрел на Ахмерова, который стоял справа, и недоумённо пожал плечами.

– Шароборин ты же, как разведчик постоянно трёшься около меня во время боевой работы и информацией обладать должен большей, чем другой солдат взвода и мыслить должен как разведчик, более шире, чем связист, к примеру, а ты спишь, – теперь уже обратился ко всему взводу, – товарищи солдаты, послушайте, что скажет вам начальник артиллерии. Оборона нашего полка растянута более чем на двенадцать километров и сплошной линии обороны нет. И если можно так образно сказать, то сейчас у нас очаговая оборона и разрывы между очагами в обороне достигают до четырёхсот метров. А местность здесь, посмотрите направо, – все повернули головы в сторону обороны первого батальона, – холмистая, резко пересечённая, кругом множество полей невидимости. И поэтому даже днём противник под носом первого батальона, и даже под нашим носом может скрытно выдвинуться из Горагорска, зайти к нам в тыл и с этого направления, или с другого направления внезапно атаковать КНП или КП полка. А вы до сих пор живёте реалиями мирного времени, как на Чебаркульском полигоне, где на весь лагерь ночью для охраны достаточно иметь нескольких дневальных с тупыми и грязными штык-ножами. Проснитесь, мы на войне... И враг здесь хитрый и коварный. У вас ни у кого нет таких родителей, которые могли бы вас спокойно выкупить из плена. Думайте хотя бы о них. Вам всем понятно, балбесы? – Солдаты как китайские болванчики закивали головами.

– Не слышу, – взревел я.

– Так точно, всё понятно товарищ подполковник, – проорал строй и замер.

– Вот так, товарищи солдаты, – удовлетворённо сказал я и ещё в течение десяти минут инструктировал их как действовать в тех или иных обстоятельствах, а потом распустил строй. Через десять минут я удобно сидел в кресле с кружкой крепкого чая в руке и с любопытством наблюдал, как мой взвод, вздрюченный пятнадцать минут назад, отбил в сторону от беспризорного стада корову и пытался убить несчастное животное. По ней уже сделали несколько выстрелов и корова хотя и вся в крови, но продолжала упорно двигаться за стадом. А стадо, недоумённо и испуганно мыча, уходило всё дальше и дальше. Наконец силы у коровы иссякли и она упала сначала на передние ноги, а потом медленно завалилась на бок. Ещё несколько выстрелов в голову и всё было кончено. Теперь бойцы с ножами в руках растерянно ходили кругами вокруг неё, не зная с чего начать. Первым решился водитель салона Степан Вершинин, присел на корточки и стал пытаться ножом разделать животное. А через несколько минут около коровы появились с ножами солдаты с мотострелкового взвода, которые обороняли КНП, и, отодвинув моих бойцов в сторону, умело и сноровисто начали разделять тушу.

– Коротких! Иди туда, а то мяса нам достанется самое хреновое, – послал я взводного. Лейтенант спустился вниз и неуверенно стал топтаться вокруг пехотных солдат. Не знаю, что он там говорил, но как я с неудовольствием отметил – ещё несколько минут и мы вообще останемся без мяса. Наглая пехота, которая уже сняла с коровы шкуру, на взводного и его слова даже не обращала внимание. Я поднялся и спустился вниз, раздвинув солдат. Пехотинцы, делая вид, что не замечают меня, ловко и споро продолжали орудовать ножами.

– Значит так, как разделаете тушу, вот эти задние ноги отдадите моим солдатам. Ясно? – Солдаты, делая вид, что ничего не слышат, продолжали молча работать.

– Солдат, ты, что? – Я пнул ногой под зад ближайшего бойца, – Ничего не понял? Хотя бы подыми рожу, когда с тобой подполковник разговаривает, – солдат прекратил работать и нехотя поднялся.

– Я ещё раз повторяю. Для долбоёбов. Когда разделаете тушу, отдадите моим солдатам обе задние ноги. Понятно? А то я всё заберу себе.

Солдат нехотя согласно мотнул головой и принялся дальше разделять бедное животное. Я же отвёл в сторону Коротких и отругал его за неуверенное поведение в общении с солдатами. Вообще, частенько замечаю, что Коротких действует без инициативы, предпочитая больше поспать. Никак не может понять, что это его солдаты, о которых он должен денно и нощно заботиться.

Вскоре прибыл командир полка, и через час мы были в лагере. Уже вечером полковник вызвал к себе и, сообщив мне, что завтра мы проедем с ним в третий батальон, отпустил меня. В салоне уже собрались мои офицеры, вскипятили чай и за чаем Кравченко и Чистяков стали жаловаться на разведчиков. Давно заметно, что разведчики свысока стали поглядывать на всех, в том числе и на моих артиллеристов.

– Борис Геннадьевич, – недовольно гудел Сашка, – нас там ни во что не ставят. Садятся кушать, нас не приглашают, мы кушаем как прокажённые – отдельно. Начинаем стрелять, начинают издеваться над нами. Конечно, пока мы работаем не на том уровне, но всё-таки бьём духом. Только начинаем стрелять, садятся рядом и начинают подкалывать – Сейчас будем кино смотреть про артиллерию. Обидно. Сами стрелять не могут, а подкалывают.

Я тоже постепенно заводился, злился, но успокаивал своих подчинённых – ничего ребята, ничего, когда-нибудь они поймут, что без артиллерии – никуда. Посидели ещё немного, и я лёг спать, мне в два часа ночи заступать дежурить.

* * *

Утром, после завтрака построил солдат и своих офицеров перед салоном. Мне совсем не нравится, как мы расположились: стоим на голом месте, ни какого уюта. ПРП, ЗИЛ, солдатский прицеп всё в куче. Предложил своим подчинённым подумать, пока отсутствую, как

окультурить наше расположение. Через час выехали, но выехали с опозданием. Очень долго собирались разведчики, и я не без злорадства наблюдал за их сборами. Командир перематерил командира развед. роты, тот бойцов, а те суматошно засуетились и мы наконец-то поехали. Миновали КНП, где мы простояли четверо суток. Двинули по верхней дороге над Комарово. Ещё полтора километра и выехали к стеле. Осмотрели окопы боевиков. В бинокль внимательно оглядел северную часть Горагорска – и не обнаружил никакого движения ни у цистерн, ни в видимой части города. Сели на технику, пересекли асфальтную дорогу и по крутому спуску, набирая скорость, начали спускаться в узкую долину между холмами. Промелькнули слева несколько домов, живописно окружённые садом и исчезли в клубах пыли. Через пару километров пересекли просёлочную дорогу и начали подниматься вверх по холму. Справа в километре показалась чеченская деревня, в которой вполне могли находиться боевики и обстрелять нас. А мы двигались по открытому пространству, даже трава была местами выжжена от разрывов снарядов. Поднялись на хребет то ли гор, то ли высоких холмов, высота которых колебалась от четырёхсот до пятисот метров, миновали несколько взводных опорных пунктов и выехали к командному пункту третьего батальона. Целью нашей поездки было найти место для расположения командного и тылового пунктов полка, но пока ничего подходящего не увидели.

На большой, достаточно ровной вершине холма расположились лагерем взвода связи и материального обеспечения батальона, миномётная батарея, взводный опорный пункт, а также танки, приданные третьему батальону. Наша колонна из нескольких машин остановилась. Командир слез с КШМки и зашёл в землянку командира батальона, а я пошёл проверить расположение миномётной батареи и её огневые позиции. Вместо Беляева меня встретил старший офицер батареи, который и провёл по окопам. Позиция была оборудована правильно и грамотно. Ящики с минами находились в укрытии. Над палаткой командира батареи развевался флаг, на котором весьма искусно был нарисован «Весёлый Роджер». Заглянуть в палатку офицеров и солдат я не успел, все начали садиться на технику, чтобы ехать дальше. Только сел на своё место, как колонна двинулась дальше. Через полтора километра по крутому подъёму поднялись на вершину горы Орлиная размером 50 на 50 метров. Действительно, на вершине был грамотно оборудован опорный пункт боевиков с разветвлённой сетью окопов. С удовольствием, уже своими глазами увидел воронки от наших снарядов, которые равномерно поразили весь опорный пункт. Были здесь и воронки поменьше от неуправляемых снарядов, запущенных с вертолётов. И, несмотря на то, что прошло несколько дней, всё ещё были видны следы крови в окопах, много окровавленных обрывков обмундирования и бинтов. В одном месте даже увидел след волочения по траве раненого боевика. На протяжении пяти метров, как его тащили, трава была обильно забрызгана кровью. Я был доволен. Без полной подготовки, без пристрелки, первым же огненным налётом поразил опорный пункт боевиков, лишь только несколько снарядов оторвались от цели. Вообще, все хвалят артиллеристов второго дивизиона за точность стрельбы, но и все отмечают, что наводят они тоже долго. Помимо окопов боевиков, разведчики, которые здесь располагались и мотострелки вырыли ещё окопы, обращённые в южную сторону. С той стороны, примерно в полутора километрах на равнине виднелись два достаточно крутых холма. Левый из них назывался из-за своей формы – гора «Верблюд». Ещё дальше в двух километрах виднелась чеченская деревня. Слева и чуть ближе горы Верблюд просматривались остовы двух легковых автомобилей боевиков. Когда наши захватили Орлиную, то танкисты расстреляли эти машины, пытавшиеся уйти.

Перешёл на другую сторону вершины и осмотрел местность оттуда. С этой стороны вершина обрывалась вниз очень круто, и склон тянулся метров на 600, а дальше унылая местность – невысокие холмы и холмы, голые холмы, причём глазу не за что зацепится. Правда, кое-где внизу виднелись разрушенные загоны и фермы под скот, где-то стояли одиночные деревья. А в двух местах сильно и дымно горели нефтяные скважины.

– Борис Геннадьевич, иди сюда, – позвал меня командир полка. Я подошел к группе офицеров, обступивших командира, – Борис Геннадьевич, тут разведчики рассказывают, что каждую ночь к горе Верблюд выдвигаются боевики и наблюдают через ночники за нашими позициями. Приезжают они каждый раз примерно в 22:00. Вот разведчики и предлагают. Незаметно выдвинуться, как только стемнеет к горе Верблюд, сделать засаду и уничтожить их, а ты поддержишь действия разведки огнём. Вроде бы, всё нормально, но много у меня сомнений по поводу этой засады. Ты обсуди пока свои артиллерийские вопросы с разведчиками, а потом я ещё подумаю и решу что делать.

Мы с Юркой Шадура и Сашкой Ефименко отошли в сторону. Обсудили детали засады и вопросы артиллерийского обеспечения. Решили так. По команде – «Восход» я делаю огневой налёт по перекрёстку дорог, где всегда боевики оставляют машины, прежде чем идти в нашу сторону. Но это после того, как боевики попадут в засаду. Кто уцелеет, ринутся к машинам, вот тут я их и накрою огневым налётом в 48 снарядов. Доложили своё решение полковнику Никитину. Он слушал и хмурился: видно было, что ему всё это не нравится и есть повод для сомнений. Мы ещё некоторое время побыли на вершине, попутно решив ряд вопросов. В том числе командир принял окончательное решение командный и тыловой пункты полка оставить на прежнем месте. Все замёрзли. На вершине очень сильно дул ветер и было холодно, а уезжая с горы, я искренне посочувствовал пехоте и разведчикам, которые оставались здесь. Спустились вниз, не останавливаясь проскочили место расположения третьего батальона. Сам комбат проводил нас до крайнего опорного пункта и остался, а мы через час вернулись в лагерь.

Подъехав к месту стояния наших машин, я был приятно удивлён. Кунг и прицеп солдат были обнесены маскировочными сетями. За прицепом из сетей было отгорожено пространство, где стояло кресло, стол и печка. Причём за массетью было даже уютно. Когда зашёл туда там уже разгуливали, привязанный за ногу индюк и пару куриц.

– Неплохо, – я повернулся к сопровождающим меня офицерам и солдатам взвода. Чистяков оживился: – маскировочной сетью именно так обнести придумали солдаты и командир взвода, они же съездили на ферму и привезли оттуда индюка. А куриц привёз в подарок командир первого дивизиона подполковник Семёнов. Это место мы решили назвать – «летним кафе».

Я поднялся в кунг, а там Кравченко на пол прибавал ковёр.

– Вот решили товарищ подполковник обувь снимать у входа и в салоне ходить только в носках. – Положив автомат, решил сходить до обеда на ЦБУ и узнать, как обстоят дела в других артиллерийских подразделениях. Дежурный артиллерист капитан Гутник при моём появлении встал и доложил, что всё нормально и без происшествий.

– Тут Семёнов приезжал, рассказывал, что утром обстрелял пятиэтажки в южном Горагорске, заметив там движение. Сейчас он находится в дивизионе и прибудет в 18:00 на совещание. Первая минометная батарея обстреляла школу и район дач в южном Горагорске. Второй дивизион огонь до обеда не вёл.

После обеда отрезал себе мяса и как в первую войну сварил мясной бульон. Вечером решили пожарить мяска и на ужин не ходить, а тут приходит с продовольственного склада Коротких и приносит от начпрод полка Саньки Арушанян три круга колбасы, сока, тушёнки. Я и забыл, что просил Саню чего-нибудь подкинуть мне со склада, а он не забыл. Так что нужно где-нибудь достать бутылку водки и с офицерами немного выпить.

В 17:30 я сидел на ЦБУ над картой, продумывая план ведения огня на ночь. Само собой второй дивизион ночью будет ждать команду «Восход» и обеспечивать огневое обеспечение засады разведроты, а также будет осуществлять освещение местности осветительными снарядами в интересах третьего батальона – один снаряд в пятнадцать минут. Первый дивизион ночью ведёт дежурный огонь по трём целям в районе Горагорска и тоже осуществляет освещение местности перед первым батальоном. Миномётным батареям задачи на ночь не ставил, это

вотчина командиров батальонов и пусть миномётные батареи работают исключительно в интересах батальонов. А я буду со своей стороны осуществлять жёсткий контроль за работой миномётчиков, как начальник артиллерии. Пока особого беспокойства они у меня не вызывали.

Палатка ЦБУ постепенно наполнялась офицерами, подходили и подъезжали командиры подразделений. Все обменивались своими впечатлениями, попутно решали с начальниками служб вопросы снабжения и ремонта техники и вооружения своих подразделений. С шумом ввалился Семёнов. Неделю безвыездно посидел на передке, но вёл себя, как будто он провоевал года два – этакий фронтовик. Пренебрежительно поздоровался с начальниками служб – тыловые крысы (было написано у него на лице). Поглядывая в мою сторону, начал хвастливо рассказывать, как он вёл сегодня огонь по пятиэтажкам в Горагорске и как он наблюдал падение наблюдателя с крыши дома в результате попадания снаряда.

– Константин Иванович! – окликнул его, – думаю, что командир дивизиона сначала должен поздороваться с начальником артиллерии и доложить ему о состоянии дел в дивизионе, а потом уж делится с остальными своими боевыми впечатлениями. За куриц спасибо, а за игнорирование начальника артиллерии я вам, товарищ подполковник, делаю замечание.

Семёнов обиженно засопел: – Да я хотел потом к вам подойти, обо всём доложить и пригласить к себе в баню. Ведь у меня самая лучшая баня в полку, – не удержался и похвастал командир дивизиона, но потом продолжил, – недостатки по документации устранены. Разрешите мне несколько дней побыть в дивизионе. На КНП остаётся работать начальник разведки дивизиона, а я поработаю в дивизионе, очень уж много накопилось дел, которые надо решать.

– Хорошо, но разведка на переднем крае должна вестись постоянно и за это постоянно буду спрашивать с вас.

– Товарищи офицеры, – послышалась команда. Все встали и на ЦБУ зашел командир полка.

– Садитесь, – махнул рукой командир и начальник штаба подполковник Минабуддинов доложил Никитину о присутствии офицеров и совещание покатило по своей колее. Буднично выступили начальники служб, затем начальник штаба и заместители командира полка. После того как были решены все текущие вопросы, слово взял командир.

– Товарищи офицеры, 15 октября подразделения Внутренних войск начнут проводить зачистку Горагорска. Сначала зачистят северную часть, на следующий день южную часть населенного пункта. Поэтому обращаю внимание всех командиров подразделений, особенно тех, кто стоит на переднем крае. Усилить бдительность в районе обороны каждого подразделения. Каждую ночь в окопах должны находиться до 70% военнослужащих подразделений. Всем остальным быть в готовности к выполнению внезапно поступивших задач. Борис Геннадьевич, попрошу вас, дежурные батареи и в целом вся артиллерия по первой команде должна открыть огонь в любом направлении. Всё товарищи офицеры, у кого есть вопросы, подойдете ко мне после совещания.

Когда Семёнов закончил общаться с другими офицерами, я подзвал его к себе. – Константин Иванович, через сорок минут буду у вас. Хочу помыться в бане. Надеюсь, что ужином вы начальника артиллерии накормите.

– Товарищ подполковник, жду вас, – Семёнов щелкнул каблуками насколько это у него получилось и вышел из палатки.

Поставив Гутнику, дежурному артиллеристу, задачу на ночь, отпросился у командира полка съездить на два часа в баню, а уже на выходе из палатки ко мне подскочил майор Пузыренко, отвечающий за службу войск.

– Боря, хочу твоих офицеров штаба ставить оперативными дежурными на ЦБУ и ночью, чтобы они наравне с другими офицерами управления патрулировали территорию командного пункта полка. Кто у тебя пойдет первым?

– Миша! Ты что сбрендил? – Я взял из его рук блокнот, куда он собрался записать фамилии офицеров, – Мои офицеры дежурят по артиллерии, мои офицеры ходят с разведчиками и с другими подразделениями на корректировки. И ещё они должны ходить дежурными по полку? Ну, этого, Майкл, не будет. Пока лично командир полка не прикажет мне, этого не будет. Обижайся, Майкл, но сейчас прикажу своим офицерам не выполнять в этом плане, как твои распоряжения, так и начальника штаба полка.

Через два с половиной часа вернулся от Семёнова, довольный и чистый. Да, признаю – баня класс. Помылся от души. После бани Константин Иванович накрыл богатый стол, чем я был тоже доволен. Хорошо умеет Семёнов встречать начальство, особенно когда понимает, что это начальство ещё ему нужно. Я понимал, что все неприятные отношения между нами ещё впереди. Но пока был доволен баней и угощением. За рюмкой водки сказал Семёнову, что только за одну такую шикарную баню можно его к медали представить. А баня действительно лучшая в полку и

имеет хорошую пропускную способность – за неделю запросто можно помыть весь дивизион.

* * *

Мои офицеры, дежурившие всю ночь, просидели в ожидании команды «Восход», но так и не дождались. Только утром стало известно, что в расположении третьего батальона случилось ЧП. Ночью, предположительно в два часа, БМП разведчиков сорвалось с ручника и покатило с горы, в результате чего у одного разведчика открытый перелом ноги, а у другого закрытый. И засада сорвалась. Также пришла информация, что пострадал и командир миномета 1ой миномётной батарее. Непонятно только, как он там оказался.

– Борис Геннадьевич, – у входа в палатку ЦБУ меня остановил командир, – сегодня ночью я случайно зашел в противотанковую батарею, а там пьяные солдаты, один уже даже бородку успел отпустить. Командир батареи капитан Плеханов по-моему боится солдат, поэтому сходи туда сам и встряхни как личный состав, так и офицеров

Заведённый неприятным известием, направился в ПТБ, которое находилось недалеко. Командир батареи и его офицеры в удручённом состоянии сидели в офицерской палатке: молча и вяло встали, когда я с шумом ввалился к ним.

– Плеханов, что у тебя тут случилось?

– Солдаты ночью устроили пьянку, а командир полка в это время проходил мимо и услышал пьяные разговоры. Зашёл туда, после чего вызвал меня и отругал.

– Давай сюда зачинщиков, – решительно распорядился я и уселся на табуретку посреди палатки, – рассказывай комбат всё – всё, что происходит в батарее. Но без утайки. Если мы сейчас не задавим всё это, то потом нам будет ещё труднее справляться с ситуацией

Плеханов, виновато отворачивая в сторону глаза, начал тихим голосом рассказывать. Ситуация сложилась такая, как я и предполагал. До войны батареями командовали другие офицеры, которые отказались ехать в Чечню и были уволены из армии. Батареей рулил, другого слова нет, капитан Мелехов. Офицер, надо признать – с сильным характером. Не любил вмешательства кого-либо в дела батареи и в свои дела. Пользуясь тем, что противотанковая батарея была в полку отдельным подразделением и не было должного контроля со стороны командования, руководил батареей своеобразно. Командиры взводов, выпускники Казанского артиллерийского училища опыта работы с личным составом не имели, были слабохарактерными и не являлись опорой для комбата. Поэтому Мелехов сколотил группу из сержантов и солдат. Физически крепкие ребята, которыми руководил только он, а через них руководил батареей. Естественно, приближённые пользовались различными поблажками и привилегиями со стороны комбата, а со своей стороны они кулаками наводили порядок и поддерживали дисциплину в подразделении. Со стороны батарея выглядела благополучным воинским коллективом, но что кипело внутри – мало кто об этом догадывался. До меня доходили слухи о неблагополучной

обстановке внутри коллектива и постепенно я бы добрался и разобрался там с негативом, но не успел – началась война. Вместо уволенных офицеров назначили других уже в ходе проведения боевого слаживания. Плеханов оказался слабоватым командиром, командиры взводов, пришедшие с других частей, пока не имели достаточного опыта и влияния, чтобы сразу взять солдат под контроль и навязать свою волю. Солдаты же, быстро раскусив слабые стороны своих командиров, начали потихоньку подымать голову, дерзить и борзеть. Уже здесь, прикормленная Мелеховым группа, которая сначала притихла, начала почти открыто игнорировать приказы командира батареи и командиров взводов. Дошло до того, что они стали подбивать других солдат не подчиняться офицерам и даже им угрожать.

Я сидел, слушая командира батареи, и в моей груди рос огромный, горячий ком гнева и едва сдерживал себя, когда Плеханов закончил рассказывать, в тоске опустив голову. Командиры взводов тоже упорно отводили глаза в сторону, боясь смотреть на меня. В палатке повисла напряжённая тишина.

– Обидно, товарищи офицеры, обидно – тихо начал я, – обидно в том, что случилось, виноваты только вы. И в первую очередь – ты комбат. Вы, которые получили готовую батарею и не сумели подчинить ее себе. А ведь вам противостоят всего человек пять-шесть, которых можно было быстро сломать, заломать, подмять под себя, навязать свою волю. . . . Остальные-то солдаты – нормальные, с которыми можно решать любые задачи. Мне вдвойне обидно за вас ещё потому, что в первую войну я сам командовал противотанковой батареей. Мне с Забайкальского округа дали 35 бандюг. У меня водитель моего БРДМ-2 был заключённый с двумя ходками, а я их в такие рамки поставил, что через десять дней они выполняли то, что я хотел, а не они. . . .

– Разрешите войти, товарищ подполковник, – послышалось из-за порога входа палатки.

– Да, входите.

Полог всколыхнулся и в палатку зашли два рослых солдата. Небольшая, светлая борода, у одного из них и помятые от похмелья лица ещё больше завели меня.

– Эти, – спросил командира батареи. Плеханов подавленно мотнул головой. Я медленно поднялся и подошёл к солдатам, мысленно уговаривая держать себя в руках. Но увидев нагловатые взгляды: типа, что мол сделаешь нам – Начальничек? Закипел, коротко размахнувшись, ударил в челюсть ближайшего ко мне солдата, второй рукой врезал в солнечное сплетение. Когда он согнулся от удара в живот, коленом хорошо заехал ему в лицо. Солдат охнув, упал на пол. Крутанувшись на месте и присев в движении, ногой сильно ударил второго, с бородачкой, в живот, отчего тот отлетел на кровать и упал. Перестав сдерживаться, подскочил к нему, схватил его за грудь, поднял и начал свободной рукой бить по лицу. Нанеся несколько сильных ударов, бросил его и тут же подскочил к первому, который на карачках пытался выскочить из палатки. Сильным ударом ногой в туловище отбросил его снова на центр палатки, подскочил и нанёс ещё несколько ударов. Нависнув над ним, и тяжело дыша, я остановился: – Ну что, сука, хватит, или ещё добавить?

Солдат смотрел на меня со страхом и говорить от испуга не мог, лишь только кивнул – Хватит. На кровати всхлипывал другой солдат, размазывая кровь по лицу, а командир батареи и взводные остолбенело смотрели на меня. Я же быстро успокоился, дыхание постепенно стало ровным. Молча, за шкуру поднял солдата с кровати и поставил его посередине палатки, другого пинком подогнал и поставил рядом.

– Смирно, сволочи. Если пошевелитесь – прибью! – Солдаты замерли, у одного с разбитых губ стекала тонкая струйка крови, но он боялся даже слизнуть её языком. Я же уже полностью успокоился.

– Старшина! Немедленно построить батарею перед палаткой, – прапорщик пулей выскочил наружу, а в палатке повисла тягостная тишина. Снаружи слышались команды сержантов и топот ног. Постепенно всё затихло.

Я поднял голову на комбата: – Товарищи офицеры, вот как нужно в зародыше давить даже намёк на неповиновение, и не просто давить, а преподать урок другим, чтобы у них даже мысли сделать подобное не возникали. Пошли к батарее.

Выйдя из палатки, избитых солдат я поставил перед строем. Несколько раз прошёл перед замершими солдатами.

– Товарищи солдаты! Посмотрите на этих, двух долбоёбов, – я подтолкнул поближе провинившихся к строю, – всё в армии можно простить. Ну, что-то эти два дурака не так сделали – можно пнуть под жопу и простить. Ну, отрастило это чмо, непонятно зачем козлиную бородку, – я шлёпнул звонко солдата по щеке, правда, несильно, – можно сбрить и её. Ну, выпили они и попались сегодня ночью командиру полка и это можно простить. Но одно никогда не прощается в армии – это неповиновение, тем более в условиях боевых действий. Вот эти два дурака, увольняемые. Они через две недели поедут домой, но если сейчас их не остановить, то своё чёрное дело они сделают, посеют зерно сомнения и неповиновения в ваших душах. Они уедут, а вы останетесь. Они дома водку будут пить, а вас здесь будет лихорадить. Это хорошо, что они сегодня ночью попались командиру полка и мы сейчас, я надеюсь, вот так публично разберёмся с этим случаем и поставим на этом, надеюсь, жирную точку. А если бы они не попались командиру полка, тот не сделал мне замечание, а я в свою очередь не пришёл сюда разбираться. То эти двое, и ещё несколько человек, стоящих сейчас в строю, делали бы своё гнилое дело – растили эти ядовитые зёрна неповиновения. Я вам расскажу, что было бы, когда это всё всплыло. Мы бы под каким-либо предлогом отвели батарею в отдалённое место, оцепили разведротой на расстояние, чтобы солдаты подробностей не видели. Я бы набрал человек двадцать решительных офицеров, и приехали бы вас карать. Честно говорю, человек двоих мы бы просто пристрелили, половину искалечили – виновных и невиновных тоже. Невиновных – за то, что ходили, видели всё это и молчали. А потом приказ и в лобовую атаку на позиции боевиков, кровью смывать позор. Так уже было в 324 полку, когда взбунтовался целый батальон, а их было пятьсот человек и они потом кровью смывали свой позор. И никакая прокуратура не понадобилась.

Я прошёл в молчании вдоль строя, взглядываясь в лица солдат. Двоих солдат, у которых побледнели лица, я вывел из строя.

– Ну что, как перспектива, а? – Дёрнул за рукав одного из них. Солдат очумело смотрел на меня. У второго помимо того, что он побледнел, на лице горохом выступил пот – Пособники или собутыльники, тех двоих, – промелькнуло у меня в голове. Я сильно схватил его за рукав и потянул в сторону провинившихся, – Что, рядом хочешь с ними стоять? – Солдат отчаянно замотал головой и стал упираться.

– Не хочешь, – я отпустил рукав, – что ж, встань пока в строй. Что, солдаты, нормальную перспективу обрисовал вам? Ну, думаю, что в целом в батарее здоровый коллектив и вы сами разберётесь с этими подонками и их прихлебателями.

– Офицеры, выйти из строя, – подал я команду.

– А теперь я объясню, что такое командир батареи и командиры взводов в боевых условиях. Вот я, капитан Плеханов не даст соврать, требую, чтобы каждый солдат и сержант за участие в боевых действиях был представлен как минимум к двум наградам по отъезду отсюда. К первой за то, что вы не испугались и приехали сюда, вторую за то, что вы выжили в этих боевых условиях. Ну, а третья и дальше за конкретные бои и дела. Да, Плеханов, пока я не забыл, вот этих скотов, ни к каким наградам не представлять. Это мой приказ. Продолжаю. Вот эти наградные должны писать ваши офицеры, не просто писать, а выдумывать вам подвиги, за которые вы будете представляться к наградам. А это достаточно нудный и трудный процесс. Поверьте – я знаю. Так, на хрен им этим заниматься, если половина из вас скоты и сволочи. Это первое.

– Второе. – Снова повернулся к командиру батареи, – может быть, я сейчас неправильно поступаю, но хочу посоветовать тебе, Плеханов. Через неделю эти дураки поедут домой: забудь им выписать какую-нибудь справку, чтобы они приехали и не смогли получить своих «боевых денег», пусть там побегают и подождут, пока полк не вернётся из Чечни. Если у тебя ещё есть такие, которые здесь пальцы веером распускали – поучи и их. Чтобы они знали: кто их кормит, награждает и кто деньги даёт.

Я подошёл к стоявшим перед строем солдатам, рукой, за подбородки, поднял им головы и, глядя им в глаза, прошипел: – Это я заработал «боевые», это я – штабной офицер, убил семь боевиков. Мне положены эти деньги, а не вам. – Опять повернулся к командиру батареи, – а этих гадов, до отправки на дембель, арестовать и посадить в яму. Пусть там сидят.

На этом, посчитав, что в достаточной мере провёл воспитательную работу, поставил задачу продолжить воспитательный процесс в таком же духе и отправился к себе, где застал вооружёнными своих офицеров.

– Товарищ подполковник, – обратился ко мне Чистяков, – мы тут присмотрели бочку на колёсах и договорились со связистами. Если привезём её, то они будут в ней на свою роту возить воду и нам давать. Ну, и мяса присмотрим.

Так как мы страдали от нехватки воды, то после небольшого колебания дал добро на эту небольшую экспедицию, а вечером бочка уже стояла рядом с нашим салоном и, в принципе, все вопросы по снабжению водой были решены.

* * *

Вчера зачищали северный Горагорск. С утра прибыли на КНП полка и хотя мы отсутствовали всего лишь двое суток, но бойцы, державшие там оборону, успели засрать все ячейки. Командир сильно возмутился и заставил зенитчиков, так как они стояли ближе всех, убрать говно из окопа. Наконец всё успокоилось, мы расставили приборы, наладили связь с подразделениями и были готовы оказывать помощь Внутренним войскам, производившим зачистку. В основном, конечно, помощь будет оказываться артиллерией и если понадобится, то и стрельбой прямой наводкой из танков. ВВэшники же, слева от нас в расположение 7ой роты, развернули батарею 122 мм гаубиц Д-30 и сейчас суетились на огневой позиции вокруг гаубиц, готовясь к открытию огня. Их начальник артиллерии сказал, что у них есть ещё батарея 82мм миномётов. Остальные пехота. Вот они и будут зачищать сегодня северный Горагорск, завтра – южную часть. Наконец все заняли исходные позиции и были готовы к проведению операции. Сначала мы двумя нашими дивизионами и их батареей Д-30 нанесли огневой налёт по северной окраине. Основные цели для налёта были вокруг разбитых цистерн для воды и оттуда в основном могли встретить огнём, наступающих. Пока вёлся огонь артиллерии прилетели две пары вертолётов и по окончании арт. налёта атаковали с воздуха уже центр населённого пункта. В небо сразу поднялись в разных местах дым от загоревшихся домов. А вертолёты, построившись в круг, раз за разом заходили на цель и били неуправляемыми ракетами. Когда закончились ракеты они прошли ещё огнём из пулемётов по центру Горагорска и улетели. Едва стих рокот винтокрылых машин, как командир ВВэшников дал команду на начало зачистки. Из расположения седьмой роты вылетело несколько БТР с десантом на броне и, не доезжая до коммерческих палаток, десант мигом спешился, разделившись на две группы, которые по обочинам дороги, стали перебежками приближаться к окраине. БТРы тоже потихоньку двигались за ними, поводя из стороны в сторону башнями с пулемётами. Все в бинокли и приборы напряжённо наблюдали за продвижением солдат. Ясно было, что если они встретят сейчас сопротивление со стороны боевиков, то боевики будут настроены драться за каждый дом. Солдаты всё ближе и ближе к окраине. Вот присел на корточки гранатомётчик вскинул на плечо гранатомёт, прильнул к прицелу – выстрел. Из-за большого расстояния выстрела слышно не было, но в прибор хорошо видно было как граната, прочертив воздух трассером, вонзилась в ближайший дом. Пока солдат заряжал новую гранату, пулемётчик и ещё несколько солдат

яростно поливали огнём поражённую цель. Ещё выстрел из гранатомёта и вторая граната рванула внутри дома.

– Дон! Дон! Что там у вас? – Нервно начал спрашивать командир ВВэшников.

– Тайга! Я, Дон. В доме была обнаружена огневая точка боевиков, правда огонь не вёлся, но мы для профилактики туда дали несколько выстрелов. Продолжаю движение.

Действительно, движение возобновилось, и вскоре фигуры солдат замелькали у разбитых цистерн. Ещё через несколько минут оттуда пришли сообщения, что окопы боевиков брошены и никого там нет.

Ещё несколько распоряжений по радиостанции о наращивание усилий и укрепления на достигнутом рубеже. Ещё несколько команд и всё закрутилось уже на нашем КНП. Мы начали стремительно сворачиваться, для перемещения к стеле на северной окраине Горагорска, чтобы уже оттуда руководить зачисткой.

Пока разворачивали КНП на новом месте, в брошенных окопах боевиков, внизу на дороге сосредоточились основные силы Внутренних войск. Их командир оставил необходимое количество офицеров с нами, а сам убыл на цистерны и организовал там передовой наблюдательный пункт. Туда же выдвинулась радиопередающая установка. И полился металлический голос над замершим городком: «Боевики! Сдавайтесь, вы окружены, сопротивление бессмысленно. Ваше сопротивление приведёт к лишним потерям среди вас и мирного населения, Сдавайтесь! У вас есть один час. Через час мы приступаем к зачистке. Все, кто будет обнаружен – будет арестован. Кто будет обнаружен с оружием – будет уничтожаться...». – И так целый час.

Мы думали, что мирного населения в городе не осталось, но как только начали обращаться по радиоустановке, из всех щелей полезли жители. Они выслали на переговоры старейшин, которые начали убеждать командование ВВ, что боевиков в городе нет, и просили больше огня не открывать. Но в этот момент поступило сообщение от одного из подразделений радиоэлектронной борьбы, что в южной части Горагорска зафиксировали возросший радиообмен между боевиками. Быстро подготовили данные и двумя дивизионами нанесли мощный огневой налёт по всему южному Горагорску.

Эффект был потрясающий: поднявшаяся большая туча из красной пыли от попадания снарядов в пятиэтажки из красного кирпича полностью закрыла ту часть города. Командир полка ВВ от такой картины и такого мощного огневого налёта, аж заплясал на цистернах, где он в этот момент находился. После этого радиообмен прекратился. А ещё через час, северный Горагорск был зачищен полностью и там началась рутинная паспортная проверка населения, с целью выявления людей без местной прописки.

К вечеру вернулись в лагерь и после совещания решили немного выпить, так как Чистякову привезли водку. Накануне мы скидывались по пятьдесят рублей. Накрыли стол, сели выпили. К сожалению надо сказать, что пить у меня в штабе никто не умеет, а это большой недостаток. Чистяков и Гутник выпивают по сто – сто пятьдесят грамм водки, и такое впечатление, как будто они сутки копали ямы, при этом их не кормили, а потом налили по полному стакану водки и они сразу косят. Командир взвода вообще не пьёт, ну а если выпьет грамм сто – это дрова. Короче после 100-200 грамм водки разговаривать было не с кем. Начался пьяный базар, особенно у Чистякова: полилось безмерное хвастовство и бахвальство. Немного посидев с ними, я разрешил им выпить ещё чуть-чуть и лечь всем спать. И сам лёг спать, потому что в три часа ночи заступал на дежурство на ЦБУ. Спал очень крепко, но даже сквозь сон слышал, что пьянка была в полном разгаре, кто-то приходил ещё и тоже пил. Потом уходил и снова приходил. Когда проснулся, чтобы идти на дежурство, то увидел у нас в кунге в компании с Чистяковым и Гутником, которые были в «говно» пьяные, такого же пьяного начальника штаба танкового батальона майора Хрущёва. Сильно разгневанный поднялся с кровати и высказал своё капитальное неудовольствие и разогнал затянувшуюся пьянку. Чистякова и

Гутника спать, а Хрущёва в своё расположение. Через несколько минут с неприятным осадком на душе я ушёл дежурить на ЦБУ.

Майор Хрущёв уже был там. Покачиваясь и кренясь из стороны в сторону, бродил по просторной палатке и цеплялся то к дежурной смене радиотелефонистов, то к оперативному дежурному. Ко мне не лез. В конце-концов пристал к оперативному дежурному и агрессивно, с пьяной настойчивостью стал его пытаться: – Ты, старший лейтенант, знаешь кто я такой? Нет..., ты мне ответь..., ты вообще понимаешь, кто я такой или нет...? – Оперативный молчал, скрипя зубами.

– Ты, старлей, зубами не скрипи.... Ты ведь даже разницу не понимаешь между собой и мной. Ты, вот кто? А ведь ты политработник. А я – начальника штаба танкового батальона. Майор! Да я пьян..., Да..., я свинья..., но я начальник штаба батальона, а ты политработник.....

И так далее и тому подобное. Оперативный дежурный сопел, скрипел зубами и еле сдерживал себя, чтобы этого начальника штаба не выкинуть с ЦБУ. Я не вмешивался в назревающий конфликт, так как считал, что дежурный и сам справится с этой ситуацией, тем более что парень был гораздо покрепче чем Хрущёв. После оперативного дежурного майор переключился на дежурного радиотелефониста. Но и здесь не достиг взаимопонимания. Разочарованно, с пьяным высокомерием, Хрущёв осмотрел всех присутствующих и его мутный взгляд остановился на мне.

– Если он подойдёт ко мне и задаст какой-либо идиотский вопрос, то я ни слова не говоря заеду ему в рожу и выкину его отсюда. – Просто и без всяких изысков решил про себя.

Но увидев меня, у Хрущёва наверное появились другие мысли. Глупо хихикая, он выскочил из палатки, отчего все облегчённо вздохнули. А ещё через десять минут со стороны моего кунга послышались «залихватские» пьяные песни.

Кипя от возмущения, я ворвался в кунг. Там опять сидели Чистяков, Гутник и Хрущёв, который, увидев меня на ЦБУ, вернулся в кунг разбудил офицеров и попытался продолжить пьянку. Разборки были короткие. Начальник штаба танкового батальона был безжалостно вышвырнут из кунга на улицу. Водку в ящике я пересчитал и засунул его под свою кровать, предупредив офицеров, что если они продолжат пьянку, то разобью все бутылки. Угроза подействовала моментально. После разборок я вышел из кунга. Остановился, глядя на звёздное небо и размышляя над степенью завтрашнего наказания для своих офицеров. Ко мне тихо подошёл часовой Степан Вершинин.

– Товарищ подполковник, а что делать с товарищем майором?

– Не понял, Вершинин, с каким майором?

– Пойдёмте, товарищ подполковник, я вам покажу. – Степан провёл меня вдоль маскировочной сети, закрывающей прицеп, и на её углу поднял часть сети.

В загоне среди курей и индюка, весь в курином помёте и в перьях спал, по-богатырски раскинувшись, майор Хрущёв. Увидев такую смешную картину, я засмеялся. Вершинин, глядя на меня, сначала захихикал, а потом тоже засмеялся от души. Вытирая слёзы, после смеха я повернулся к часовому.

– Степан, пусть майор спокойно спит. Не тревожь его и курей. – Солдат, давась от смеха, кивнул головой.

Остальная часть ночи прошла спокойно.

* * *

Утром, когда пришёл в кунг, Хрущёва в загоне уже не было, он проснулся в пять часов утра и сразу же убрёл к себе в расположение танкового батальона. Чистяков и Гутник уже поднялись, но чувствовали себя плохо. Ползали как сонные мухи по салону и молча готовили себе кофе. Я тоже молча сел на свою кровать и стал подшивать воротничок. Молчание затягивалось и первым не выдержал Чистяков: – Товарищ подполковник, мы конечно виноваты, но больше такого не повторится. Сейчас мы попьём кофе и будем готовы участвовать в зачистке южного

Горагорска. – Он и Гутник замерли, ожидая моего решения. Я откусил нитку, полюбовался на аккуратно пришитый подворотничёк и внимательно посмотрел на них.

– Товарищ Чистяков, прежде чем участвовать в зачистке, я бы вам посоветовал посмотреть на себя в зеркало. Если третья мировая война будет такой же страшной как ваши морды, то лучше сейчас выйду и застрелюсь. На зачистку возьму Кравченко, а вы в качестве наказания посидите здесь. Вам всё понятно, товарищ майор? – Чистяков, а вместе с ним и Гутник синхронно мотнули головами.

После завтрака, выстроив машины, командир поставил моё ПРП во главе колонны и мы двинулись в расположение первого батальона. Проехав мимо позиций первого дивизиона, через пару километров выскочили на асфальтную дорогу, повернули влево. Миновали уже полностью разобранный на дрова полевой стан и разрушенную нефтебазу, около которой уже пару дней стоял на позициях второй дивизион. Ещё когда свернули на асфальт, то впереди, метрах в четырёхстах уже ехал автомобиль УРАЛ, тоже в сторону первого батальона. До позиций батальона оставалось около километра, как перед мордой УРАЛа сверкнула очередь из трассирующих пуль. Били со стороны первого батальона. Я насторожился, а УРАЛ прибавил скорости, и тут справа от автомобиля поднялся серый султан разрыва. Откуда стреляли, видно не было, но это точно – стреляли «обезумевшие» солдаты первого батальона со сторожевого поста. Капитан Шпангель приказал своим солдатам, на сторожевых постах в том числе и на тыловом, стрелять во все машины, о которых он их не предупреждал.

Урал стремительно улетел вперёд, а мы подтянулись к месту обстрела, сторожевой пост молчал. Миновав его, мы свернули влево и по полю за УРАЛом подъехали к КП капитана Шпангеля.

Из машины вылез весь бледный Семёнов и кинулся ко мне: – Борис Геннадьевич, вы же наверно видели, как меня обстреляли? Что за ерунда? Меня обстреливают вот так уже раз третий.... Ведь когда-нибудь они убьют своего. Идите и подействуйте на Шпангеля. Он вас слушает.

Я лишь выразил сочувствие Семёнову и развёл руками: – Константин Иванович, я всё понимаю. Не раз говорил с ним на эту тему, но всё бестолку. Лучше ты сам подойди к командиру полка и доложи об этом инциденте. Всё-таки капитан Шпангель его подчинённый, а не мой.

Но командир полка и сам всё видел. Он отвёл командира батальона в сторону и долго там его ругал. В это время мы разворачивали приборы и связь, готовя их к работе. Прибыли представители от ВВ. Я с ними быстро определил цели, по которым работаю своей артиллерией. Батарея Д-30 внутренних войск уже была по южному Горагорску и в разных местах населённого пункта взлетали в воздух обломки зданий и земля от разрывов, а также подымались вверх клубы дыма от горевших домов. Открыла огонь по району школы миномётная батарея первого батальона и мины одна за другой ложились то во дворе учебного заведения, то в школьном саду. Ещё несколько мин разорвались на крыше школы. Закончив этот огневой налёт, командир батареи дал команду на перенос огня на зелёный массив дач. Там в садах, по сведениям разведчиков, скрывается зенитная установка, но открыть огонь не успели – поступила команда от представителя ВВ – «Стой»! Их подразделения, охватив с трёх сторон Южный Горагорск, стали втягиваться в улицы. Населённый пункт горел в нескольких местах, выкидывая в небо густые клубы дыма. Потрескивали выстрелы и гулкие разрывы гранат ментов, но боевиков не обнаружили. Так прошёл час. Поступило сообщение, что подразделения ВВ дошли до южной окраины и приступили к самой зачистке. Тут я не выдержал и подошёл к командиру полка.

– Товарищ полковник, разрешите сгонять в город. Менты его уже прошли, духов не обнаружили, так что всё будет нормально. Хочется посмотреть на результаты работы своей артиллерией. Со мной ещё несколько офицеров проскочат, и охрану возьмём.

Полковник Никитин поколебался, но всё-таки отпустил нас на один час в город. Через несколько минут на ПРП мы подъезжали к крайнему дому и скирдам, где 7 октября накрыли семь духов. Воронки от снарядов были видны везде, так что боевикам сладко не было. Мы соскочили с ПРП и разбрелись по позициям боевиков, а я направился к окопу, куда было прямое попадание. Открывшиеся картина впечатляла и боевик, наверно, даже почувствовать ничего не успел, как он мгновенно предстал перед Аллахом. Нечего было русских дразнить и разные унижающие жесты показывать.

Оставив для охраны ПРП сапёров, которых взяли с собой, мы: подполковник Семёнов, майор Громов, начальник связи Юра Кириченко, майор Порпленко, авианаводчик и начальник инженерно-сапёрной службы полка майор Яблоков пошли в глубину частного сектора. Дома здесь стояли богатые, окружённые большими садами, где спокойно гуляли в большом количестве брошенные гуси, куры и индюки. В одном дворе, через разбитый забор, увидел даже пару павлинов. Но всё кругом в воронках, посечено осколками или разрушено снарядами. Практически в каждый дом было попадание двух и более снарядов. Разбитые сараи и гаражи, поваленные от взрывов заборы. Как артиллериста меня такая картина радовала. Боевикам, да и местным жителям, если они прятались здесь при артиллерийском обстреле было наверно жутко и страшно.

Как-то так получилось, что через несколько минут я, незаметно для себя, остался один и, вспомнив про дом родственников главы администрации Комарова, пошёл в ту сторону. Свернув несколько раз на улицах и переулках, вышел к означенному дому. К сожалению, этот дом был единственным, в который не попал ни один снаряд. В результате огневого налёта, который я произвёл несколько дней тому назад, все дома и постройки вокруг него были поражены и полуразрушены. Несколько домов сгорело. Но этот дом стоял целым. Лишь на крыше осколками снарядов был побит шифер и взрывной волной выбиты стёкла в окнах. Ну что ж, им повезло. Развернулся и пошёл на крики и одиночные выстрелы, которые были слышны на параллельной улице. Оттуда также доносился рёв мотора БМП и автомобиля. Пройдя по разбитому и травянистому переулку и свернув за угол, вышел на улицу. В тридцати метрах от меня человек двадцать ментов толпилось у одного из домов, заглядывая во двор через полуразбитые ворота. Кто-то, увидев меня, сказал об этом окружающим и все обернулись, насторожились. Да..., наверно, странно им было видеть, в то время когда они ходили по улицам только толпой, одиночного военного, неизвестно откуда вылезшего, да ещё в странной каске. Я не спеша приближался к ним, стараясь не делать резких и лишних движений. Чёрт его знает, какие мысли бродят в этот момент в башке у насторожившихся ментов. Впереди всех стоял старший лейтенант.

– «Хайль Гитлер»! – В шутливом фашистском приветствии вскинул руку.

– «Хайль»! – Дружно ответили мне несколько ментов и тоже в ответ вскинули руки. Они обступили меня и, смеясь, начали разглядывать мою каску.

– Откуда вы товарищ подполковник один идёте? – Удивлённо задал мне вопрос старший лейтенант.

– Я начальник артиллерии мотострелкового полка. Вон там мы занимаем позиции, – махнул рукой в сторону птицефермы, – приехали посмотреть, как моя артиллерия поработала здесь, да чего-то потерялся от своих или они от меня. Вот и брожу и люблюсь на свою работу.

– Ну, вы и даёте? Мы тут только толпой ходим, а вы один бродите. Из-за любого угла и подвала боевики могут выскочить. А где вы такую каску классную достали? – Старший лейтенант с любопытством разглядывал её.

– Да это ещё с первой чеченской войны – в бою взял. Теперь только в ней в бой и хожу, или на технике езу. А вы чем занимаетесь? – В свою очередь задал вопрос.

– Да вот, зачистку проводим.

– Раз я от своих отбил, похожу немного с вами. Помидоры хочу найти, очень по солениям соскучился. – Старший лейтенант согласно кивнул головой и зачистка продолжилась.

Суть её заключалась в том, что группа ментов заходила толпой во двор, одновременно растекаясь по нему. Осматривали двор, дворовые постройки. Кидали гранату в погреб, а когда убеждались, что в доме никого нет, нисколько не смущаясь постороннего армейского подполковника, грузили понравившиеся вещи в УРАЛ. Так мы зачистили несколько домов, а когда мне надоело ходить с ними, я тихонько отстал от них. Пошёл в сторону нашего ПРП и через квартал наткнулся на своих. Офицеры, разбившись на пары, ходили по разбитым домам и с любопытством разглядывали обстановку и условия проживания чеченцев. А жили они богато. Дома были обставлены дорогой мебелью, на стенах висели ковры. Серванты и стенки были забиты хрусталём и хорошей фарфоровой посудой. Много новой и добротной одежды. Сами дома, постройки внутри двора и сады с огородами располагались на площади 10-15 соток. Зашли с Семёновым в один из домов. Богатый дом, одноэтажным переходом связанный ещё с одним зданием. Снаряд залетел в большую комнату и там разорвался. Вся полированная мебель, как в этой комнате, так и соседней была разбита в дребезги и покрыта толстым слоем известковой пыли. В переходе и соседнем здании все вещи были разбросаны взрывами по полу и также покрыты пылью. В следующем доме мы наткнулись на Андрея Громова, который азартно крутился вокруг легкового автомобиля, пытаясь его поджечь. Бросив его после нескольких неудачных попыток, Андрей переключился на железную дверь подвала, где висел солидный замок, с которым он также не мог справиться.

– Борис Геннадьевич, давайте взорвём замок гранатой? – Предложил он мне.

– Андрей, да брось ты его, давай лучше побродим по домам немного.

Громов легко махнул рукой на подвал, соглашаясь с моим мнением, и вышел за мной на улицу. В двухстах метрах слева от нас возвышались пятиэтажки из красного кирпича. Ближе к нам горел частный дом, около которого стояли два комбайна. А недалеко от них, из переулка вывернула группа ВВэшников: один из них присел на колено и со ста метра выстрелил из гранатомёта по одному из комбайнов, который красиво взорвался и вспыхнул ярким пламенем. ВВэшники громко засмеялись и скрылись в другом переулке. Громов с Семёновым, отделившись от меня, пошли в угловой особняк, а я, увидев в соседнем доме нашего авиановодчика, присоединился к нему. В стены дома также попало пару снарядов и всё внутри было засыпано штукатуркой и царил жуткий бардак, среди которого мне сразу бросилась в глаза пустая, прозрачная коробочка из-под электрической бритвы, которую я поднял с пола, стёр пыль и начал разглядывать её.

– Что такое интересное нашли? – Подошёл ко мне авиановодчик.

– Да вот Сергей, все свои бритвенные принадлежности ношу и храню в полиэтиленовом мешочке, неудобно да и рвётся часто. А эта коробочка как раз под них. Пожалуй, я её заберу.

Прошли через большую разбитую комнату и вышли на кухню. Она, в отличие от других помещений, не пострадала и здесь был относительный порядок. В стене напротив виднелась ещё одна дверь, подёргали её – оказалась запёртой. Мы попробовали её открыть ударами ног, пару раз толкнули её с разбегу плечами, но ничего не получилось. Проснулось нездоровое любопытство и мы уже попытались её вскрыть подручными предметами или выломать её, но дверь опять выдержала наш натиск.

– Серёга отходи, сейчас я очередью из автомата замок выбью, как в кино.

Отошли на несколько метров. Я вскинул автомат, прицелился и дал очередь по замку из десяти патронов. Подскочил к двери и ударил ногой изо всех сил. Безрезультатно. Я отскочил и всадил в дверь около замка остальные двадцать патронов. Полетели во все стороны щепки, а Сергей с разбегу ударившись всем телом в препятствие, зашипел от боли. Дверь стояла крепко и не давала нам проникнуть в её маленькую тайну. Я сменил магазин и загнал патрон в ствол. Ударил ещё несколько раз в дверь ногой и со всего разбега плечом, но дверь опять устояла.

– Ну и чёрт с ней, пошли отсюда. – С досадой сплюнул и мы выпрыгнули через окно во двор, свернули за угол дома. Здесь разорвалось несколько снарядов, которые полностью разрушили стену здания. Всё что находилось в комнате, было вдребезги разбито и смешано с обломками стены, потолка и пылью. Посередине внутренней уцелевшей стены была видна прострелянная, но не взятая нами дверь.

– Борис Геннадьевич, и это мы об неё бились? – С удивлением и со смехом произнёс Сергей.

Я засмеялся, представив, как после долгих усилий, мы всё-таки сломали бы дверь и увидели этот разгром. Сергей также, наверно, представив эту картину, и снова засмеялся.

Постепенно все вернулись и собрались около ПРП. По моему предложению решили осмотреть дом, куда 7 октября при обстреле забежали боевики и я их там накрыл снарядами. Вокруг дома около десяти воронок, внутри всё было разбито и раскидано от прямого попадания двух снарядов. В большой комнате одна из стен была обильно забрызгана кровью. Бурые следы крови и обрывки окровавленных бинтов были обнаружены и в других комнатах. Разбитые окна и сорванные с них шторы дополняли картину разгрома. Осмотрев дом, мы опять собрались около ПРП. Пока все рассаживались, я открыл огонь трассирующими пулями по стogu сена около окопов боевиков, но трассера насквозь пронизывали стог сена и уходили в поле, не зажигая его.

– Боря, дай я зажгу, – Андрей Порпленко спрыгнул с машины и побежал к стogu, чиркнул спичкой и снизу поджёг сухое сено. Пламя весело и быстро побежало вверх, а через минуту горел уже весь стог. На ПРП, сзади башни, я увидел полированный журнальный столик, что меня крайне неприятно удивило.

– Кто его притащил сюда? – Резко спросил я.

– Боря, это замполит полка, Игорь Геннадьевич, попросил меня. Ему нужен он в палатку. – Виновато произнёс Порпленко, залезая на машину.

Осуждающе покачав головой, дал команду на движение и через пятнадцать минут доложил о прибытии командиру полка. Поделился своими впечатлениями о работе своей артиллерии, рассказал, как проходила зачистка ВВэшниками Горагорска. Поделились впечатлениями и другие офицеры, после чего командир батальона на правах хозяина пригласил нас на обед.

Первый кто подошёл ко мне после того как я слез с ПРП, вернувшись с первого батальона, был Миша Пузыренко. В полку он отвечал за службу войск и конкретно за оборону командного пункта полка: и сейчас со смехом рассказывал мне о моих офицерах, но мне было не до веселья.

– Боря, ну тут твои офицеры и шороху давали, когда ты с командиром уехал. Нажрались в мат. Гутник сразу сломался, а Чистяков хоть ничего не соображал, пошёл дежурить на ЦБУ, да там и заснул у радиостанции. А я тренировку в это время проводил по отражению нападения боевиков на ЦБУ. Дал команду к бою. Так Чистяков проснулся и вместо того чтобы выбежать из палатки и занять оборону снаружи, шустро подскочил к окну. Выбил стекло, не соображая что палатка по крышу зарыта в землю, и между окном с земляной стенкой всего 10 сантиметров, попытался высунуть из окна автомат. Конечно, ствол автомата на пять сантиметров воткнулся в землю, а сам Чистяков затаился. Я его спрашиваю – Ты чего Чистяков притих и из палатки не выбегаешь? А он мне: – Тихо! Тихо, Миша, не видишь, я в засаде сижу. Сейчас боевики поближе подойдут, а я огонь и открою. Мы, Боря, так все и упали от смеха. А Чистяков так ничего и не понял – до конца тренировки в засаде у окна и просидел.

Я закрипел зубами: – Миша, где он сейчас? На ЦБУ что ли?

Майор Пузыренко махнул рукой, – Мы его спать в кунг отправили. Сейчас на дежурстве у тебя твой командир взвода.

Я был зол, не только из-за того, что они напились после того как их отругал за ночную пьянку, но из-за того что всё это рассказал Пузыренко. Уже неделю у меня с Пузыренко были трения по поводу желания последнего привлечь к несению службы оперативным

дежурным моих офицеров. Он заручился поддержкой начальника штаба полка подполковника Минабуддинова и при каждом удобном случае оказывал на меня давление в этом вопросе. Я наотрез отказывался ставить своих офицеров оперативными дежурными или в ночной патруль по командному пункту. Считаю, что у меня и у офицеров моего штаба другие задачи, тем более что мы сами организовали и несли круглосуточное дежурство в своей артиллерийской вертикали. Поэтому запретил своим офицерам выполнять чьи-либо приказы о заступлении на дежурство, конечно, исключая приказ командира полка. Это же я объяснил в жестковатой форме и начальнику штаба полка, когда он попытался нажать на меня.

– Товарищ подполковник, я как начальник артиллерии подчиняюсь лично командиру полка, и вы для меня в этом плане не начальник. Поэтому службу оперативного дежурного организовывайте офицерами своего штаба, а в мой штаб лезть нечего. Там я командовать буду. Прикажет командир моим заступать оперативными, поверьте – они заступят. А пока у вас своих офицеров полно, вот ими и рулите.

С тех пор у меня трения с Пузыренко, хотя он лёгкий в общении и неплохой мужик. Поэтому мне было неприятно именно от него услышать о пьянстве моих офицеров. На ЦБУ сидел у наших радиостанций командир ВУНа лейтенант Коротких. Он поднялся из-за стола и доложил, что всё в порядке и ни каких вводных со штаба группировки не поступило....

Чистяков и Гутник в тяжёлом забытье лежали на своих койках. Когда я зашёл в кунг Чистяков открыл глаза и попытался встать, но опять рухнул в кровать и забылся в пьяном сне. Следом за мной зашёл Кравченко, который ездил со мной в первый батальон. Из-за моей спины посмотрел на Чистякова с Гутником.

– Мда..., – Только и сумел сказал Саня.

Я прошёл к своей койке и присел на неё.

– Кравченко, раздевайся и иди меняй на дежурстве Коротких. Дежуришь до 22 часов. Я дежурю с 22 до 3х часов ночи. В три ты опять меня меняешь. А утром будем разбираться с этими пьяницами, и они у меня будут нести службу до посинения. Я им устрою, как «советскую власть любить». А сейчас съезжу к Семёнову и помоюсь в бане....

В это время Гутник, до этого лежащий на кровати смирно, как будто желая поставить точку в моём распоряжении, повернулся и с грохотом рухнул со второго яруса кровати на пол. Что самое поразительное, даже не проснулся. Я и Кравченко схватили его за одежду и в рывке закинули обратно тело офицера на своё место. Откуда он свалился ровно через минуту.

– Ладно, Кравченко, пусть валяется на полу. – Предварил я его попытку опять закинуть Гутника на кровать. Собрал вещи, взял автомат и поехал в первый дивизион.

Там меня уже ждала жарко натопленная баня, которая действительно была лучшая в полку – недаром хвастался Константин Иванович. Он достал прицеп и на нём соорудил баню из двух отделений. В первом: можно было свободно раздеться троим, а втором, моечном отделении, хорошо помыться, что я с наслаждением и сделал, а когда чистый и посвежевший зашёл в палатку к командиру дивизиона, то на столе меня ждал хороший ужин и две запотевшие бутылки водки. Я сел за стол и с удовольствием осмотрел его:

– Умеешь ты, Константин Иванович, начальство встречать. Только за такую баню и стол тебя уже надо к медали представить.

Семёнов расцвёл от похвалы. Зная его тайную мечту, получить орден Мужества, я своими словами о медали ещё больше разжёг в нём желание угодить мне, а это он умел. Неделю тому назад Константин Иванович принёс мне представление на медаль «За отвагу» на своего заместителя по вооружению майора Леонтьева. Прочитав содержание наградного листа, я удивился. Знал, о безудержной фантазии Семёнова, но впервые столкнулся с ней воочию. Помимо краткой характеристики зампотеха в представлении расписывался подвиг, за который он представлялся к медали – «1 октября 1999 года при совершение марша, в районе населённого пункта Советское, колонна первого артиллерийского дивизиона вступила в бой с банд-

формированиями боевиков. В ходе боя, в результате попадания гранаты в САУ она вышла из строя. Под огнём боевиков, майор Сычёв пробрался к повреждённой самоходке, сумел исправить повреждения и огнём прямой наводки из самоходного орудия лично уничтожил три огневые точки боевиков». И так далее и тому подобное. Тогда с Семёновым у меня произошёл достаточно напряжённый разговор. Не желая портить отношения с командиром дивизиона, я сначала попытался мягко убедить его:

- Константин Иванович! Я удивлён, во-первых: содержанием представления, во-вторых: ничего не имею против зама по вооружению майора Леонтьева, но не понимаю – почему ты первого к награде представляешь зам. по вооружению, а не, допустим..., командира батареи, командира взвода или командира орудия.

Семёнов строптиво вздёрнул подбородком. – Товарищ подполковник, это моя прерогатива и моё решение. И я ничего криминального в этом не вижу.

– Хорошо, не будем спорить, Константин Иванович, но давай тогда разберёмся по содержанию. Во-первых: населённый пункт Советское находится на территории Кабардино-Балкарии. Какие боевики? Какие бои? О чём ты тут пишешь? Во-вторых: Константин Иванович, если у тебя зам. по вооружению в ходе боя уничтожает несколько огневых точек боевиков из орудия, и если ты за этот бой только одного его представляешь к награде и ни одного артиллериста: офицера, сержанта или солдата, то я сейчас пойду к командиру полка с предложением отстранить тебя от командования дивизионом. Так как ты не смог в мирное время, за полтора года командования дивизионом, подготовить своё подразделение к ведению боевых действий и в частности к прямой наводке. Я же до сих пор не забыл, как батареи первого дивизиона опозорились на прямой наводке перед перекрёстком. Вот пойду и предложу на должность командира дивизиона – майора Леонтьева, если ты и дальше будешь настаивать на этой кандидатуре. Вот так, товарищ подполковник.

В тот раз командир дивизиона ушёл от меня обиженным, но представление на Леонтьева на подпись командиру полка не подал.

Вот и сейчас Семёнов старался угодить мне. Ужин удался на славу. Ещё раз, похвалив командира дивизиона за организацию прекрасного тылового обеспечения подразделения, а особенно за баню и угощение, я убыл к себе.

В кунге застал те же пьяные, спящие рожи своих офицеров, а так как было уже 22 часа, то сразу же ушёл на ЦБУ и сменил Кравченко. В палатке, несмотря на позднее время, было достаточно многолюдно. Зашёл командир полка, обсудил с начальником разведки ряд вопросов на следующий день. Покрутился начальник штаба полка и куда-то исчез. Как всегда Андрей Порпленко со своими писарями корпел над картой оперативного дежурного, нанося на неё уточнённые данные. В дальнем углу палатки сидели политработники и совещались о своём. С бумажкой в руке на ЦБУ зашёл начальник службы РЭБ (Радио Электронной Борьбы) дивизии Дима Щипков и сразу направился ко мне.

– Боря, тут мои «слухачи» засеки в полосе действия 245 полка, в населённом пункте Н...ское работу ретранслятора боевиков. Через него идёт интенсивный радиообмен между ними. Может мы сможем уничтожить его? Вот тут, у меня на бумажке координаты.

Мы склонились над картой. Нанесли по координатам точку, которая как раз наложилась на административное здание в центре небольшой деревни. Линейкой промерил расстояние от цели до огневых позиций. Дальность конечно предельная, но ничего..., попытаемся уничтожить. Подготовил данные для стрельбы и начал передавать команду на пункты управления огнём дивизионов:

– Полтава, Самара. Стой! Цель 783. По зоопарку. «Курск 7, точно 3». Триста на триста. Расход по три снаряда на орудие. Навести готовность доложить.

Через пять минут с первого и второго дивизиона поступили доклады о готовности.

– Полтава, Самара. Цель 783. Залпом, Огонь! – Все в палатке смотрели на меня, а я прислушался. Через несколько секунд донёсся залп одного дивизиона, тут же второго. Дальше в течение полуминуты стоял сплошной грохот от беглого огня, который также быстро прекратился.

Из радиостанции послышалось: – Лесник 53! Самара стрельбу по цели 783 закончила. Расход 36. Лесник 53! Полтава стрельбу по цели 783 закончила. Расход 36.

Я бросил взгляд на секундомер – полётное время сорок пять секунд.

– Товарищи офицеры, – обратился к присутствующим, – Представьте себе. Семьдесят два снаряда сейчас находятся на траектории. В деревне сейчас наверняка кто-то гуляет по улице, кто-то ужинает, а кто-то трахает свою жену. Большинство, конечно, спит. Как у Симонова в «Живых и мёртвых» написано: «Никто из них не знал, что они уже поделены на живых и мёртвых». Так и сейчас никто из них не знает, что через несколько секунд 72 снаряда рухнет на деревню и часть жителей уже мёртвые, хотя ещё и живые. Вот к чему приводит бездумная поддержка боевиков. – Я замолчал, наблюдая за неумолимым бегом секундной стрелки. В палатке повисла тишина, нарушаемая лишь работой за стенкой палатки электрического движка.

Щёлкнул кнопкой секундомера: – Всё, ребята. Далеко и ничего не слышно, но снаряды уже упали.

Ещё минуту все сидели молча, мысленно представляя, что сейчас происходит в деревне, потом как по команде зашевелились, заговорили. Андрей Порпленко снял с печки закипевший чайник, налил в две кружки кофе, щедро добавил туда сгущёнки и с кружками подошёл ко мне. Мы сидели и молча пили кофе. У меня на душе было погано и отвратительно. Одно дело отдавать приказ на применение артиллерии против боевиков, а другое осознавать, что от твоего приказа вполне возможно гибнут совершенно невиновные люди. И страшнее всего, что гибнут дети, женщины и старики. А по-другому я поступить не мог – тогда погибнут наши солдаты и офицеры. И на хрен я нужен такой великий гуманист на должности начальника артиллерии, когда по моей мягкотелости беда придёт уже в семьи солдат и офицеров вместе с известием о смерти их сыновей, мужей. . . . Это война. Как маршала Жукова сейчас частенько обвиняют, что во время войны он гнал в наступления войска, не считаясь с потерями. Если бы он как военачальник задумывался о жизни или смерти каждого солдата и офицера, то война шла бы не четыре года, а десять или больше. И жертв наверно было тоже гораздо больше. Но я не маршал Жуков и мне сейчас было весьма пакостно. Вот это моё состояние точно понял Андрей, за что я ему был очень благодарен. За это проявление ненавязчивого сочувствия, а главное поддержку. Постепенно все разошлись спать и в палатке остались лишь оперативный дежурный, дежурный связист и я. Навалилась усталость и я начал потихоньку дремать. Временами дремота переходила в сон, но я вставал начинал ходить, а как только садился так сразу проваливался обратно в забытьё. Так продолжалось до трёх часов, пока меня не сменил Кравченко.

Утром, когда проснулся, в салоне никого не было. Спокойно привёл себя в порядок и послал солдата на ЦБУ, чтобы он вызвал ко мне Чистякова и Гутника.

Они стояли передо мной с виновато опущенными головами и слушали мою ругань: при этом не щадил ни их самолюбия, ни их гордость. Отчитывать закончил своим окончательным решением:

– Долго думал, как вас наказать, и принял решение объявить каждому из вас по семь суток домашнего ареста. – Я сделал паузу, глядя, как Чистяков и Гутник удивлённо переглянувшись, уставились на меня, – Да, да, вы не ослышались. По семь суток домашнего ареста – Каж-до-му. Все семь суток вы будете дежурить на ЦБУ, сменяя друг друга. А мы с Кравченко отдохнём. Если ещё раз повторится, я вам такое наказание придумаю, что мало не покажется.

Чистяков и Гутник обрадованные, что начальник закончил их отчитывать, горячо заверили меня, что больше ничего подобного не повторится. отошли в сторону и начали решать, как они будут дежурить.

После завтрака на площадку, рядом с ЦБУ приземлился вертолёт и из него высыпала куча офицеров во главе с начальником штаба группировки, прилетевших проверять полк. Мне достался полковник – артиллерист. Он посмотрел мои документы и рабочую карту, которые мы вели у себя на ЦБУ. После этого проехали в первый дивизион. Осмотрели огневые позиции, технику. Ознакомился полковник и условиями, в которых проживал личный состав и офицеры. После этого полковнику предложили помыться в бане. Выдали комплект чистого белья и отправили его мыться. Пока он отсутствовал, Константин Иванович быстро накрыл стол и когда офицер вернулся, то был почти растроган, увидев на столе прекрасный обед и стоящие на столе бутылки с коньяком. За разговором незаметно пролетело время, и когда мы вернулись на КП полка, то оказалось, что вертолёт с офицерами группировки улетел. Полковник ушёл в палатку, которую выделили, оставшимся офицерам, а я занялся своими делами. Через полчаса полковник снова нашёл меня и смущённо сказал:

– Боря, ты меня извини, но я похвастался тем как ты меня помыл в бане и двоим из оставшихся захотелось помыться, а то у нас в группировке с баней напряжёнка. Ты не мог бы позвонить Семёнову и организовать баню для них.

Я дал ему моё ПРП, чтобы они доехали до первого дивизиона и пообещал ему, что когда они доедут до дивизиона вопрос будет решён.

Остаток дня прошёл спокойно.

* * *

Утром Позвонил Константин Иванович, голос хриплый и заплетающийся. Доложил, что всё нормально и полковники довольные едут обратно к нам.

Попросил меня отмазать его перед командиром полка за то, что не будет на полковом совещании. Я посоветовал ему хорошо поспать. И этот день тоже прошёл нормально.

* * *

С утра началась беготня от того, что командиру приспичило устроить строевой смотр офицеров штаба. Построились, но вместо осмотра внешнего вида командир полка начал ругать капитана Шпанегеля и рядом стоявшего с ним по стойке «Смирно» командира роты старшего лейтенанта Цеденбаева. Оказывается ночью, два командира взвода слегка, если так сказать, выпили и пошли проверять посты. То ли они по этому делу не слышали окрика, то ли часовой спрашивал пароль тихо и, не получив ответа, открыл огонь. В результате оба командира взвода были ранены и отправлены в госпиталь. Слава богу, что не тяжело. Закончив разборку с первым батальоном, командир бегло осмотрел внешний вид офицеров и тут ему докладывают, что в Моздоке задержаны два солдата из разведывательной роты нашего полка, отчего полковник Никитин изумлённо выкатил глаза и с немым вопросом уставился на начальника разведки полка Юрку Шадура.

В ходе тут же проведённого рассвирепевшим командиром расследования оказалось, что бойцы были до того чмошные, что их не брали в бой. Ушли они ещё два дня тому назад, но никто не доложил об их уходе. Поиски провели, но поверхностные. Да и махнули рукой. Но бойцы ушли с оружием, захватили у какого-то ингуша автомобиль и уехали в Моздок, где они и были задержаны. Командир полка был разъярён и не зря. Надо сказать при всём уважении к разведчикам, но они очень уж возомнили о себе, читая себя самыми боевыми и крутыми в полку. Да..., и никто этого не отрицает, но дисциплина в роте здорово хромает, в расположении бардак. Когда строят колонну на выезд, то с отъездом всегда задерживаемся из-за разведчиков, которые очень долго копошатся при сборах. Плохо ориентируются на местности, из-за чего несколько раз блудили. Много есть и других негативных моментов из-за чего авторитет разведчиков всё-таки был низок.

С обеда ждём вертолёт. Командир должен слетать в группировку: где прояснится вопрос по дальнейшим действиям. Да и Никитин хочет перенести командный и тыловой пункты подалеже от зелёнки. Шириной она была где-то около километра и длиной километра четыре.

По разведанным известно, что в зелёнке постоянно шастают группы боевиков по 5-6 человек. Пару дней тому назад разведчики устроили там засаду и утром на них наткнулась одна из групп боевиков. Скоротечный бой, стрельба в упор, духи отступили, а наши так и не поняли – Ранили или убили мы кого-нибудь или нет? Но вот у нас был один ранен. Ещё раньше, правда подробностей я не знаю. Особист Вадим ночью шастал по зелёнке с группой разведчиков. То ли он отстал от группы, или что-то другое было. Но Вадим наткнулся на растяжку, которую установили боевики. От полученной контузии потерял сознание и пару часов пролежал на тропе, пока его там не обнаружили. Сейчас ходит по лагерю трясёт головой, плохо слышит. Наверно его будут отправлять в госпиталь. Слишком много эта зелёнка к себе внимание привлекает. Вчера с третьего батальона забрали миномётный взвод и поставили на командный пункт, чтобы периодически обстреливать её днём и ночью. Ещё командир отдал приказ выделить от каждого подразделения группу солдат во главе с офицером и уничтожить все фермы и постройки, находящиеся рядом. А вчера второй дивизион огнём прямой наводки расстрелял нефтебазу, которая расположена в четырёхстах метрах в тылу от их позиций.

* * *

20 октября проехали с командиром полка в третий батальон. Посмотрели ещё раз вероятные места для расположения нового командного и тылового пунктов полка, но ничего подходящего не нашли. Обрато возвращались через Горагорск и, захав в населённый пункт, в который раз воочию убедились в гнусной сущности ментов. Закончив зачистку, они расположились на окраине в домах местных жителей, которые ушли из населённого пункта. Около домов, во дворах и рядом с домами кучами громоздились вещи, мебель, бытовая техника из брошенных домов. Кое-что уже было загружено на машины, а около одного из домов куча вещей была заботливо накрыта большим куском брезента, из-под которого скромно выглядывал импортный холодильник и мягкая мебель. И ни какого стеснения – Мародёры, чёрт их побери.

Глядя на это неприкрытое скотство ментов, у меня испортилось настроение и во время обеда я сорвался. Утром, повариха офицерской столовой Надежда Петровна, в хамской форме отказалась кормить начальника инженерной службы полка майора Яблокова, гневно мотивировав это тем, что он не провёл в столовую свет. В обед она опять начала наезжать на Яблокова, не стесняясь присутствия офицеров. Я вспылил и в довольно жёсткой форме напомнил ей, что она всего лишь прапорщик и должна знать своё место. В общем, остался достаточно неприятный осадок как от увиденного в Горагорске, так и от выволочки устроенной прапорщику в юбке.

После обеда я и Андрей Громов собрались и поехали в баню второго дивизиона. Конечно, баня у Чикина не такая шикарная, как в первом дивизионе. Но мы тоже хорошо помылись, а потом сели за стол. Наелись и так хорошо выпили, что Андрей по дороге обратно вырубился. А когда приехали обратно: тут уж Андрей приходит в себя и тоже накрывает стол. Выпили мы ещё две бутылки водки, после чего разошлись спать. А всего за вечер, как оказалось, мы выпили семь бутылок водки. Славно посидели.

* * *

Утром, придя с ночного дежурства, Чистяков со смехом доложил мне о том, что баня первого дивизиона вечером сгорела. Константин Иванович, конечно, заявил, что в баню попала граната из гранатомёта, выпущенная боевиками подкравшимися к позиции. Но..., по неофициальным сведениям баня сгорела от того, что вечером Семёнов напился и куролесил там. Сам влупил гранату из гранатомёта в прицеп и сейчас они колотят полным ходом новую баню.

После завтрака выехали в расположение первого батальона, чтобы переместить батальон и с южной стороны охватить Горагорск, полностью блокировав его. Перемещение подразделений прошло спокойно и через час все развернулись на своих новых позициях. Выслушав доклад командира первого батальона, мы сели на свои машины и за командиром полка помча-

лись напрямую через поле в промежуток между южным и северными частями города, где и остановились. Мои солдаты расставили приборы и я методически стал осматривать открывшуюся местность с этой стороны. Развернул прибор в сторону оставленных позиций первого батальона. Там уже бродил какой-то чеченец в длинном пальто и было непонятно, то ли он осматривал оставленные позиции, то ли что-то искал. Командир отрядил туда разведчиков, и те через двадцать минут привезли его к нам. Чеченец средних лет, одетый в старенькое пальто на грязную рубашку, начал сбивчиво объяснять, что он сам с северной части населённого пункта и лазил по окопам с целью найти чего-нибудь, что можно было бы обменять на продукты. Выслушав его, командир полка приказал отвезти чеченца к ВВэшникам, которые стояли лагерем в трёхстах метрах от нас.

Только его сдали, как в поле моего зрения из-за поворота дороги показался ещё один чеченец. Я вскинул бинокль. Молодой мужчина, крепкого телосложения, лет двадцати семи, безмятежно шёл по дороге и ел ягоды, которые он срывал с сорванной ветки.

– Товарищ полковник, посмотрите, – обратился я к полковнику Никитину, – дух идёт и по-моему он обкуранный. Посмотрите в бинокль.

Я засмеялся и повернулся к подполковнику Тимохину: – Владимир Василевич, я бы на месте этого чеченца, сидел бы сейчас дома и как только зашли ко мне домой русские солдаты, упал бы на колени и протянул все документы, после чего «пел» – какой я мирный чеченец и как люблю русских. А этот спокойно и нагло прёт даже не думая о том, что в этой «лихой» обстановке его может пристрелить любой чмошный солдат.

– Олег, сбегай, разберись с ним, – командир послал своего телохранителя на дорогу и двухметровый верзила быстро сбежал вниз с косогора, на котором мы стояли.

– Показывай документы. – Послышалось требование солдата.

Чеченец спокойно посмотрел на Олега, небрежно кинул в рот очередную ягоду и также спокойно изрёк: – Да пошёл ты на х... Я уже документы на том КПП показывал.

Олег растерянно затоптался вокруг духа, не зная как реагировать на такую сверх наглость. Мы же возмущённо заорали: – Чего смотришь, бей его прикладом по башке. – Кто-то рядом неистово орал, чтобы Олег пнул чеченца по яйцам, но тот совсем потерялся. Одно дело дать по голове прикладом в рукопашной схватке, а другое дело – вот так, когда тот стоит напротив тебя и спокойно кидает ягоды в рот.

Подполковник Тимохин и один из разведчиков, не выдержав такой борзоты, побежали вниз, где Владимир Васильевич не останавливаясь, сильно ударил чеченца по лицу отчего тот мигом улетел в кювет. Разведчик за шкирку вытащил мужчину из канавы и сильным пинком под зад направил его обратно к Тимохину, который схватил чеченца за одежду на груди и нанёс ему ещё несколько хлёстких ударов. Мужик попытался «дёрнуться» на подполковника, но после чувствительного удара прикладом разведчика по хребтине, послушно побежал в нашу сторону, подгоняемый пинками по заднице.

Перед нами стоял чеченец, то ли он был безбашенный и не понимал, что с ним могли сделать. То ли безмозглый... Хотя и невысокого роста, но крепкого телосложения. А судя по тем огненным взглядам, которые он бросал на Тимохина, был ещё чересчур самолюбивым и не привык к такому вольному обращению. Говорить, что он гордый – в этой ситуации не хотелось.

Быстро обыскали, но ничего интересного не нашли. Моё же внимание привлекли комнатные тапочки, которые были у него на ногах.

– Откуда идёшь? – Задал вопрос командир полка. – И куда?

Чеченец сквозь зубы назвал населённый пункт, откуда якобы он идёт. Это где-то километров пятьдесят от нашего места. Идёт он в Чернокозово, а это ещё километров шестьдесят. Врёт ведь гад.

– Снимай тапки, – чеченец посмотрел на меня долгим взглядом, из которого стало понятно: попади я к нему в плен – «секир башка» была бы мне обеспечена, причём очень дол-

гая и мучительная, но он промолчал и выполнил мой приказ. Я внимательно осмотрел тапочки и показал его, обступившим нас солдатам и офицерам.

– Посмотрите, тапочки почти новые, не испачканные. Рисунок на резиновой подошве не повреждён. А он утверждает, что прошёл около пятидесяти километров. Я бы мог поспорить, что в этих тапочках он прошёл, ну километров пять-семь. Допустим, с населённого пункта Нагорное, которое сейчас вполне возможно контролируют боевики.

Командир покрутил в руках тапочек, потом отдал его духу: – Его тоже отвезите к ВВэшникам, пусть они с ним разбираются. Кто он и откуда? – Чеченцу без жалости закрутили руки за спину. Посадили на БМП и разведчики снова помчались к лагерю ВВэшников.

Спустя пять минут из-за поворота неожиданно выскочила БМП седьмой роты, а за ним следовал ГАЗ-53, в кузове которого стояло несколько старых чеченцев. На броне БМП рядом с командиром роты старшим лейтенантом Соболев важно восседал глава администрации Комарово. Командир энергично замахал рукой, требуя остановиться и БМП, резко повернувшись в нашу сторону, стало тяжело карабкаться на возвышение, где мы находились, натужно гудя двигателем. Автомобиль свернул на обочину и остановился. Из кузова и из кабины с лёгкой опаской смотрели чеченцы на то, как Соболев и глава администрации подошли к командиру полка. Полковник Никитин взмахом руки отослал главу администрации в сторону и недовольно обратился к Соболеву: – Ты, что это старший лейтенант, бросил роту? Катаешься с чеченцами? Чего ты их возишь?

Соболев начал путано оправдываться, а глава администрации подойдя ко мне, учтиво поздоровался и начал благодарить за то, что дом его сестры остался цел: – Стёкла и шифер ерунда. Это всё я быстро заменю. А с меня, товарищ подполковник, за это большая благодарность и шашлык. Вы Жене Соболеву скажите, на какое время организовать шашлыки и подъезжайте со своими товарищами...

Я усмехнулся: – Спасибо, но нужно, уважаемый, говорить не мне, а теории вероятности.

Чеченец удивлённо посмотрел на меня: – Не понял, причём тут теория вероятности?

Я взял чеченца под руку и отвёл его в сторону: – Открою вам маленький секрет. Я туда в тот же день всадил около двухсот снарядов и то, что ни один снаряд не попал в дом ваших родственников это только результат теории вероятности и случайности.

– Товарищ подполковник, – с некоторой долей возмущения обратился ко мне глава администрации, – мы ведь с вами договорились туда не стрелять.

– Во-первых: это вы со мной пытались договориться, а не я с вами. Во-вторых: что я буду спокойно смотреть, когда там боевики шастают и организуют оборону? – Теперь я уже вопросительно смотрел на него.

Чеченец подумал, а потом сказал: – Вообще-то всё правильно, война есть война, но всё равно спасибо, что дом не разбили. – Он пожал мне руку и отошёл к автомобилю. Вскоре, после хорошего «втыка» на БМП залез Соболев и маленькая колонна продолжила движение в сторону Комарово.

К обеду вернулись в лагерь и во второй половине дня отправили колонну за пополнением в Моздок.

* * *

На следующий день, после обеда, поехали с командиром полка на встречу с командиром 245 полка. Своё ПРП брать не стал и поехал на КШМке командира. Спереди и сзади КШМки шли два танка, а саму колонну в этот раз повели разведчики на двух БМП, но как всегда быстро заблудились и командир в резкой форме отчитал Шадуру, который руководил разведчиками. После чего решили ехать через Горагорск и деревню Майское. Неразумно разогнавшись на повороте, чуть не улетели под откос, только сердце успело ёкнуть, когда мы на полной скорости проехали по самому краю крутого откоса. Лететь пришлось бы очень далеко: до дна оврага в том месте было метров пятьдесят. Теперь досталось майору Порпленко, который руководил

действиями механика-водителя КШМки. Я только покрутил головой, да и остальные поёжились, представив, чтобы там внизу от нас осталось.

Миновали Майское, углубились в холмы и вскоре выяснилось, что разведчики опять заблудились. Вообще, это самое слабое место нашей разведки – не умеют ориентироваться на местности и всё. Общими усилиями сориентировались на карте и через полчаса вылезли на гору Орлиная. Здесь было холодно, и сырой ветер выдувал остатки тепла из одежды. Офицеры и солдаты спрыгнули с машин и сгрудились с противоположной стороны КШМки, скрываясь от пронзительного ветра. Только подполковник Шадура остался в одиночестве на краю горы и через минуту, внимательного рассматривания местности, безапелляционно заявил командиру: – Товарищ полковник, а вы знаете, мы ведь не на горе Орлиная, а на другой. Я сейчас определюсь и доложу вам на какой.

Никитин устало посмотрел на Юрку Шадура и безнадежно махнул рукой: только сейчас мы разглядели, что он был пьян, причём сильно: – Идите, товарищ подполковник, от меня. Теперь я поведу колонну.

Повернувшись, все стали смотреть на крутые холмы, тянувшиеся на много километров внизу. Голо, тоскливо, не видно ни единого деревца, лишь темнели небольшими пятнами низкорослые кустарники. В долинах между холмами были видны полуразрушенные, а где-то ещё и дымящиеся развалины МТФ. А вскоре на одном из холмов мы в бинокль рассмотрели флаг России, который развевался над БТРом. Это был бронетранспортёр командира 245 полка полковника Ткач. Никитин скомандовал, мы заскочили на машины и помчались вниз с горы, где начали петлять по небольшим и узким долинкам. Проскочили на удивление целую МТФ, полную овец, миновали небольшой прудик и принялись тяжело карабкаться в гору. Десять минут нелёгкого подъёма, и мы встретились с соседями. Командиры обнялись и начали представлять нас друг другу. Я сразу нашёл начальника артиллерии майора Хамзина. Познакомились – Виктор. Информации у него о боевиках было мало. Я ему тоже кое-что рассказал. В это время Ткач и Никитин стали обсуждать, как прикрыть стык между нашими полками и через пять минут все вопросы были решены. Командир 245 полка похвастался бесшумным пистолетом. Пару раз стрельнули. Так как скоро должно было стемнеть, решили расставаться.

В этот раз командир поехал другим путём – напрямую. Проехали около километра и оказались у подножья горы Орлиная, только с другой стороны и более крутой. Решили подыматься по одиночке, сначала одна машина потом другая. Первым на склон горы стал карабкаться головной танк и было видно, как тяжело он подымается вверх. Но всё-таки, хоть с трудом, иной раз опасно пробуксовывая гусеницами и высекая из камней искры, боевая машина забралась на вершину. Следующими пошли мы. Начали подъём и все с тревогой вглядывались в предательски крутой и длинный склон. Жидкий, травянистый слой дёрна, тонким слоем покрывал камни и лишь создавал видимость опоры. Пока склон был более-менее пологим, всё шло нормально. Но вот все напряглись и я тоже приготовился в любой момент спрыгнуть с машины, так как всё чаще и чаще гусеницы стали предательски проскальзывать на склоне, а мы ведь уже поднялись метров на сто и лететь, если что случится, будет очень далеко. Костей точно не соберёшь. Вместо того чтобы подождать, пока мы заберёмся на высоту почти следом за нами полез танк замыкания. Подъём становился всё круче, и правильной бы ехать надо было уже поперёк склона, но мы продолжали упрямо лезть прямо. Гусеницы машины срывали верхний слой дёрна, бессильно перемалывали его и скользили по камням. В какой-то момент КШМ прекратила двигаться, бешено закрутились гусеницы, взревел двигатель. Ещё мгновение, все замерли. Я покрылся липким потом, напрягшись. Все невольно подались телами вперёд, как бы помогая машине, но КШМ всё быстрее и быстрее заскользила вниз.

– Всё, еще пару секунд и нужно прыгать. – Пронеслось у меня в голове. Я начал судорожно отстёгивать от шлемофона провод. Но в это время гусеницы нащупали твёрдый участок и скольжение прекратилось. Все облегчённо перевели дух. Механик-водитель чуть довернул

и вывел машину на нетронутый участок склона и мы снова возобновили движение на верх. Потихоньку, но мы приближались к вершине. Я обернулся назад и стал наблюдать за идущим за нами танком. Члены экипажа вылезли на броню и замерли, наблюдая за движением танка и за нами. Один механик-водитель оставался за рычагами и вёл тяжёлую машину вверх. Мне хорошо были видны его широко раскрытые и напряжённые глаза, из прокушенной губы по подбородку стекала тонкая струя крови. Но пацан упорно вёл машину, теперь только от него зависела жизнь этой дорогой машины, да наверно и его. Если машина пойдёт вниз вряд ли он успеет выскочить. До вершины осталось метров десять и КШМ тихонько, но приближалась к ней. А на самой вершине, в том месте, где мы должны выехать виднелись растяжки антенны подразделения РЭБ, среди которых внезапно появился солдат и знаками стал показывать майору Порпленко, чтобы он отвернул и объехал этот участок. Порпленко нагнулся к люку механика-водителя и передал команду отвернуть в сторону. Двигатель взревел, крутанулись гусеницы, срывая дёрн и КШМ потеряв опору, заскользила вниз на подымающийся следом танк.

– Всё. Теперь уже всё. Сейчас КШМ налетит на танк, и обе машины полетят вниз, в пропасть. – Все засуетились на обеих машинах. Я приготовился к прыжку и как загипнотизированный смотрел на механика-водителя танка, у которого от испуга ещё больше расширились глаза. Командир сорвал с себя шлемофон и полез к механику нашей машины. Но внезапно скольжение рынком прекратилось, КШМ наткнулась на торчавший из земли большой камень и остановилась. Никитин заорал что-то в люк КШМ.

Машина дёрнулась, немного развернулась вдоль склона, и наискосок стала подыматься снова на вершину, ещё минута и мы, перевалив бруствер окопа, остановились на ровном месте. Все обернулись и с тревогой стали наблюдать за подъёмом танка. Механик танка учёл наш манёвр, повернул несколько вдоль склона и тоже через минуту остановился рядом с нами. Все облегчённо перевели дух.

Командир слез с машины и медленно подошёл к Андрею Порпленко, сорвал с него шлемофон и ударил того кулаком в грудь: – Майор, ты что – дурак? Кого ты послушал? Да хрен с ними с антеннами. Если бы не этот камень, то мы бы сейчас все лежали трупами внизу. Ты что совсем не соображаешь? – Полковник ударил Порпленко, правда, не сильно шлемофоном по лицу. Плюнул зло и отошёл в сторону, наблюдая с тревогой за подъёмом следующих машин, но они также благополучно забрались на Орлиную.

Отдав нужные распоряжения, мы двинулись на командный пункт третьего батальона, где нам сообщили, что несколько минут назад БМП батальона, сорвавшись с горы, ушла вниз по склону. Механик-водитель БМП пытался управлять машиной, но поняв бессмысленность этого, выпрыгнул из неё, но неудачно, зацепившись ногой за выступ на машине. Его проводило за боевой машиной триста метров вниз: переломало всего солдата, как доложили, есть предположение, что сломан позвоночник. Солдат в тяжёлом состоянии. Мы все молчали, представляя, что было бы с нами, если мы тоже сорвались бы со склона горы.

Вечером начальник артиллерии группировки спустил нам три цели: скопление боевиков. Обработали их. Навели. Теперь сидим, ждём команду на открытие огня.

* * *

Вчера, пока мы ездили на встречу с командиром 245 полка, прибыла колонна из Моздока с пополнением. Вместе с ними прибыли заместитель командира дивизии полковник Лямин, начальник артиллерии дивизии полковник Алабин, кадровик округа полковник Кривцов. Возглавлял группу прибывших генерал-майор Косенко. Они привезли не только пополнение, но и гуманитарную помощь. Откуда мне досталось белое нательное бельё. Я доложил положение дел в артиллерии полка Алабину и Лямину. Им уже доложили о наших успехах. Приятно когда о твоих успехах докладывают другие, а не сам их выдумываешь.

После того как они обустроились на месте, пригласил Алабина и Кривцова в баню в первый дивизион. Конечно, после бани Константин Иванович накрыл стол и после первых пор-

ций водки Семёнов «распушил перья» – полилось из него хвастовство и бахвальство. Я его не останавливал, всё-таки благодаря ему сумел помыть и угостить гостей. Хотя было достаточно неприятно слушать словоизвержения командира дивизиона. В принципе, вечер удался: наелись и напились. Уехали от Семёнова в 23 часа.

В 9 часов выехали с командиром полка на организацию взаимодействия с командиром 752 полка. Они действуют южнее нас. Приехали в расположение первого батальона. Свой командный пункт Шпангель расположил в ста пятидесяти метрах от дороги на Грозный. На самой дороге расположился блок-пост внутренних войск, а третья рота батальона заняла оборону впереди ВВэшников. Прямо на КП командира батальона в отрытом оружейном капонире стояла 152 мм самоходка, около которой суетился с лопатами экипаж, заканчивая оборудование позиции, а командир самоходки «щеголял» белыми бинтами на голове.

Шпангель доложил командиру полка о состоянии дел.

– Алексей, откуда у тебя самоходка? – Никитин вопросительно перевёл взгляд на командира батальона.

Шпангель оглянулся на гаубицу и засмеялся: – Товарищ полковник, я сейчас вам расскажу и вы все от смеха умрёте.

– Вчера вечером их артиллерийский полк совершал марш и вот в этой самоходке весь экипаж заснул за исключением, естественно, механика-водителя. Где-то они на одном из участков дороги отстали от впереди идущей машины. А у Горагорска полк резко свернул вправо и пошёл через старые позиции 3го батальона. В этот момент и стали они догонять колонну. Естественно поворот проскочили и въехали в Горагорск, где в темноте механик увидел, что по улицам ходят вооружённые люди, а это были менты. Солдат подумал, что они заехали в Грозный. Ну и заорал с испугу в самоходку командиру: – Сержант, мы в Грозном...

Командир орудия вскочил, а так как он спал без шлемофона, то тут же разбил об что-то голову. Кровь мгновенно и обильно залило лицо и, проснувшийся экипаж, увидев окровавленного сержанта, всполошено заорал механику:

– Командира ранили, прорываемся....

Ну и ломанулись они через Горагорск, сшибая шлагбаумы на всех блок-постах. Мы сумели остановить их только здесь. Оказали сержанту помощь и я им отвёл место под огневую позицию. Приказал окопаться. Вот теперь и у меня приличная артиллерия есть. – Алексей счастливо засмеялся, засмеялись и мы, а командир полка повернулся ко мне.

– Борис Геннадьевич, приедем на КП, нужно будет в группировку позвонить насчёт этой самоходки, а то наверное её ищут.

– Товарищ полковник, разрешите ещё вон о тех, дебильных ВВэшников, доложить. Такого, что придумали духи, вы ещё нигде не слышали. – Командир батальона мотнул головой в сторону блок-поста внутренних войск и Никитин поощрительно кивнул головой.

– Позавчера вечером, когда стемнело. Видят солдаты ВВ, что к блок-посту со стороны населённого пункта Нагорное по дороге подъезжает УАЗик. Вместо того, чтобы его подпустить и в упор расстрелять, – они открыли огонь с расстояния двести метров. В УАЗике оказались боевики. Началась перестрелка. Через пять минут духи отступили, бросили автомобиль, а в нём ВВэшники нашли сотовый телефон. Телефон был целый, бойцы и офицеры стали звонить домой родным и знакомым, командиры подразделений тоже звонили в бригаду, решая свои военные и хозяйственные дела. Доложили командиру бригады о телефоне. Тот по сотовому телефону звонил в свой вышестоящий штаб, докладывая о состоянии дел и о проблемах бригады. Потом весь штаб звонил по своим личным делам и служебным. А ровно через сутки телефон зазвонил. Тот, у кого в тот момент был телефон слушает, а там говорят.

– Спасибо, всё мы прослушали и записали. Записали все номера телефонов, по которым вы звонили. Вычислили по ним адреса этих телефонов. Теперь мы начнём ваших родных доставать. А сейчас мы отключаем этот номер от сети. И отключили.

Все дружно рассмеялись. Да, духи коварны и хитры, этого у них не отнимешь. Мы ещё с полчаса покрутились в расположение первого батальона и я за это время сходил на огневую позицию миномётной батареи, которая располагалась в двухстах метрах от командного пункта батальона. Как всегда у Мустаева в батарее был порядок. Все документы, какие положены на огневой позиции, отработаны в полном объёме, а в данный момент шла работа над совершенствованием огневых позиций. После этого мы сосредоточились на батальонном КНП, планируя продвинуть третью роту на полкилометра вперёд. Я находился рядом с помощником командира батальона по артиллерии капитаном Осипенко и командиром батареи Мустаевым. Как всегда Шпангель начинал с обстрела миномётной батареей впереди лежащей зелёнки. Открыл огонь и первый дивизион, но первый залп его был недолётный, а от второго, когда ввели поправку, один снаряд оторвался и разорвался в четырёхстах метрах от нас, подняв в воздух высокий столб дыма, пыли и земли. Сразу же дал команду прекратить огонь дивизиону и разобраться в причинах отвратительной стрельбы – я был очень зол. Ведь за действиями полка и артиллерии тут же наблюдал и полковник Лямин, который по приезду обратно в Екатеринбург будет рассказывать новому командиру дивизии, как мы тут воюем. Мустаев последовательно обстрелял несколько зелёнок. Мины ложились куда надо и было приятно наблюдать, как большие круглые разрывы вздымались и косили всё кругом. После такой небольшой артподготовки третья рота продвинулась вперёд и стала закрепляться на новых позициях.

Спустя десять минут мы расселись на нескольких машинах и тоже помчались вперёд. Проскочили позиции третьей роты, проехали ещё метров двести и свернули направо за зелёнку, которая скрыла нас от первого батальона. Слева было открытое поле, а справа вплотную к дороге примыкала зелёнка, её то и обстреливали минут тридцать тому назад. В местах, куда падали мины, осколками было выкошен весь кустарник и мелкие деревья. Очень чётко просматривались следы разрывов и на поле. Сантиметров двадцать-пятнадцать глубиной воронки и вокруг тоже всё было выбрито осколками. Вскоре мы остановились на месте встречи с командиром 752 полка. Впереди нас в двух километрах виден был населённый пункт Нагорное, справа и слева жёлтые поля. Кое-где поля пересекали зелёнки. Справа в двух километрах гремел бой.

Через пять минут как мы прибыли на место, послышался звук приближающегося вертолёт, а через минуту появился он сам, низко вынырнув из-за зелёнки. Сделав прикидочный круг, винтокрылая машина приземлилась, но двигатель не выключался и стремительные лопасти гнали вихри воздуха, пригибая к земле высохшую траву. Из открывшейся дверцы показался командующий группировки Гончаров, следом за ним начали выскакивать и другие офицеры штаба, в том числе и мой артиллерийский начальник полковник Борисенко. Пригибаясь и придерживая головные уборы, все направились к нам. Командир полка доложил Гончарову о состоянии дел, я в свою очередь доложил Борисенко и все вместе отошли от вертолёт, подавшись. Отойдя в сторону, командующий поставил Никитину задачу во взаимодействии с 752 полком завтра блокировать Нагорное и обеспечить проведение зачистки подразделениями внутренних войск, выразив крайнее неудовольствие тем, что мы не обстреливаем село артиллерией. Выслушав ответ командира полка о том, что жители села лояльно относятся к федеральным силам, Гончаров бросил сквозь зубы.

– Обстрелять артиллерией, расшатать обстановку, вынудить боевиков вступить в открытую схватку, а не миндальничать. – Сел в вертолёт и улетел.

Что-то мне не хотелось открывать огонь по селу, откуда нам нет противодействия. Тем более, что глава Комарово передал обещание жителей Нагорного ещё неделю назад, что они выгонят из села боевиков сами и не допустят провокаций. Про себя решил: отдадут приказ, буду стрелять по селу, а так нет. С тем мы и вернулись обратно в первый батальон.

В тринадцать часов мы опять отправились на то же место для встречи с зам. командира 752 полка. Только вместо командира поехал подполковник Тимохин. Приехали на место и

в ожидание соседей стали осматриваться на местности и тут же наткнулись на оборудованные позиции боевиков. Окопы были отрыты в полный профиль, по все правилам инженерного искусства. Емкостью на взвод, но судя по расположению ячеек и окопов, духи ждали нас с другой стороны. Оборудовали позиции недавно, примерно неделю назад. Интересный факт отметили при обследовании: пили, те кто рыл окопы, исключительно минеральную воду. Везде валялись картонные ящики и пластмассовые бутылки. Мы ради эксперимента обшарили всё кругом, но бутылок из-под водки или пива не обнаружили. Замаскированы позиции тоже были классно и мы лишь совершенно случайно обнаружили их. Через полчаса ожидания послышался гул двигателей и из-за старых, деревянных строений в полукилометре от нас показались машины, которые направились в нашу сторону. Мы на всякий случай рассыпались по чеченским окопам и заняли оборону, но это оказался заместитель командира 752 полка со своей охраной. В течение получаса согласовали вопросы взаимодействия: связь, позывные, частоты артиллеристов. Определились, что завтра одновременно начнём охват населённого пункта Нагорное, и в пятнадцать часов замкнём кольцо окружения Нагорного в районе МТФ на противоположной стороне деревни. После чего разъехались по своим частям. Мы вернулись в расположение КП первого батальона. Поставив задачу Кравченко на обстрел белого здания и фермы на въезде в Нагорное, так как вполне вероятно там оборудован опорный пункт боевиков, сам с разрешения командира полка убыл через Горагорск в лагерь. Жизнь в Горагорске постепенно налаживалась, появились местные жители. Человек двадцать их стояло у здания администрации, мимо которого мы проезжали и угрюмо провожали нас взглядами.

В лагере тоже всё было нормально. На ЦБУ дежурил Гутник, а Чистяков спал в салоне. Сегодня были последние сутки «домашнего ареста» и они очень устали, с нетерпением ожидая окончания наказания, но с другой стороны получили хороший урок. Выполнив все намеченные дела, тоже решил немного отдохнуть, но около салона меня встретил подполковник сапёр, Марк, он вчера прилетел вместе с окружными офицерами и передал мне привет от человека, о котором я, честно говоря, стал забывать. Очень хорошо мы с ним посидели и поговорили, а на вечер он пригласил меня на своё день рождения. После вечернего совещания ко мне подошёл полковник Лямин и в резкой форме выразил своё неудовольствие тем, как Кравченко и Семёнов выпустили по ферме 78 снарядов, но попасть в неё и белое двухэтажное здание на окраине деревни так и не сумели. Был он очень недоволен также долгой работой и огневику, что тоже не преминул мне высказать. Мне же было неприятно это выслушивать, тем более его слова подтвердил и командир полка, а Кравченко ничем не смог объяснить такую плохую работу.

* * *

Вчера на своём дне рождения п/п-к Марк накрыл неплохой стол. В довершение выставил бутылок десять Прохладненского коньяка десятилетней выдержки и я был очень удивлён высокими вкусовыми качествами коньяка, который здорово понравился и не только мне. Пьёшь его, а впечатление такое, как будто пьёшь жидкий шоколад. Посидев около часа, я ушёл к себе.

На утреннем совещании была поставлена задача охватить третьей ротой с севера Нагорное. Поэтому в десять часов выехали, в одиннадцать были у Шпанегеля. В тринадцать часов начала выдвижение разведывательная и третья рота. Миномётная батарея обрабатывала зелёнки, а я стал пристреливать первым дивизионом место, где мы вчера обнаружили позиции боевиков. Подготовил данные и дал первый пристрелочный выстрел. Снаряд, низко прощуршав над нами, разорвался на четырёхста метров дальше нашего КП. Чертыхнувшись, Ввёл корректуру, и следующие два снаряда ложатся на позициях третьей роты, откуда они ушли десять минут тому назад. А за всем этим, хмурая брови, наблюдает полковник Лямин. Постепенно начинает от такой позорной стрельбы полковой артиллерии заводиться и командир полка. Сжал зубы и дал три минуты разобраться с установками на огневых позициях. А через две

минуты приходит доклад: – Всё нормально. Прицел, доворот от основного направления...., – нормально. Я промолчал, а в душе у меня всё кипело от негодования.

Но пока разбирались, третья и разведывательная рота миновала зелёнку и я огонь первого дивизиона переношу на северную окраину села, где стоит ферма, мимо которой проходит маршрут наших подразделений.

Первый выстрел. В воздухе прошелестел снаряд и ушёл к деревне. Я внутренне сжался. Не хватает ещё и здесь опозорится. Но нет. Разрыв возникает в ста пятидесяти метрах перед фермой. Я незаметно перевёл дыхание. Нормально. Небольшая корректура по дальности и над нами прошло уже четыре снаряда подручной батареи. Отлично. Все четыре снаряда разорвались внутри здания фермы, подняв в воздух балки, шифер и большое облако красной кирпичной пыли. Даю небольшое уточнение. Залп дивизиона, и ещё два беглым. Район фермы скрылся в пыли от разрывов, а из этого облака внезапно вырвалось большое, кроваво-красное пламя. Что-то там солидно взорвалось, и вместе с пылью потянулся чёрный шлейф горячей солянки.

– Вот..., сразу видно, начальник артиллерии работает, – послышался возбуждённый голос Лямина. А то вчера 78 снарядов выпустили, и ни какого толку.

Командир полка тоже остался доволен. Но огонь дивизиона прекратили, так как наши подразделения вплотную подошли к району фермы и начали его огибать. Пока всё шло нормально без противодействия боевиков. Подразделения поднялись на холмы и с северной стороны стали обходить деревню. Меня к радиостанции вызвал Чистяков, сегодня он шёл корректировщиком с разведывательной ротой и я выслушал его доклад.

– Товарищ полковник, – обратился я к командиру и Лямину, – мне только что Чистяков доложил, что артиллерией в районе фермы накрыли бензовоз на базе КРАЗа. Вот он и горит. Всё пока идёт нормально.

В это время мы заметили, что с южной стороны село охватывают подразделения 752 полка. Командир третьей роты доложил, что занял позиции и сейчас выставит последний взвод на выезде из Нагорного, тем самым перекрыв противоположный выход из селения. Машины развед. роты и взвода третьей роты стали скрываться за противоположной стороны холмов. В это время передовое подразделение 752 полка тоже скрылось с виду, в том же районе.

Пять минут прошли в молчание, и вот эфир взорвался взволнованным голосом командира развед. роты: – «Танкер 65» сообщите соседу, чтобы его подразделение прекратило нас обстреливать. Мы столкнулись с ними. На огонь не отвечаем. Быстрее сообщите.

Юрка Кириченко засуетился у выноса радиостанции командира полка, вызывая соседей на связь. 752 полк принял информацию и уже через пять минут огонь со стороны их подразделения прекратился. Потерь с обеих сторон в результате этого инцидента не было. Но теперь послышался голос Чистякова.

– Лесник 53, нас обстреливает снайпер из фермы, что на выходе из Нагорного, дайте пристрелочный выстрел. Из-за того, что мы ушли в ложину, у меня нет связи с «Полтавой».

Я взглянул на карту потом на местность, да действительно, справа от дороги стоит животноводческий комплекс из нескольких зданий. Быстро подготовил данные по центральному зданию и дал выстрел дымовым снарядом.

– Лесник 53, отлично. Дальность меньше пятьдесят. Огонь!

Я передал корректуру Чистякова первому дивизиону и назначил огневой налёт в 24 снаряда. Снаряды прошелестели над нами, и ушли в сторону Нагорного, а в эфире послышались радостные голоса Чистякова и командира разведывательной роты.

– Нормально. Снайпер огонь прекратил. Наверно, его завалили.

Командир с гордостью посмотрел на полковника Лямина, как будто говоря – Ну что? Вот так мы и воюем. А Лямин, это хорошо было видно по его виду, был и сам доволен.

В принципе, задача дня была выполнена. Командир роты стал закрепляться на новых рубежах, а ещё через час и мы уехали к себе на КП.

* * *

С утра опять всё закрутилось. Выехали в третью роту, для того чтобы там состыковаться с ВВ и отработать все вопросы взаимодействия с ними для проведения завтрашней зачистки. Приехали в первый батальон. Когда мы остановились, но ещё не успели слезть с машин, из салона командира батальона вышел незнакомый майор, хмуро поглядел на нас, сел в стоявшую здесь МТО-АТ и уехал. Мы слезли с машин, а в это время Шпангель смеялся, что-то докладывал командиру. Никитин засмеялся и подозвал нас.

– Алексей, а теперь всё по новой расскажи всем, – и опять засмеялся.

– Тут ночью хохма была, – начал рассказывать командир первого батальона, – сижу я с офицерами на своём командном пункте, поздно вечером. Со второй роты приходит сообщение. Пятнадцать минут назад по дороге, которая проходит через расположение роты, попытался проехать автомобиль МТО-АТ. На требование поста, предъявить документы, майор – старший машины, посылает солдат на три буквы и пытается проехать. Но солдаты открывают огонь. Всех мордой в землю, ну и конечно докладывают мне. Я приказал доставить их сюда. По прибытию всех кто там был, а это майор и несколько прапорщиков в кунге, положили на землю, руки на затылок. Майору завязали глаза и завели на командный пункт.

Посадили за стол и предложили ему рассказать, кто он такой, откуда едут и почему отказались предъявить документы? Майор с завязанными глазами явно чувствовал себя неудобно и неуютно. На ощупь достал документы из кармана и протянул их через стол. Я принял документы и, передав их своему начальнику штаба Игорю Карталову, подмигнул, решив сыграть с задержанными шутку. Майор стал рассказывать, что едет из Моздока, несколько заблудился и въехал в расположение второй роты. Заело, что солдату надо было показывать документы, вот он и отказался. В это время Карталов просмотрел документы, кинул их на стол и заявил командиру батальона.

– Товарищ майор, документы поддельные. Вот смотрите: фотография приклеена криво, печать неясная. Он майор, а удостоверение личности новенькое. Да и говорит что с войсковой части 03516, а в удостоверении об этой части ни одной записи. Это переодетые духи и моё предложение всех расстрелять. – И передал документы командиру батальона.

Майор задёргался и стал горячо доказывать, поворачивая голову с завязанными глазами в то место, откуда он слышал голоса, что действительно удостоверение новое, потому что старое он потерял, а к этой войсковой части он прикомандирован перед войной. Пусть позвонят в полк и там всё подтвердят.

Шпангель погрозил всем кулаком, сделал значительное лицо и заорал: – Ты, дух, заткнись. Видели мы таких. Тут позавчера пытались тоже своими прикинуться и половину блок-поста вырезали, пока их не грохнули. И звонить никуда не будем, бесполезно всё это. Всё равно не обманете.

– Начальник штаба, давай сюда разведчиков из взвода разведки. Отведёте их подальше и расстрелять. А ты зампотех принимай МТО и во взвод материального обеспечения. В полк об этом докладывать не будем, а то МТОшку они заберут себе.

Задержанный майор возопил: – Да вы что ребята, охренели? – И тут же получил чувствительный удар по рёбрам. Но майор продолжал материться и доказывать, что он свой. Через пару минут появились разведчики, взяли за шкуру офицера и поволокли на выход. Все последовали за ними. На улице я дал команду и майору развязали глаза, похлопал его по плечу и, глядя в ошалевшие глаза офицеру, сказал: – Ладно, майор, извини мы тут немного пошутили. Конечно, шутка жестковатая, ну извини. Сам виноват – нечего было перед моими солдатами выделываться. Показали бы документы и ехали бы себе спокойно дальше...

Говоря всё это, подошли к лежащим на земле прапорщикам.

– Куда этих? Пусть наверное спят в кунге. – Спросил я майора.

Майор хмуро осмотрел своих подчинённых, а потом пнул со злостью одного из них в бок: – Лежите сволочи, а меня тут расстреливать собрались, – повернулся ко мне, – пусть эти гады до утра здесь и лежат. А ты теперь напои меня водкой, если она у тебя есть.

– Напоил я его. Ночь переспал он у меня, а сейчас уехал к себе в полк. Прапора так всю ночь и пролежали на земле. Отлупят они по дороге майора. Но зато теперь будет чётко документы показывать, по первому требованию. – Все засмеялись.

Шпангель подогнал БМП и через десять минут мы помчались в сторону Нагорного. Не доезжая пятисот метров до деревни, свернули налево, проехали арык и въехали на холмы, которые с севера огибали деревню. Проехали ещё с километр и остановились у места будущего КНП командира полка. Слезли с машин и в бинокли стали осматривать деревню, которая с этого места отлично просматривалась как в длину, так и в глубину. Осталось дожидаться ВВэшников и согласовать с ними все вопросы, связанные с завтрашней зачисткой. А пока я решил сходить со своими солдатами к ферме, которую мы вчера накрыли. Благо она находилась в четырёхстах метрах. Получив разрешение у командира полка, я и пара солдат начали осторожно продвигаться к ферме. Ведь до сих пор не известно – есть ли в деревне боевики? Подошли к крайнему зданию, завернули за угол и скрылись за ним, сразу же уткнувшись в сгоревший бензовоз. Красивое зрелище. Бензовоз ещё дымился и представлял из себя лишь порыжевший кусок железа. От взрыва топлива цистерна лопнула пополам и её края выгнуло в наружу. Двигатель от высокой температуры оплыл. Всё что могло сгореть сгорело, и теперь КРАЗ стоял лишь на дисках. Вдобавок он был весь изрешечён осколками. Двинулись дальше, и перешли к зданию, в которое попали четырьмя снарядами. Внутри было пусто и всё разбито. Следов оборудованных позиций не было. Да и кругом тоже. Впритык к ферме была пристроена жилая часть, в которой, по крайней мере, несколько дней тому назад жили. За этой частью дома прогуливались куры и индюки. Тут же в пределах огорода также виднелись воронки. Снаряды легли кучно и в нескольких метрах от стены здания. Сама стена густо иссечена осколками. Но самое смешное было в другом. Около ближайшей воронки валялся индюк, перерубленный пополам крупным осколком. Чуть дальше лежал второй индюк, ему снесло голову. А ещё дальше лежал совершенно целый индюк, но тоже мёртвый. Разведчик Попов рассмеялся.

– Товарищ подполковник, этот индюк погиб от осколка, ну а этому башку снесло, а этот наверное погиб от разрыва сердца. – Все мы дружно заржали. Правда, если солдаты смеялись от души, то у меня смех был с некоторой долей досады. Ведь столько выпустили снарядов, а убили только трёх индюков, но это чувство досады несколько сглаживал сгоревший бензовоз.

– Никому об этом не расскажу, – решил про себя. Полазили ещё немного по ферме и вернулись на КНП.

– Ну что там, Борис Геннадьевич? – Спросил командир.

– Обнаружил на ферме оборудованные позиции боевиков, на своё счастье они не успели занять их, так бы мы их накрыли, – бодро соврал я, – Да бензовоз сгоревший. Наверное, владелец его думал, что мы будем обстреливать деревню и спрятал его туда, а получилось всё наоборот.

– Пока ты отсутствовал приходили на переговоры жители деревни. Оказывается, вчера наши танкисты вдребезги разнесли мечеть, которая находится на их кладбище, и якобы утащили оттуда ковры. Вон погляди. – Командир рукой показал мне, куда надо смотреть. Вскинул бинокль. Действительно, небольшое здание мечети, стоявшее на краю кладбища, было полностью разрушено.

– Я туда направил Порпленко, чтобы он с этими коврами разобрался. Если действительно наши ковры утащили, то вернём обязательно. А за мечеть и нечего переживать.

Мы обернулись на громкие голоса, заспоривших между собой командира батальона и командира танковой роты, которая была придана батальону. Оказывается, разглядывая

деревню в бинокль, офицеры обнаружили здание кафе, на котором гордо красовалась вывеска «Ичкерия», а рядом на стене был нарисован герб Чечни. Вот они и спорили, кто первый сейчас откроет огонь по кафе, чтобы сбить вывеску.

– Товарищ полковник, это борзота. Разрешите, хотя бы с пулемёта пощекотать их. А завтра, когда начнём зачистку танком раскатаем это здание.

– Алексей, только осторожно. И только по зданию кафе. – Дал добро командир полка.

Шпангель взлетел на танк и расположился за башенным пулемётом. Ещё несколько секунд и загремели очереди. Стрелял комбат хорошо, первая же очередь хлестанула по белой стене здания, оставляя рваные раны на штукатурке. Вторая начала клевать герб Чечни. Ещё пару очередей и герба не стало. Теперь Алексей огонь перенёс на вывеску, от которой в разные стороны полетели щепки и крупные куски, но сама она продолжала висеть. Дав ещё несколько очередей и убедившись, что вывеску из пулемёта не сбить, офицер прекратил огонь.

– Завтра, с танка разобьём, – доложил своё видение этой проблемы Шпангель.

Я приказал разведчикам расставить оптические приборы, и стал разглядывать в них деревню, пытаясь выявить вполне возможные позиции боевиков. Окраина деревни находилась в трёхстах метрах от нас и, глядя в двадцатикратный прибор, я практически присутствовал в каждом дворе окраины. А наблюдать было интересно: как люди, занимаются своими домашними делами и заботами, прекрасно зная, что деревня блокирована со всех сторон войсками. И понимая, чем это может им грозить, но жизнь не остановить и она требует к себе ежесекундного внимания. И волей неволей, даже понимая, что завтрашнего будущего для них может и не быть, но они всё равно занимаются делами, надеясь что всё обойдётся. Они не знают, что завтра, как минимум батарея Д-30 и 82 мм миномётная батарея откроют по деревне огонь. Вполне возможно, что и моя артиллерия: один дивизион и 120 мм миномётная батарея поддерживает артиллеристов ВВ, если хотя бы один выстрел прозвучит из деревни. Да и танкисты помогут раскатать Нагорное. После этого в деревню ринутся подразделения внутренних войск производить зачистку, а это очень неприятная процедура. Вот об этом жители ничего не знают и живут сегодняшним днём.

Я повёл прибором на правую окраину деревни и начал наблюдать. В поле зрения появился старик, который гнал небольшую отару овец и коз к крайнему дому. Одна коза всё время пыталась отбежать от стада в сторону, но бдительный старик длинным прутом охаживал бока строптивного животного и возвращал его на место. В соседнем дворе мужчина чинил трактор «Беларусь». Даже в прибор было видно, что трактор старый, гнилой и что его ремонт: это постоянный и непрерывный процесс для его хозяина. А в сельской местности и в этих условиях трактор наверно является единственным кормильцем для этой семьи и постоянным источником доходов. Судя по тому, где проходит ремонт трактора, это и является его постоянным местом на дворе. Завтра во время обстрела, этот трактор будет расстрелян первым. Так что чинит он его зря. Поворачиваю прибор левее, следующий двор. Мужчины в доме наверно нет, потому что дети колют дрова. Старшей девочке лет четырнадцать, она и колет. Рубит неумело: подымает высоко топор и слабо ударяет. Топор вонзается в полено, но не раскалывает его и топор вязнет в дереве, или она по полену промазывает и оно падает. Младшие: девочка лет десяти и восьмилетний мальчик собирают щепки. Интересно, если будет возможность, зайду после зачистки и попробую узнать, где их мужчины. Воюют, наверное, против нас. Веду прибор по окраине деревни дальше. Следующий двор, где седобородый старик закрепляет палку с белым флагом на скирде соломы. Только слезет, ветер подует чуть сильнее и флаг падает. Старик опять по лестнице лезет и пытается ещё глубже воткнуть древко флага в солому, но сил не хватает и флаг опять падает вниз. Ещё дальше веду прибором. Везде люди занимаются во дворах своими делами и не догадываются, что может произойти с ними завтра.

За спиной продолжают спорить между собой танкисты, рассуждая с какого снаряда, они завтра раскатают здание кафе. Я завтра тоже постараюсь разбить кафе, но раньше танкистов.

Пристрелку начну с пруда, которое располагается сразу за кафе. А потом небольшими корректирами подведу разрывы к зданию. Правда, при этом не исключено что разобью и несколько домов рядом с кафе.

Я закончил разглядывать деревню и повернулся к командиру полка и майору ВВ, которые вместе обсуждали план завтрашней зачистки. Вспомнив эпизод задержания борзого чеченца в Горагорске, наугад обратился к старшему лейтенанту, который сопровождал майора, с вопросом о его дальнейшей судьбе.

К моему удивлению, старлей знал об этом духе: – Боевиком оказался. У него брат полевой командир и он его послал на разведку. Так что правильно его задержали. Мы своих, кто пропустил его на блок-посту, капитально наказали. Вообще интересно, что вы его по тапочкам вычислили.

– Что, сразу всё и рассказал? – Недоверчиво спросил я.

– Да нет, пришлось повозиться. Трое суток молчал, но когда пальцы ему в дверях зажали, всё рассказал.

Я невольно поежился: – Конечно, я удивлён, что после этого он вообще не сказал вам, что он брат Басаева. Ну и что дальше будете с ним делать?

Ответить старший лейтенант не успел: командир и майор ВВ закончили обсуждать детали зачистки и все мы начали рассаживаться на машинах чтобы выдвинуться на свои базы. Отдав необходимые распоряжения командиру первого батальона, мы начали движение на КП полка. Ещё не доезжая до огневых позиций второго дивизиона, я услышал выстрелы из самоходок. А когда выехали к самим позициям, то увидели как несколько самоходок, развернув стволы в тыл, расстреливали прямой наводкой нефтебазу в четырёхстах метрах за дивизионом. Зрелище было впечатляющим. Над нефтебазой стоял дым от горящих зданий, ёмкостей с соляровкой. Вдобавок всё это было окутано красной кирпичной пылью. Проехали, не останавливаясь, мимо – командир второго дивизиона выполнял приказ командира полка.

Издалека, подъезжая к КП, увидели стоявший там вертолёт. Оперативный дежурный, выскочив из палатки, доложил – вертолёт прилетел за солдатом с третьего батальона. Рана в живот – попытка самоубийства. За день это второй вертолёт. Утром вертолёт забрал в госпиталь солдата-разведчика – отравился наркотиками и начальника штаба полка – у него опухла нога, и он не может ходить. Обязанности начальника штаба стал теперь выполнять Андрей Порпленко. Тяжело Андрею будет, он и так не высыпается, тяжело и надсадно кашляет, болеет наверно. Своей работы полно, а тут ещё обязанности начальника штаба. А командир полка к этой области деятельности штаба очень жёстко относится.

Приехал весь в пыли. Солдаты быстро нагрели воду. Меня за это время постригли и я весь вымылся. Одев чистое обмундирование почувствовал себя совсем прекрасно. А тут заявляется особист Вадим и начинает вёдливо расспрашивать, по чьему приказу была расстреляна нефтебаза.

– А тебя с какой стороны это касается? – Вопросом на вопрос спросил я.

– Как это, меня не касается. Дивизион развернул стволы в сторону КП полка и расстреливал сооружение народного хозяйства, на восстановление которого в будущем придётся денежки выделять. Да и нефтебаза не у противника находилась. А если бы артиллеристы твои промахнулись, и снаряд бы прилетел сюда? Не дай бог, кого ранил. Кто тогда бы отвечал за это?

– Товарищ майор, идите к командиру полка и он вам всё объяснит. Я не понимаю, что вам уже работы не хватает, что вы начинаете вмешиваться в приказы командира полка?

Майор задумчиво посмотрел на меня: – По большому счёту, меня здесь всё касается. И когда что-нибудь случится, то меня наравне с командиром полка спросят, только уже по моей линии. Ладно, оставим этот разговор. Ничего не случилось и ладно. – Особист развернулся и удалился в сторону кунга командира полка. Я ещё поразмышлял: обиделся он на меня или нет? Стоит ли обострять отношения с ним? А потом махнул рукой на все эти мысли. Своих забот

хватало, тем более ко мне со стороны штаба шёл командир второго дивизиона. Даже издали было видно, что он хорошо был выпивши. Поздоровались.

– Александр Владимирович, к тебе особист заезжал на позиции, когда ты нефтебазу расстреливал?

– Нет. Так постоял он на дороге, в бинокль понаблюдал и уехал. А в чём дело?

– Да копают он. Не понравилось ему, наверно, что с ним не согласовали, но я его культурненько послал подальше. Хамить не стал, чтобы потом палки в колёса не вставлял. Но всё-таки в его словах где-то и логика была. Всё нормально прошло?

– Да, нормально. Правда, пара осколков на позиции прилетели, но никого не задели. Я чего подошёл. Приглашаю вас на послезавтра на баранинку, время уточню попозже. Посидим немножко, в баньке помоемся. Как на это смотрите?

– Положительно, там по обстановке с ориентируемся. – Мы распрощались и Чикин уехал к себе.

А после обеда ко мне приехал Семёнов: – Товарищ подполковник, поговорите с моими увольняемыми. У меня их 49 человек, и никто из них не хочет подписывать контракт. Может быть, они вас послушают – всё таки у вас жизненного и военного опыта больше чем у меня, – подсластил просьбу комдив.

Я пообещал приехать в 16 часов, а сам подумал, что надо бы мне поговорить и с увольняемыми противотанковой батареи. Ситуация сложилась следующая: через несколько дней полк должен уволить несколько сотен, отслуживших свой срок, солдат. Это наиболее опытные и подготовленные солдаты. Конечно, вместо них подадут пополнение, но какое оно будет, как быстро оно сумеет адаптироваться к боевым условиям – неизвестно. Однозначно одно – увольнение этих солдат в запас здорово, в боевом отношении, ослабит полк. Поэтому мы решили провести агитацию в подразделениях, чтобы солдаты подписали контракт и остались воевать в полку. Зарплата положена им нормальная: помимо того что они будут получать денежное содержание 3000 рублей в месяц, им будет идти 800 рублей «боевых» в сутки, плюс 50 рублей командировочных – всего в месяц около тысячи долларов США. Но пока агитация проходит малопродуктивно. Лишь единицы подписали контракт.

В 16 часов все увольняемые дивизиона были построены перед палаткой командира дивизиона, несколько в стороне стояли кучками другие военнослужащие, которые пришли послушать, о чём расскажет начальник артиллерии. Я прошёлся вдоль строя, собираясь с мыслями, после чего обратился к солдатам.

– Давайте, товарищи солдаты поговорим начистоту. Без обид и приукрашивания. 90 процентов тех, кто стоит здесь, и не только в вашем строю, но и кругом – это дети из малообеспеченных семей. Этот обидный для вас факт, но его даже и оспаривать нечего. Если бы вы были из благополучных семей, то вас бы отмазали или откупили от армии. Но вы здесь. Не секрет, что подавляющее большинство вас призвано из деревень и небольших провинциальных городов, где работы нет или она мало оплачиваемая. Если сейчас из строя кто-нибудь выйдет и заявит здесь, что он сейчас приедет домой и его ждёт упакованная трёх или двух комнатная квартира, прекрасная работа, невеста с богатыми родителями – то никто вам не поверит. И я первый не поверю этому детскому лепету. Это фантазии, это мечты, а жизнь более реалистичная. Я, конечно, вас понимаю. Два года вы не были дома, хочется расслабиться, погулять и потрахаться. Но вот вы приехали, получили свои честно заработанные 25 тысяч рублей. Может, для вас сейчас это и большие деньги. Но давайте посчитаем. Вот, вы приехали домой: одеться, обуться, чтобы не стыдно пройти по городу и деревне – Надо? Надо. Это если вы крутанётесь нормально – десять тысяч рублей. Вы – молодые, и вам наверняка захочется купить нормальный импортный телевизор, нормальный музыкальный центр, а это ещё десять тысяч рублей. И останется ещё пять тысяч – Всё. – Я развёл руками перед строем внимательно слушавших увольняемых, – Всё, товарищи солдаты. А ведь надо выпить с одним, с другим, захочется кому-

то сделать приятное и купить небольшой подарок. А погулять? А покуралесить? Всё, эти ваши двадцать пять тысяч растают как дым за несколько дней. А там опять на шею к родителям, в эту нищету. Кому на хрен такая жизнь нужна? Кому вы такие нищие, кроме родителей, нужны? Ну, ответьте.

Выдержал значительную паузу, а потом продолжил: – Вот стою я перед вами, если вы думаете, что я закончил военное училище и стал офицером, то вы глубоко ошибаетесь. Я, так же как и вы тянул солдатскую лямку, только служил в Германии. Так же как и вы орал дурным голосом «Дембель давай». Мне повезло: перед дембелем поехал в отпуск поощрению. Посмотрел, как в Советском Союзе живут, и прикинул, как буду жить в Германии, если останусь на прапорщика. И не раздумывая, после отпуска остался служить в Германии прапорщиком. Поверьте мне, сколько служу, но я ещё ни разу не пожалел, что остался служить. В Германии прослужил восемь с половиной лет. Приехал в «Союз» упакованным, обеспеченным и мог уверенно жить дальше.

Вот и вы сейчас сделайте этот свой выбор. Да..., стиснете зубы... Подпишите контракт и через полгода, а я уверен, что через полгода мы все будем в Екатеринбурге, получите большие деньги, с которыми можно уверенно начинать жизнь. На эти 6 тысяч баксов можно и машину купить, и свадьбу справить. Или же деньги эти на учёбу пустить. Да блин, в конце концов и на Канары смотаться с бабой. Вы подумайте об этом. Не маловажен и тот момент, что вы то, в отличие от пехоты, в принципе, ничем не рискуете, вы боевиков и не видите. Риск ведь минимальный.

Кажется, я обрисовал вам реальную картину, что вас может ожидать, когда вы приедете домой: сейчас или через полгода. Вам осталось только подумать и принять решение: нормальное мужское решение. Вот командир дивизиона стоит, у него контракты идите к нему и подписывайте.

Я перевёл дух и отошёл к командиру дивизиона: – Константин Иванович додавливай, по моему мне только станцевать перед ними оставалось..., рули здесь, а я поехал в противотанковую батарею – там тоже надо выступить.

В ПТБ моя речь мало чем отличалась от того что я говорил в дивизионе.

* * *

Утром стало известно, что сегодня ночью словили двух разведчиков-дембелей, заготовивших для продажи 8 цинков патронов. Всю ночь их допрашивали, и до сих пор «пытают»: кому и через кого они собирались их продать. Перед входом в ЦБУ стояли и курили командиры подразделений, а несколько в стороне командир полка за что-то ругал командира первого батальона. Из палатки послышалась команда зайти на совещание. Все заняли свои места и ещё несколько минут, до прихода командира полка, обменивались информацией о прошедшей ночи. А ночь была богата на события. В третьем батальоне БМП непонятно по какой причине наехала на блиндаж, где спали солдаты и один из них получил тяжёлую травму. В первом батальоне, в третьей роте, два командира взвода выпили и пошли по позициям. В результате: один командир взвода ранен в ногу, второй в руку. Командир роты испугался, и доложил командиру батальона лишь через двенадцать часов о случившемся. Раненых офицеров только сейчас привезли в санчасть. Короче, калечим друг друга. В принципе и совещание всё было построено на этих происшествиях. После совещания ко мне подошли командиры первого дивизиона и ПТБ. Оказывается, после моего выступления в дивизионе подписали контракт 10 человек, а в ПТБ из 6 увольняемых – один солдат.

В десять часов утра из артиллерийского полка подъехал полковник Насонкин, полковник Половинкин и подполковник Тычков. Они послезавтра уезжают в Екатеринбург и решили проверить нашу артиллерию. После короткого обмена информацией мы сели на моё ПРП и поехали по позициям артиллерийских дивизионов. Сначала заехали в первый дивизион. Походили по позициям, осмотрели капитальные землянки для личного состава, оба-

лованное землёй место для автомобильной техники, кругом порядок. Правда, Насонкин сделал небольшое замечание насчёт мусора и бумажек в оружейных окопах, но всё равно был доволен увиденным. Семёнов, пользуясь случаем, разливался соловьём, рассказывая, какой он рачительный хозяин и с какими трудностями ему пришлось и приходится сталкиваться. При этом опять было много хвастовства и фанфаронства. Всё это было противно слушать, но я молчал. Несколько раз Насонкин недовольно морщился, когда Константин Иванович особо перегибал палку в своём безудержном хвастовстве, но тоже молчал. После осмотра первого дивизиона решили: едем во второй дивизион – смотрим его, а потом обратно в первый. Семёнов к этому времени приготовит обед и баню. Вскочили на ПРП и помчались во второй дивизион. В принципе, я считал, что там проблем тоже никаких не будет. Но жестоко ошибся. ПРП остановил, как всегда, на площадке перед шлагбаумом и в распоряжение дивизиона мы вошли пешком. Как-то раньше я не обращал на порядок в дивизионах, ну может быть, поддёргивал иногда Семёнова, но в принципе во внутренние дела дивизионов не лез. Считаю, что это полностью прерогатива командира подразделения, да и честно говоря, времени у меня не было вникать в быт артиллерийских подразделений. Но сейчас мне стало стыдно. В отличие от первого дивизиона, кругом царил бардак. Вся территория огневых позиций усеяна самым разнообразным мусором, начиная от вскрытых банок с консервами и заканчивая драными матрасами. Из фанерного домика выскочил подполковник Чикин и скорым шагом направился в нашу сторону. И уже по его ныряющей, неуверенной походке было видно, что Александр Владимирович был сильно пьян, но он сумел чётко доложить полковнику Насонкину о состоянии дел в дивизионе.

– Чикин, ты чего такой пьяный? – Увидев этот бардак на позициях, Насонкин пришёл в негодование и его вопрос прозвучал резко и агрессивно.

– Товарищ полковник, – начал оправдываться командир дивизиона, – ночью приехал пьяный командир танкового батальона и чтобы его ночью не отпускать к себе в батальон, пришлось его накачать. Я и не заметил, как сам напился.

Насонкин от такого «детского лепета» даже крикнул и ещё больше помрачнел. Подполковник Тычков засмеялся, но сразу же оборвал свой смех, увидев мой злобный и многообещающий взгляд. Мы медленно шли по расположению дивизиона и Насонкин тыкал носом Александра Владимировича во все недостатки. Казалось, что этим всё и закончится, но в тот момент, когда мы остановились рядом с офицерской палаткой, дверь домика командира дивизиона открылась и оттуда с пьяным смехом вывалился полуодетый начальник штаба дивизиона майор Пиратов. Увидев Насонкина, Пиратов судорожно заметался перед домиком, потом развернулся и помчался в сторону солдатской столовой. А пока он не скрылся, все с любопытством наблюдали, как кренился из стороны в сторону, поскальзываясь, опасно пробегая между лужами, но всё таки он благополучно добежал до цели и скрылся из виду.

– Доложите мне: кто сейчас руководит дивизионом? Кто будет руководить огнём дивизиона, если командир и начальник штаба пьяные? – Насонкин был злой до нельзя и переводил свой взгляд то на меня, то на Чикина, а за его спиной осуждающе поддакивал подполковник Тычков.

– Товарищ полковник, для меня это тоже неприятный сюрприз, – я перевёл свой взгляд на Тычкова и попытался им передать подполковнику: что когда приедем в лагерь я тебе, штабная крыса, покажу, чем чревато поддакивание начальству. Чикин что-то мямлил, пытаясь оправдаться и обещал, что всё исправит. Зашли в офицерскую палатку: такой же бардак и грязь. Не заправленные постели, остатки засохшей еды на столе, над которой весело роились огромные мухи.

– Чикин, если у тебя так офицеры живут, то как живут солдаты? – Возмущённый Насонкин выскочил из палатки и почти бегом направился к землянкам солдат, мы же несколько отстали. Открывшееся перед нами картина, повергла всех в истеричный смех, который прихо-

дилось сдерживать изо всех сил. Вход в землянку представлял узкую траншею, которая круто опускалась вниз и заканчивалась таким же узким и тёмным входом в землянку. Насонкин, наверно, решил зайти вовнутрь: чересчур быстро в гневе пробежал вниз по траншее, наклонился и сунулся головой во вход. Но так как голова оказалась ниже пояса, то офицер тут же потерял равновесие и полетел вглубь землянки. Спасла его от падения в темноту его же задница, которая застряла в узком проходе, рассчитанный на худощавых солдат, а не на дородного полковника. Картина была действительно смешная: на месте входа торчала задница, туго обтянутая камуфляжем, из-за которой доносились едва слышимые вопли: – Помогите мне.... Тащите меня отсюда.... Куда вы все там пропали?

Общими усилиями, схватив за одежду, мы выдернули Насонкина из лаза. От возмущения у полковника не хватало слов: он что-то нечленораздельно выкрикивая и размахивая руками, помчался к следующей землянке. Но увидев такой же лаз, не полез туда, а вскочил на крышу землянки и возбуждённо топчась на ней, стал яростно отчитывать командира дивизиона. Но его никто не слушал, так как я и остальные со всё возрастающим интересом наблюдали за его топтанием на крыше землянки, которая представляла собой лишь тонкий лист шифера, а Насонкин был достаточно грузным мужчиной. Даже Тычков затаил дыхание, сдерживая улыбку. Мы дождались логического конца: полковник, сделав трагическую паузу и с треском провалился во внутрь землянки, исчезая там в клубах пыли. Теперь смеялись все и не скрывали смеха, а Насонкин, обрушивая остатки крыши, вылез и, возмущённо сопя, остановился рядом с нами. Хотел нас отругать, но наверно, представив, как он выглядел – тоже рассмеялся.

– Александр Владимирович – это убожество. Это не землянки, а пещеры. Пошли смотреть дальше.

Прошли и осмотрели позиции самоходок – тот же бардак. Кучами громоздились ящики со снарядами, кругом различный мусор и остатки пищи. Открыли задний люк машины старшего офицера батареи: лучше бы не открывали. Из люка к ногам проверяющих посыпались разноцветные одеяла, подушки и матрацы. А в глубине машины виднелась посуда и ещё какие-то гражданские вещи. Всё это было достаточно неприятно. Зашли на Пункт Хозяйственного Довольствия, а там шарахается пьяный командир батареи капитан Ахтямов. До меня доходили слухи, что отчаявшись справиться с пьянками Ахтямова, Чикин поставил его заведовать пунктом хозяйственного довольствия дивизиона. Вышли с ПХД, а рядом стоит баня, из которой во все стороны хлещет вода, собираясь в громадную лужу перед полевыми кухнями. По приказу полковника Насонкина были построены офицеры дивизиона. Лучше бы их не строили. Многие офицеры в строю стояли выпившие, форма грязная. Небритые, кое кто уже отпустил бороду. Говорить с ними было не о чем. Насонкин плюнул и направился к ПРП.

У машины полковник резко обернулся и спокойным тоном, за которым слышался едва сдерживаемый гнев, сказал: – Чикин, ты знаешь, что я отношусь к тебе с уважением и всегда тебя поддерживаю. Если, ты, завтра до 10 часов не исправишь положение. А я завтра проверю устранение всех недостатков, то я вычёркиваю тебя из списка офицеров, к которым отношусь с уважением.

Под горячие заверения подполковника всё сделать и исправить, мы молча забрались на ПРП и отправились в первый дивизион. Настроение у меня было паршивое, не лучше оно было и у остальных.

Услышав звук подъезжающей ПРП, к нам вышел Семёнов. Вышел он из палатки в тёплой куртке одетой на белое нательное бельё и без головного убора. Независимо и почти пренебрежительно посмотрел на меня: мол, ты меня дёргаешь, командуешь мной, а накормить обедом и помыть в бане без меня не можешь.

– Хорошо, Константин Иванович, я тебе припомню этот взгляд, – мстительно подумал я. Насонкин медленно осмотрел с ног до головы Семёнова.

– Что, Константин Иванович, похвалил тебя, так ты теперь думаешь, что можешь в таком виде к начальнику подходить? Может быть, ты меня ещё по плечу похлопаешь? – Насонкин зло вперил взгляд в командира дивизиона.

– Я, товарищ полковник, работаю здесь, – почти с гонором прозвучал ответ.

– А мы, что херней тут занимаемся? – Взорвался начальник. Семёнов заюлил, поняв что перегнул палку: – Товарищ полковник, Вы меня неправильно поняли...

Но было поздно, у Насонкина окончательно испортилось настроение. Пока Константин Иванович оправдывался, мы зашли в палатку, где был накрыт для нас обед. Но увидев кожаную мягкую мебель, которую Семёнову подарил третий батальон, начальник пришёл в ярость.

– Копытов, пошли отсюда. Я это видеть не могу. – Резко развернулся и решительно направился к ПРП. Тычков засуетился вокруг Насонкина: – Товарищ полковник, товарищ полковник разрешите я здесь останусь, помоюсь в бане. – Мы подошли к ПРП, полковник повернулся к командиру дивизиона.

– Семёнов, давай сюда свой УРАЛ, а Тычков приедет потом на ПРП. Всё Семёнов, – прервал попытку Константина Ивановича оправдаться, – иди отсюда, я тебя видеть не могу.

Пока мы ждали машину, я отошёл с Тычковым в сторону: – Слушай, чего Насонкин так внезапно взбеленился? Вроде бы после второго дивизиона он несколько успокоился.

– Боря, Насонкин, не любит мародёрства в любом его проявлении, а тут кожаная мебель прекрасная стоит, вот он и взбеленился.

– Да, Тычков, ты завтра подойди ко мне, есть у меня к тебе пару вопросов.

Подполковник радостно засуетился, он любил давать разные советы, превращая их в нудные поучения и долгие лекции, из-за чего его не любили сослуживцы. Он готов был часами рассказывать об обкапывании палаток, чтобы во время дождя туда не попала вода, или же поучать, как воспитывать личный состав, при этом имея минимальный опыт общения с последними.

Путь до командного пункта полка я и Насонкин проделали в молчании. Расстались мы также молча. А в 16 часов приехал Чикин, долго извинялся передо мной и обещал всё исправить. После извинений стал настойчиво приглашать к себе на баранину, но я отклонил предложение.

* * *

С утра пошёл дождь, как-то сразу стало грязно и мерзопакостно. Но через два часа дождь прекратился, выглянуло солнце и опять стало на улице и на душе нормально. Сегодня решил подежурить до обеда на ЦБУ: поработать над документами, да и дух перевести после поездов. Командир на утреннем совещании предупредил, что завтра едем в 752 полк на показательные занятия, а это 60 километров туда и обратно. А после обеда прочитал только что пришедшую телефонограмму – в 15 полку снайпером убито три солдата. Пули попали в сердце, ухо и голову – работал профессионал.

* * *

Занятия в 752 полку перенесли на более позднее время, а за всей суматохой и боевыми действиями как-то забыли, что сегодня день части. На совещании командир поздравил всех с праздником и объявил, что в 14 часов будет праздничный обед, на который пригласил всех командиров подразделений. День стоял отличный, почти летний. После совещания я нагрел воду и хорошо помылся, подшил свежий воротничок, начистился и наодеколонился – к празднику готов. Стоял около салона свежий, чистый, впервые за много дней спешить никуда не надо, все распоряжения отданы, артиллерийский механизм работал чётко и отлажено. Насонкин с офицерами уехали в Екатеринбург. Накануне они опять ездили во второй дивизион с проверкой. Вернулись довольные: Чикин все недостатки устранил, и посидели они тоже неплохо.

Я не спеша прогулялся по расположению, зашёл на позиции миномётного взвода, который вызвал на командный пункт, чтобы огнём миномётов периодически простреливать наиболее опасные места зелёнки в тылу полка. Тут же пристрелял ещё несколько опасных мест в

зелёнке и подошёл к командиру полка, который стоял у прилетевшего вертолётa и рассказывал в видеокамеру о деятельности полка. Закончив, он позвонил мне к себе: – Борис Геннадьевич, как начальник артиллерии доложите Командующему об артиллерии полка.

Майор снимавший видеокамерой вскинул её на плечо и приготовил снимать, а я на несколько секунд задумался и кивнул головой, давая знак, что готов. Увидев красный огонёк над объективом начал говорить: – Товарищ Командующий, хочу сразу сказать слова благодарности за оказанную помощь в комплектование и подготовки артиллерийских подразделений Вам лично и офицерам округа, участвовавшим в мероприятиях боевого слаживания полка. По результатам боевых действий за октябрь месяц, артиллерия 276 полка была признана лучшей среди артиллерийских подразделений группировки. Хочу также заверить, что мы и дальше будем также хорошо выполнять свой воинский долг.

Я кивнул головой, подводя итог произнесённому и красный огонёк погас. Пообщавшись ещё несколько минут с командиром ушёл в сторону ЦБУ, где просидел на связи с дивизионами до 14 часов, а в 14.30 мы построились у офицерской столовой и стали ожидать прилёта командующего группировки. Командир нервно бегал вдоль строя и раздражённо матерился: – ... Даже на пьянку вовремя собраться не могут. Борис Геннадьевич, где твой Семёнов?

Но я молчал, лишь стискивая со злостью зубы: помимо Семёнова, в строю не было командира первого батальона и третьего. Опоздание на совещания, построения на различные мероприятия были бичом полка и война не внесла здесь разнообразия. Но когда в воздухе появился вертолёт с командующим, все опоздавшие стояли в строю и преданными глазами смотрели на командира полка, который лишь досадливо махнул рукой.

Подняв тучу пыли вертолёт сел и из открывшейся двери выскочил Гончаров и его обычная свита, состоявшая из кучи полковников, над которыми возвышалась фигура начальника артиллерии группировки.

– Полк, Смирно! – Командир полка приложил руку к головному убору и направился к командующему, приближающийся к строю офицеров.

– Товарищ командующий, офицеры штаба и командиры подразделений 276 полка построены. Командир полка, полковник Никитин.

Гончаров принял доклад, обнял командира полка, после чего подошёл к офицерам: – Здравствуйте товарищи!

– Здравия желаем товарищ командующий! – Дружно и слитно ответил строй.

– Поздравляю вас с Днём части! – Ответом было троекратное Ура.

Генерал достал из кармана наградной пистолет и тут же вручил его полковнику Никитину. Они снова обнялись и троекратно поцеловались.

Обед прошёл на высоте: столы были накрыты прекрасно, атмосфера праздничная. Командующий вёл себя непринуждённо, что создавало особую обстановку. После произнесения нескольких тостов из палатки выскочил начальник службы РАВ группировки и улетел на вертолёт за подарками, через пятнадцать минут вертолёт прилетел обратно и Гончаров наградил биноклями командиров батальонов и меня в том числе. После моего ответного слова, в котором я от имени награждённых поблагодарил за бинокли командующего, вертолёт снова взлетел и нач. службы РАВ привёз ещё и шлемофоны, на недостаточное количество которых намекнул в ответном слове. РАВист теперь сидел и настороженно глядел на каждого кто подымался с тостом, ожидая, что ему опять придётся лететь за каким-нибудь имуществом. Вертолёт летал ещё пару раз, но что он привозил, я уже не помню.

Улетал командующий уже в темноте, а получив доклад, что вертолёт приземлился благополучно, мы вернулись обратно в офицерскую столовую за столы. Выпили ещё раз за день полка, посидели минут десять и в 20:00 вывалили на улицу смотреть артиллерийский салют, который я заказал дивизионам. Слитно прозвучал залп двадцати четырёх орудий, а через сорок секунд над Горагорском в воздухе расцвели факелы осветительных снарядов. Высота была

небольшая поэтому несколько факелов упали на землю и горели ещё там, отбрасывая причудливые тени в разные стороны. Прозвучал ещё залп и ещё один ряд осветительных снарядов повис в воздухе, но уже выше. Командир полка вошёл в азарт и приказал в честь дня части отсалютовать из всех видов оружия, что было на КП полка и через несколько минут в небо в разных направлениях понеслись трассера из автоматов и пулемётов. Я тоже приказал командиру миномётного взвода осветить зелёнку и накрыть её осколочными минами по пристрелянным целям. Только над зелёнкой разгорелся факел осветительной мины, как к нему потянулись трассы зенитной установки ЗУ-23у, к ним присоединились и трассера выпущенные из пулемёта с расположения разведчиков. Один миномёт непрерывно подсвечивал местность, а остальные три клали мины в зелёнку.

Опомнился я лишь, когда командир миномётного взвода доложил мне, что на позициях осталось только тридцать осколочно-фугасных мин.

– Стой! – Заполошно закричал я командиру взвода, хотя он стоял рядом со мной, – Семёнов, дивизионам – Стой!

Командир дивизиона находился недалеко от меня и по радиостанции руководил салютом дивизионов.

– Самара, Полтава – Стой! – Продублировал команду офицер.

– Константин Иванович, пусть доложат о расходе снарядов.

Доклад был удручающий: были израсходованы практически все осветительные снаряды. Я с досады плюнул на землю и дал себе зарок впредь так не заводится.

Банкет закончился в кунге командира полка, куда Никитин пригласил заместителей и меня.

* * *

Утро началось с поисков бушлата, кепки, которые я нашёл в офицерской столовой, а немецкую каску принёс Семёнов. Не испортило мне настроение и сообщение о том, что в первом дивизионе во время чистки оружия замкомвзвод не отстегнул от автомата магазин и произвёл случайный выстрел, ранив себя в бок.

Я сидел в палатке ЦБУ, когда пришли для установки взаимодействия офицеры ВВ. Обсудив ряд вопросов, они задали осторожный вопрос: – Товарищ подполковник, а что у вас тут вчера произошло? Что за стрельба была?

А узнав, что мы так отмечали день части они пришли в восторг: – Товарищ подполковник, так классно и красиво было. Красота, ничего подобного не видели. Правда, сгорело три дома чеченцев в результате салюта, но так духам и надо.

Ноябрь

Только я успел сделать запись о сгоревших трёх домах чеченцев во время салюта, как за командиром полка прилетел вертолёт и он улетел в группировку к командиру. Гончаров вчера туманно намекнул, что отдых у нашего полка кончается и через несколько дней мы пойдём вперёд и на новое место. Через два часа Никитин вернулся и пригласил меня к себе в кунг на пиво, где рассказал, что командующий остался доволен проведённым «Днём части» и тем в какой тёплой обстановке он прошёл. Командир через каждые пять минут доставал наградной пистолет и любовался им. Я его понимал, считая награждение наградным пистолетом или боевым оружием одной из высших наград для военного. А когда я сходил и принёс из своего запаса подплечную кобуру и подарил её от артиллеристов командиру – радости у него не было предела.

– Товарищ полковник, – вкрадчиво начал я, когда командир закончил возиться с подгонкой кобуры, – не люблю закладывать, но вынужден доложить, что вчера вопреки вашему приказу, одна единица оружия на командном пункте не салютовала в честь дня полка.

Командир насупился и с подозрением посмотрел на меня: – Борис Геннадьевич, я не понимаю о чём вы докладываете и на что намекаете.

– Товарищ полковник, не намекаю, а докладываю – вы вчера приказали салютовать из всех видов оружия, – продолжал гнуть свою линию, – так вот из одной единицы вооружения не было произведено ни одного выстрела.

Никитин гневно засопел, а Тимохин и начальник связи, которые вместе с нами пили пиво, с удивлением смотрели на меня.

– Борис Геннадьевич, я не понимаю к чему вы ведёте, но это гниловато пахнет. Но если так пошло... Хорошо, докладывайте.

Я не спеша отхлебнул добрую порцию холодного пива: – Товарищ полковник, единственно из чего не салютовали, так это с вашего наградного пистолета.

Командир пару секунд с недоумением смотрел на меня, а потом когда до него дошло разразился хохотом: – Точно. Так за чем дело стоит?

Никитин выхватил наградной пистолет из кобуры, передёрнул затвор и махом выпустил всю обойму в потолок. Не успел он опустить руку с пистолетом, как резко распахнулась дверь и в салон заскочили телохранители командира – дагестанцы Тимур и Нурик. Но увидев, что в салоне всё в порядке и наши смеющиеся лица солдаты замялись на пороге, а через несколько секунд вышли обратно на улицу. Холодного пива было выпито столько, что через пять минут после начала совещания я уже с трудом сидел на табуретке и каждые двадцать секунд перекидывал ногу на ногу, сжимал ягодицы, незаметно жал руками в промежности, пытаясь хоть немного облегчить давление на мочевой пузырь. Казалось, ещё немного и меня бурно прорвёт, после чего здесь всё будет затоплено, но слава богу, что совещание продолжалось недолго и я не опозорился.

В двадцать часов мы прежней компанией сидели в салоне у особиста Вадима, который пригласил нас на свой день рождения. Командир от нашего имени подарил ему нож разведчика, чему тот был несказанно рад, а коньяк, налитый щедрой рукой в мою кружку, упал на старые и добрые дрожжи и через час я спал крепким сном в своей постели.

Утром, на удивление, чувствовал себя хорошо, как будто и не пил накануне. Быстро позавтракали и в половине седьмого моё ПРП встало за КШМкой командира. Как всегда тянули резину разведчики. Все машины, которые шли с нами в 752 полк, уже стояли в колонне. У своего салона маячил командир полка, решая последние вопросы, а разведчики ползали как сонные мухи в своём расположении, как будто не они сегодня будут по Сунженскому хребту уходить в сторону Грозного. Подошёл Никитин и, возмущённый копошеньем разведчиков,

рявкнул на начальника разведки Шадуру, тот наорался на Ефименко и в разведроту всё закрылось. Через десять минут несколько БМП разведчиков влились в общую колонну, а оставшиеся отделение солдат роты в уныние начала собирать брошенное имущество в одно место, провожая нас завистливыми взглядами.

Быстро добрались до первого батальона, по асфальту доехали до Нагорного, но несмотря на то что в деревне, в бывшем кафе, уже стояло подразделение ВВ, обогнули деревню по высотам и через десять километров подъехали к населённому пункту Керлы-Юрт. Разбитые и сгоревшие дома селения, безлюдность улиц, просматриваемых насквозь и пара верблюдов вдали, щипавших сухую траву. Воронки двухсот пятидесяти килограммовых бомб у дороги и остатки разбитых машин – такая картина открылась нашим взорам. Здесь с боями прошёл 245 полк, а через несколько километров показались и его позиции перед населённым пунктом Радужное, которое уже контролировалось боевиками. На перекрёстке нас ждал командир 245 полка полковник Ткач с офицерами штаба: быстро ввёл нас в обстановку и через полчаса мы уже подымались по асфальтовой дороге на Сунженский хребет, где занимал оборону 752 полк. Чуть ниже вершины хребта мелькнули позиции нашего артиллерийского полка и быстро исчезли за новым поворотом дороги, а ещё через пару поворотов мы вышли на вершину и теперь могли наблюдать местность в обе стороны от хребта.

Колонна остановилась и мы сгрудились около командира, получая задачу. Разведрота в полном составе уходила по хребту на семь километров за боевые порядки 752 полка и должна была занять высоту 434.4, закрепиться и ждать подхода на следующий день основных сил полка. Вместе с ними уходили мои корректировщики майор Чистяков, капитан Гутник, мл.с-нт Попов и с-нт Ахмеров.

– Борис Геннадьевич, пошли со мной и установим взаимодействие с артиллерией 752 полка, – Никитин повернулся и направился к видневшемуся недалеко КНП полка. Разведчики засуетились, готовясь к рывку на высоту, туда же потянулись и мои корректировщики, а ПРП двинулось следом за мной к командно-наблюдательному пункту и остановилось сзади него. Сержант Палло с Евдокимовым сразу же протянули мне связь с Чистяковым в одну из ячеек окопа, в которой я разместился. Убедившись в надёжности связи и познакомившись с начальником артиллерии 752 полка, доложил командиру о готовности. Командир в свою очередь переговорил по связи с командиром разведывательной роты и дал команду о начале движения. Хотя я и решил сразу же вопрос открытия огня артиллерией 752 полка в случае столкновения развед. роты с боевиками, через несколько минут ко мне подошёл начальник артиллерии полка, молодой майор, и виновато отведя глаза в сторону произнёс.

– Слушай, подполковник, хоть я с тобой и согласовал вопрос открытия огня, тебе ещё надо договориться об этом с командиром нашего полка. Только с его личного разрешения могу открыть огонь.

– Не понял? – Удивлённо протянул я. – А ты то, для чего здесь тогда?

– Ну..., у нас такой порядок..., – неопределённо протянул майор и, виновато кивнув головой на моложавого подполковника в центре обширного окопа, отошёл к приборам наблюдения. Я вкратце доложил о ситуации Никитину и попросил его согласовать вопрос открытия огня с командиром: через три минуты неожиданное препятствие было преодолено и я уже спокойно мог следить за продвижением разведчиков к высоте. Всё прошло нормально: через тридцать минут Ефименко доложил о спокойном занятии высоты, а через десять минут Чистяков попросил дать пристрелочным снарядом по нефтебазе, лежащей недалеко от новых позиций.

Начальник артиллерии болезненно поморщился, выслушав мою просьбу, а командир 752 полка, не скрывая раздражения, разрешил выпустить два снаряда, что здорово покорило меня.

Снаряды, по докладу, легли хорошо, но когда мои попросили стрельнуть ещё в одно место, майор категорически отказался снова обращаться за разрешением к командиру.

– Ну, и чёрт с тобой, – я отвернулся от артиллериста и стал в бинокль с любопытством рассматривать село Самашки, которое раскинулось в километре от командного пункта и растянулось на полтора километра по фронту и столько же в глубину. Изредка среди домов взлетал серый султан разрыва снаряда или мины. Иной раз разрывы окрашивались в красный цвет от кирпичной пыли и ещё один дом превращался в развалины. Прилетели две пары вертолётов: деловито отработав по окраине села и опушке леса за Самашками, они улетели обратно. Некоторое время я внимательно разглядывал кладбище, стараясь прикинуть количество пик видневшихся там, но бросил это занятие, так как рядом с командным пунктом шумно развернулось МТЛБ с установленным на ней пусковой установки «Штурм-С»

– Что случилось? – Остановил пробежавшего мимо начальника артиллерии.

– Дот обнаружили, сейчас уничтожим. – Бросил на ходу и выскочил к установке. А через минуту я и сам разглядывал бетонный колпак с амбразурой, который неразличимо сливался с местностью, даже удивительно, что его сумели обнаружить. Ракета сорвалась с направляющей и сразу же устремилась к цели, вызывая у меня зависть. В первую войну я командовал противотанковой батареей на базе противотанковых установок 9П148 и там приходилось попотеть, чтобы управлять ракетой. А тут навёл, выстрелил и ракета как по ниточке идёт к цели: вот и сейчас ракета вонзилась в дот, окутав его серой пеленой дыма и цементной пыли, откуда в разные стороны вылетели обломки бетона. Дым рассеялся и дот теперь являл собой жалкое зрелище и как огневая точка уже не существовал.

Понаблюдав за населённым пунктом ещё минут пятнадцать, я отошёл к своему выносу связи и стал наблюдать за нашими командирами. В центре окопа был накрыт небольшой столик, который ломился от закусок и выпивки: около него полукругом стояли два командира полка и заместители командиров. Никитин позвал меня, но я, выпив свою порцию, отошёл обратно – мне не понравился командир 752 полка, который с высокомерием оглядел меня.

Мне всё больше и больше не нравилась та атмосфера, которая царил на КНП полка, чувствовалось, что местный командир полка подломил всё под себя и ощущал этаким царьком, упиваясь властью. Все крутились вокруг него и это страшно ему нравилось.

У входа на КНП возникла лёгкая суэта и туда отошёл начальник артиллерии: оказывается, из развед. поиска вернулись разведчики и сейчас все с интересом рассматривали трофейным альбом с многочисленными фотографиями. Когда до меня дошла очередь, я взял в руки альбом и с большим интересом стал перелистывать целлулоидные листы, разглядывая цветные снимки, прислушиваясь к рассказу, как разведчики нашли этот альбом в одном из домов.

Фотографии были подобраны умелой рукой, отображая жизнь очень богатой чеченской семьи и трёх братьев, которые присутствовали на всех фотографиях. Двое из них лет двадцати пяти – двадцати восьми, а третий молодой волчонок, лет восемнадцати. На первых снимках, на дальнем плане был богатый и большой дом, обширный двор заставленный иномарками. Вот братья кормят крупную собаку кавказской породы, сидят за столом в кругу семьи, встречают приехавшего Басаева и человека похожего на Березовского. Пока идут снимки, так сказать, мирного времени, но вот братьев призывают на службу и они с кипой камуфлированной формы, жизнерадостно идут на камеру. Военная подготовка, стрельбище, отдых за бильярдным столом своим чередом проходили перед моими глазами и, судя по растительности и постройкам, вся подготовка проходила где-то на юге – скорее всего в Турции. А на других, уже боевые действия в Чечне: разбитые дома, военная обстановка, жёсткий допрос и такое же жестокое избиение русского пленного, а так же стремительная атака на блок-пост федеральных войск. И везде братья вместе: старшие ведут себя перед объективом солидно, естественно и по-мужски сдержанно, а младший изо всех сил старается подражать своим братьям во всём: в сдержанности, в обращении с оружием, в разговоре, но это у него плохо получается. На доброй сотне цветных снимков проходит часть жизни трёх братьев: старшие уже матерые бандюги, а младший достойный их ученик. Если его не остановить или не уничтожить, то из него полу-

читься ещё тот отморозок. Интересно было бы узнать дальнейшую их судьбу, но увы – это наверно невозможно.

– Слушай, разведка, я возьму вот эту фотографию? – Обратился я к старшему разведчиков, показывая пальцем на снимок, где братья позируют в камуфлированной форме и с оружием в руках. Старшие стоят, вальяжно положив руки на оружие, и спокойно смотрят в объектив, а младший, косясь на старших, пытается принять такую же, наполненную значимостью позу, но это у него не получается.

– Нет, товарищ подполковник, это командиру полка. – Разведчик, забрав из моих рук альбом, подошёл к своему командиру: доложив, начал показывать фотографии. Когда командиры полков закончили рассматривать многочисленные фото, я подошёл и попросил у командира 752 полка, понравившуюся мне фотографию, но и тут получил высокомерный отказ.

Через полчаса, ещё раз обговорив вопрос взаимодействия разведчиков нашего полка и артиллерии 752 полка, мы поехали обратно. На перекрёстке дорог, нас опять ждал командир 245 полка, тут же был накрыт богатый стол, рядом с которым боец с засученными по локоть руками готовил шашлыки из баранины. Я оказался в числе приглашённых за стол, но прежде чем сесть за стол обговорили все вопросы взаимодействия. Полковник Ткач, особенно удивился тому факту, что наша разведрота уже оседлала стратегически важную высоту в семи километрах впереди боевых порядков полков. А я, не доверяя артиллерии 752 полка, на всякий пожарный случай обговорил взаимодействие с артиллерией 245 полка, передал им частоты, на которых находились мои корректировщики и сам лично нанёс на карту полковника Ткач позиции разведчиков на высоте 434.4. Ну, а после решения всех вопросов мы отведали угощения братского полка. Для некоторых это оказалось лишним: Тимохин быстро «сломався», лёг на башне танка и так спящим его повезли в полк, Никитин держался достойно, но когда мы подъезжали к Нагорному, открыл огонь из пулемёта по заброшенной ферме. Светлячки трассеров потянулись к деревянным строениям, а Семёнов, который сидел рядом со мной на башне ПРП, резко спрыгнул во внутрь машины. Я насторожился, но разобравшись, что стреляют наши, спокойно продолжал следовать в колонне.

* * *

Утром начали сниматься с места, сворачивать лагерь и становиться в колонну, а в 10 часов тронулись на новое место к занятой разведчиками высоте. Погода была отличная и за два часа мы без особых приключений добрались до высоты 434.4. 1ый и 3ий батальоны уже находились здесь: третий ушёл вправо на свои позиции, а мы с командиром поднялись на самую высоту, откуда открылась широкая панорама местности. В тыл высоты, от далёких позиций 752 полка подходили всё новые и новые подразделения полка, занимая отведённые им места. Третий батальон развернулся на южных склонах Сунженского хребта фронтом на Самашкинский лес, который тянулся в двух километрах от нас, сразу же за линией железной дороги. Прямо против нас, справа, окраиной примыкая к лесу, расположился обширное село, а за ним в трёх километрах проходила автомобильная дорога, республиканского значения, на которой наблюдалось достаточно оживлённое движение в обе стороны. Ещё дальше, в пятнадцати километрах подымались кручи горной части Чечни. На всей этой обширной равнине виднелись до десятка населённых пунктов, каждый из которых насчитывал от пяти до восьми тысяч жителей, а с учётом беженцев доходило и до пятнадцати. Где-то в складках местности, в километре от нас, по словам разведчиков скрывался местный сумасшедший дом с сорока обитателями, брошенные мед. персоналом. Вот и сейчас разведчики провели с мешком на голове захваченного чеченца, который скрытно наблюдал за передвижением нашего полка. Правда, захватили в плен двоих, но второй смотрел на разведчиков волком и отказался отвечать на все вопросы. И чтобы второй стал более разговорчивым, первого расстреляли. Оставшийся в живых чеченец от страха, по-моему, сошёл с ума и теперь пел песню «Белоруссия родная, Украина золотая...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.